Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Геворков Георгий Эдуардович

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Соктоев Зорикто Борисович

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ 19

1.1. Понятие, содержание и сущность незаконного предпринимательства..... 19

1.2. Ущерб и размер как элементы незаконного предпринимательства 44

1.3. Понятие, содержание и общественная опасность ростовщичества как разновидности незаконного предпринимательства..... 61

ГЛАВА 2. НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЗАЙМОВ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ .. 91

2.1. Незаконное предпринимательство на рынке потребительского кредитования по уголовному праву зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ91

2.2. Проблема видового и непосредственного объекта, признаки объективной стороны незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования 118

2.3. Субъект и субъективные признаки незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования 142

2.4. Направления совершенствования законодательства и практики его применения в противодействии незаконному предпринимательству на рынке потребительского кредитования..... 160

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 175

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена введением в 2021 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также – УК РФ) нормы, предусматривающей уголовную ответственность за осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) как специального вида незаконного предпринимательства, требующего, по мнению законодателя, особой правовой охраны и выделения в самостоятельный состав преступления (ст. 171^5 УК РФ). Вместе с тем на основании принятой нормы в течение 2021–2024 гг. так и не была сформирована судебная практика и не вынесено ни одного приговора, что дает основания рассматривать ее как «мертвую» и нуждающуюся в совершенствовании с целью эффективного обеспечения уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования.

При этом следует отметить, что рынок потребительского кредитования в России имеет значительные масштабы, характеризующиеся наличием как легальных, так и нелегальных кредиторов, действующих в различных организационно-правовых формах. Хотя в последние годы бесспорной представляется тенденция к упорядочиванию рынка потребительского кредитования, тем не менее на рынке микрофинансирования наблюдается значительное количество фактов незаконного предоставления потребительских кредитов, в частности теми микрофинансовыми организациями, которые были исключены из реестра, тем самым утратив соответствующее право заниматься определенным видом предпринимательской профессиональной деятельности.

Учитывая значимость предпринимательской деятельности для экономики, являющейся родовым объектом преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, а также крупные обороты денежных средств, присущие кредитным отношениям, институт уголовной ответственности за незаконное потребительское кредитование должен сохранять свою охранительную функцию.

При этом необходимо устранить те законодательные и правоприменительные проблемы, которые на данный момент препятствуют эффективной защите публичных и частных уголовно охраняемых интересов на рынке потребительского кредитования.

Во-первых, необходимо учитывать широкую общественно-политическую дискуссию, которая активно развивается в последние годы относительно декриминализации отдельных составов преступлений, связанных с незаконным предпринимательством. В данном контексте очень важно выявить те составы преступлений, которые возможно исключить из уголовного закона, а с другой стороны, научно обосновать целесообразность применения тех составов, от которых отказываться нежелательно, с соответствующим совершенствованием их признаков и описывающих их юридико-технических конструкций.

Во-вторых, правоприменительную проблему представляет собой отягощение диспозиции ст. 171^5 дополнительным признаком – административной преюдицией. В результате на практике ст. 171^5 УК РФ на сегодняшний день судами общей юрисдикции еще не применялась, что обусловливает целесообразность внесения изменений и дополнений, направленных на обеспечение реального привлечения незаконных кредиторов к уголовной ответственности.

В-третьих, по субъектному составу действие ст. 171^5 УК РФ распространяется только на индивидуальных предпринимателей и руководителей организаций, при этом субъектом преступления не может быть физическое лицо, маскирующее систематическую, целенаправленную, имеющую целью постоянное получение прибыли деятельность под одноразовые гражданско-правовые займы. Такой подход исключает значительный сегмент реального «теневого» кредитования из сферы уголовной ответственности, что представляет непосредственную угрозу общественным отношениям на рынке потребительского кредитования.

В-четвертых, в действующем российском законодательстве модель уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования определяется исключительно критерием ненадлежащего субъекта, не входящего в особый круг профессиональных кредиторов в нескольких возможных организационно-правовых формах. В то же время уголовно-правовые нормы не устанавливают противоправности негативного социального явления, выступающего первопричиной незаконного предпринимательства по предоставлению кредитов (займов), – ростовщичества, причем указанное явление несет наибольшую общественную опасность для отношений на рынке потребительского кредитования.

Таким образом, всестороннее рассмотрение действующей и создание эффективной модели уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования представляет собой важное теоретико-методологическое и прикладное задание на современном этапе развития российской уголовно-правовой науки, являясь особенно актуальным на фоне преобразований уголовного законодательства, последовательно проводимых в рамках государственной уголовно-правовой политики.

Степень научной разработанности темы исследования. Незаконное предпринимательство в смысле анализа ст. 171 УК РФ либо в качестве комплексной категории, охватывающей, кроме общего, еще и специальные составы преступлений, включенные в главу 22, рассматривалось целой группой исследователей. Так, различные стороны незаконного предпринимательства, включая незаконное потребительское кредитование, с точки зрения понятия, содержания, признаков состава преступления, выявления его общественной опасности, дискуссии о декриминализации рассматривали такие ученые, как А. В. Бочкарникова, Н. В. Вильская, А. Э. Жалинский, М. Г. Жилкин, И. В. Белоусов, В. И. Гладких, Е. А. Кравцова, М. Г. Кырлан, Н. А. Лопашенко, В. Ю. Малахова, О. М. Олейник, Е. А. Подройкина, Н. Е. Савенко,

Н. Ю. Скрипченко, Р. Ю. Шевченко, В. В. Хилюта, В. К. Шайдуллина, П. С. Яни, Б. В. Яцеленко.

Основы различных институтов уголовного права, применимых к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, рассматривались в трудах таких исследователей, как Я. М. Брайнин, Л. А. Воскобитова, Е. И. Галяшина, Л. В. Головко, Ю. В. Грачева, К. В. Девятовская, Э. Н. Жевлаков, О. К. Зателепин, И. Э. Звечаровский, А. М. Зинин, Е. К. Каиржанов, Н. И. Капинус, Е. Н. Карабанова, И. А. Клепицкий, А. П. Козлов, Н. В. Кручинина, Л. Н. Масленникова, И. М. Мацкевич, Д. А. Мелешко, А. В. Наумов, Б. С. Никифоров, А. Н. Першин, Ю. Л. Приколотина, А. И. Рарог, Е. Р. Россинская, Е. А. Русскевич, А. Н. Трайнин, В. Ф. Цепелев.

В то же время малоизученным остается вопрос о создании целостной эффективной уголовно-правовой модели охраны отношений в сфере потребительского кредитования, учитывающей широкий междисциплинарный подход, обусловленный бланкетным характером диспозиции ст. 171^5 УК РФ, причем большинство специальных исследований направлены на формально-юридический анализ действующей нормы и ограничиваются юридико-техническими замечаниями к ее текстуальной конструкции. В то же время основной задачей представляется увязывание незаконного потребительского кредитования с негативным социальным явлением ростовщичества, являющимся первопричиной предоставления кредитов (займов) ненадлежащими субъектами.

Необходимо отметить, что некоторые аспекты совершенствования уголовно-правовой нормы о незаконном потребительском кредитовании и незаконном предпринимательстве в целом являются предметом различных диссертационных исследований.

Признаки состава преступления, вопросы отграничения от смежных составов и общие основы квалификации незаконного предпринимательства систематизированы и проанализированы в диссертационных исследованиях Л. С. Аистовой «Теоретические и практические проблемы квалификации

незаконного предпринимательства – ст. 171 УК РФ», О. А. Авдеевой «Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность», Я. Е. Ивановой «Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения».

Несколько диссертационных исследований посвящены раскрытию особенностей преступлений в сфере потребительского кредитования, предусматривающих уголовную ответственность заемщика, среди которых диссертация А. А. Сапожкова «Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: уголовно-правовые аспекты», С. М. Мкртчян «Мошенничество в сфере кредитования: вопросы обоснованности состава преступления и уголовно-правового поощрения за позитивное посткриминальное поведение», М. Н. Богданова «Расследование мошенничества в сфере потребительского кредитования».

Некоторые аспекты совершенствования уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования раскрыты в диссертациях по другим отраслям правам, регулирующим потребительское кредитование, а также по экономике: С. С. Демченко «Правовое регулирование потребительского кредитования в Российской Федерации», А. И. Манухина «Совершенствование системы кредитования субъектов малого и среднего бизнеса».

Отдельно необходимо отметить, что единственной работой, специально посвященной формированию российской уголовно-правовой концепции противодействия ростовщичеству, является статья И. А. Клепицкого «Ростовщичество: уголовно-правовой аспект», положившая начало научной дискуссии о необходимости криминализации ростовщичества.

Вместе с тем диссертации по уголовному праву, специально посвященные исследованию уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования на основе ст. 171^5 УК РФ, т. е. учитывающие интересы прежде всего «слабой стороны» договора кредитования, на данный момент отсутствуют.

Объект и предмет исследования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правового противодействия незаконному предоставлению потребительских займов.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации и зарубежных государств, нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), обеспечивающие охрану общественных отношений в сфере предоставления потребительских займов, научные исследования и рекомендации по применению указанных норм, материалы судебной практики об ответственности за незаконное предоставление потребительских займов.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертации является разработка (создание) эффективной модели уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования, позволяющей сбалансировать законные интересы кредиторов, заемщиков и публично-правовые экономические интересы государства и общества.

Формулировка обозначенной цели предопределила постановку и решение следующих задач:

– определение понятия, содержания, юридической природы незаконного предпринимательства;

– установление содержания и значения для квалификации ущерба и размера (с учетом Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») как элементов незаконного предпринимательства;

– проведение сравнительно-правового анализа незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования по уголовному праву зарубежных стран;

– установление родового, видового и непосредственного объекта, признаков объективной стороны незаконного потребительского кредитования;

– определение специального субъекта и субъективных признаков незаконного потребительского кредитования;

– разработка направлений совершенствования законодательства и практики его применения в противодействии незаконному предпринимательству на рынке потребительского кредитования;

– формирование уголовно-правовой модели противодействия ростовщичеству как общественно опасному деянию.

Теоретическую основу исследования составили труды, посвященные фундаментальным основам преступности и наказуемости деяний, общественной опасности, составу преступления, квалификации, таких советских и российских ученых, как Я. М. Брайнин, Л. А. Воскобитова, Е. И. Галяшина, Л. В. Головко, Ю. В. Грачева, К. В. Девятовская, Э. Н. Жевлаков, О. К. Зателепин, И. Э. Звечаровский, А. М. Зинин, Е. К. Каиржанов, Н. И. Капинус, Е. Н. Карабанова, И. А. Клепицкий, А. П. Козлов, Н. В. Кручинина, Л. Н. Масленникова, И. М. Мацкевич, А. В. Наумов, Б. С. Никифоров, А. Н. Першин, Н. И. Пикуров, Ю. Л. Приколотина, А. И. Рарог, Е. Р. Россинская, Е. А. Русскевич, З. Б. Соктоев, А. Н. Трайнин, В. Ф. Цепелев.

Кроме того, уголовно-правовые основы противодействия экономической преступности и незаконному предпринимательству рассматривались в работах таких современных российских исследователей, как О. А. Авдеева, Л. С. Аистова, А. В. Богданов, В. И. Гладких, Я. Е. Иванова, Д. В. Коркин, А. А. Лихолетов, Н. А. Лопашенко, Н. Е. Савенко, Н. Ю. Скрипченко, Т. Д. Устинова, А. А. Харламова, В. В. Хилюта, А. В. Чеботарев.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу работы составили как общенаучные, так и специально-юридические методы.

Историко-правовой метод позволил провести всестороннее исследование исторических предпосылок и эволюции развития уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, истории развития потребительского кредитования, процесса формирования отношения общества и государства к

феномену ростовщичества в различные исторические периоды.

С помощью формально-юридического метода было проанализировано действующее уголовное, административное гражданское, предпринимательское законодательство, в совокупности формирующее правовое регулирование рынка потребительского кредитования, как регулятивного, так и охранительного содержания.

Метод системно-структурного анализа применялся при определении родового, видового и непосредственного объекта преступления с учетом закономерностей расположения статей, глав и разделов УК РФ.

Сравнительно-правовой анализ позволил провести компаративное исследование зарубежного уголовного законодательства, выявившее несколько существующих в мире моделей уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования в широком спектре от полной декриминализации до установления уголовно-правовой ответственности за применение ростовщических процентов.

Метод прогнозирования дал возможность сформулировать перспективы дальнейшего развития рынка потребительского кредитования в Российской Федерации с целью определения места и роли уголовно-правовых норм в охране легального кредитования от нарушений.

Совокупное применение обозначенных методов позволило сформировать комплексную модель уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования в современных условиях государственной поддержки предпринимательства и достижения целей государственной экономической политики.

Нормативную основу исследования составили Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральное законодательство, регулирующее правоотношения на рынке потребительского кредитования, уголовные законы зарубежных стран, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Эмпирическую основу исследования составила судебная практика по делам об административных правоотношениях по ст. 14.56 КоАП РФ (решения городских, районных, апелляционных судов), имеющая преюдициальное значение для привлечения к уголовной ответственности за идентичное преступление, а также судебная практика по ст. 171 УК РФ. Вместе с тем установлено отсутствие судебной практики привлечения к уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) в период 2021–2024 гг. Кроме того, приняты во внимание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, экспертные мнения (проект Российского союза промышленников и предпринимателей, направленный на декриминализацию некоторых составов преступлений в сфере предпринимательской деятельности).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что была создана и доктринально обоснована комплексная модель уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования, состоящая из двух элементов: уголовно-правового противодействия незаконному осуществлению деятельности ненадлежащих субъектов по предоставлению потребительских кредитов (займов) и уголовно-правового противодействия ростовщичеству (установлению кабальных условий в любых кредитах и займах независимо от субъекта кредитования).

В результате проведенного исследования **на защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:**

1. Признак «осуществление предпринимательской деятельности», указанный в статье 171 УК РФ, должен пониматься в одинаковом значении также в иных видовых составах преступлений, отражающих разновидности незаконного предпринимательства. Следовательно, для правильной уголовно-правовой квалификации незаконного потребительского кредитования статью 171^5 УК РФ необходимо рассматривать в неразрывной диалектической взаимосвязи с общей диспозицией незаконного предпринимательства, описанной в статье 171 УК РФ,

что означает обязательность наличия признаков предпринимательской деятельности в их принятом в уголовно-правовой доктрине и правоприменении значении (систематичность, целенаправленность, самостоятельность, направленность на получение прибыли) для квалификации деяния по ст. 171^5 УК РФ.

2. Разработано дефинитивное определение незаконного предпринимательства как института уголовного права, под которым следует понимать идентичную по внешней форме выражения легальной систематическую деятельность физических и юридических лиц, криминализируемую при условии причинения ущерба гражданам, организациям, государству в крупном размере. Исходя из сформулированного определения, выделены основные признаки незаконного предпринимательства в уголовном праве России: а) осуществление определенного вида деятельности, по материально-правовым признакам являющейся законной; б) основанием для привлечения к уголовной ответственности является формально-юридическое нарушение установленного действующим законодательством порядка легализации субъекта предпринимательской деятельности в корреляции с конкретным ее видом; в) незаконное предпринимательство как уголовное преступление имеет материальный состав, что позволяет отграничить его от конкурирующей статьи КоАП РФ, которой предусмотрен формальный состав; г) обязательным признаком, позволяющим считать незаконную деятельность предпринимательской, является ее систематичность и постоянная, устойчивая нацеленность на получение прибыли как желаемый результат систематически повторяемых однообразных действий; д) вынесение отдельных видов незаконного предпринимательства в видовые составы при наличии ст. 171 УК РФ, предусматривающей родовой состав преступления.

3. Разработана комплексная характеристика объекта и предмета незаконного потребительского кредитования, в соответствии с которой: а) родовым объектом незаконного осуществления деятельности по

предоставлению потребительских кредитов (займов) выступают общественные отношения в сфере экономики, детерминированные материальными интересами и благами; б) видовым объектом – легальный порядок предпринимательской деятельности как основного вида экономической деятельности; в) непосредственным объектом – законодательно установленный порядок деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов); предметом преступления – кредит (заем) в денежной форме, предоставленный в потребительских, а не в коммерческих целях.

4. Систематизированы признаки объективной стороны незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): систематический характер незаконной предпринимательской деятельности; самостоятельность; внешнее выражение в форме действия; личные (потребительские) нужды заемщика, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности; обязательное наличие дополнительного признака объективной стороны – крупного размера предоставленных потребительских кредитов (займов); отсутствие признаков незаконной банковской деятельности – преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

5. Предложен объективный критерий отграничения незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) от незаконной банковской деятельности, в основе которой находится самопозиционирование незаконного субъекта предоставления финансовых услуг в качестве банковского учреждения, предусматривающее многофункциональность такой деятельности, что следует рассматривать как основание для привлечения к уголовной ответственности по ст. 172 УК РФ.

6. Сформулирована развернутая классификация видов специальных субъектов незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), к которым относятся: а) зарегистрированные индивидуальные предприниматели, не обладающие правом предоставлять потребительские кредиты (займы); б) руководители организаций, не имеющих

право на предоставление потребительских кредитов (займов) в силу их не соответствующей действующему законодательству организационно-правовой формы либо другого вида деятельности, т. е. отсутствия в субъектном составе профессиональной деятельности на рынке потребительского кредитования; в) руководители организаций, имеющих формальные признаки профессионального участника рынка потребительского кредитования, но юридически утративших это право, как правило по причине прекращения действия лицензии либо вступления в силу решения суда, предусматривающего наступление административно-правовой ответственности юридического лица в виде приостановления деятельности на срок до 60 суток – на период отсутствия лицензии или на срок действия административного наказания. При этом обязательным признаком всех видов специальных субъектов является административная преюдиция по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ.

7. Установлено, что субъективная сторона незаконного потребительского кредитования предусматривает форму вины в виде прямого умысла, причем факультативным признаком субъективной стороны всегда выступает корыстный мотив, направленный на получение прибыли от оборота денежных средств под определенную незаконным кредитором процентную ставку и неустойки.

8. Выявлено, что действующая уголовно-правовая модель охраны отношений в сфере потребительского кредитования, ограниченная критерием ненадлежащего субъекта, не затрагивает негативного социального явления, представляющего основную общественную опасность и выступающего первопричиной других незаконных действий, – ростовщичества. Под ростовщичеством понимается предоставление потребительских кредитов (займов) на кабальных условиях, включая нарушающие установленные в действующем законодательстве предельные значения процентной ставки. С целью смены нынешней парадигмы в Особенную часть УК РФ, помимо ст. 171^5, защищающей рынок потребительского кредитования от ненадлежащих субъектов, предложено ввести уголовную ответственность за ростовщичество, охватывающую своим

действием по кругу лиц как законных, так и незаконных кредиторов, включая физических лиц, при условии, что доказывание систематичности предоставления потребительских займов и профессионального критерия не будет обязательным, а для наступления уголовной ответственности будет достаточно самого факта предоставления кредита (займа) с общим субъектом преступления – физическим лицом, достигшим общего возраста привлечения к уголовной ответственности (16 лет). Диспозицию ростовщичества предложено сформулировать следующим образом: «установление ростовщических процентов в кредитных договорах и гражданско-правовых договорах займа».

9. С целью совершенствования уголовно-правового противодействия незаконному потребительскому кредитованию предложено сформулировать специальные основания привлечения к уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ (административная преюдиция и крупный размер) как альтернативные, при этом в крупный размер необходимо, помимо суммы предоставленных кредитов (займов), включить проценты, предусмотренные условиями кредитования. Такое изменение законодательных формулировок позволит разблокировать практическое применение указанной статьи, судебная практика по которой в действующей редакции в течение 2021–2024 гг. не сформирована.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическое значение работы заключается в том, что основные положения диссертации могут способствовать формированию новой доктринальной модели уголовно-правовой охраны экономических отношений на рынке потребительского кредитования с научно обоснованным подходом к выявлению основного источника общественной опасности, которым является негативный социальный феномен ростовщичества.

Определено содержание понятия «ростовщичество» в социальном и уголовно-правовом значениях. Уточнено содержание объективной стороны незаконного потребительского кредитования. Систематизированы признаки субъективной стороны незаконного потребительского кредитования. Расширены

теоретико-методологические представления о содержании понятия «крупный размер» как обязательного элемента диспозиции незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

Практическое значение диссертации проявляется в том, что выводы и предложения, полученные в результате исследования, могут быть использованы и применены:

– при проведении дальнейших научных исследований по проблемам совершенствования уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования;

– в законотворческой деятельности по совершенствованию Особенной части УК РФ, внесению научно обоснованных изменений и дополнений в отдельные составы преступлений в сфере предпринимательской деятельности;

– в образовательной деятельности в процессе преподавания уголовно-правовых дисциплин студентам высших учебных заведений юридического профиля.

Степень достоверности сформулированных в диссертации положений и выводов обеспечивается анализом российских и зарубежных нормативно-правовых источников, научных трудов по отечественному уголовному праву и уголовному праву зарубежных государств, гражданскому праву, административному праву, истории государства и права и репрезентативной эмпирической базой исследования.

В частности, использованы сравнения авторских данных и данных, полученных ранее в работах:

– специально посвященных исследованию различных сторон экономической преступности и незаконного предпринимательства, включая незаконное потребительское кредитование (работы О. А. Авдеевой, Л. С. Аистовой, И. В. Белоусова, А. В. Богданова, М. Н. Богданова, А. В. Бочкарниковой, Н. В. Вильской, В. И. Гладких, Я. Ю. Егорова, А. Э. Жалинского, М. Г. Жилкина, Я. Е. Ивановой, И. А. Клепицкого,

Д. В. Коркина, Е. А. Кравцовой, М. Г. Кырлана, А. А. Лихолетова, Н. А. Лопашенко, В. Ю. Малаховой, С. М. Мкртчян, Н. Е. Савенко, А. А. Сапожкова, Н. Ю. Скрипченко, Т. Д. Устиновой, А. А. Харламовой, В. В. Хилюты, А. В. Чеботарева, В. Х. Шайдуллиной, П. С. Яни, Б. В. Яцеленко и др.);

– посвященных фундаментальным основам преступности и наказуемости деяний, общественной опасности, состава преступления, уголовно-правовой квалификации, причинности в уголовном праве (работы Я. М. Брайнина, Л. А. Воскобитовой, Е. И. Галяшиной, Л. В. Головко, Ю. В. Грачевой, К. В. Девятовской, Э. Н. Жевлакова, О. К. Зателепина, И. Э. Звечаровского, А. М. Зинина, Е. К. Каиржанова, Н. И. Капинуса, Е. Н. Карабановой, А. П. Козлова, Н. В. Кручининой, Л. Н. Масленниковой, И. М. Мацкевича, Д. А. Мелешко, А. В. Наумова, Б. С. Никифорова, А. Н. Першина, Н. И. Пикурова, Ю. Л. Приколотиной, А. И. Рарога, Е. Р. Россинской, Е. А. Русскевича, З. Б. Соктоева, Ф. Н. Сотскова, А. Н. Трайнина, В. Ф. Цепелева и др.);

– посвященных смежным с уголовно-правовыми экономическим, историческим, конституционно-правовым, административно-правовым и гражданско-правовым аспектам потребительского кредитования (работы С. А. Васильева, В. А. Горбунова, С. С. Демченко, А. Н. Дубянского, В. П. Камышанского, В. И. Клисторина, А. С. Комарова, А. И. Манухина, М. С. Матейковича, В. Г. Медынского, Н. К. Муратовой, Т. Д. Стецюры, Ю. А. Тихомирова, С. А. Черкасова и др.).

Теоретические данные, полученные автором, базируются на материалах правоприменительной практики, в частности:

1) на проанализированной автором опубликованной судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и его специальных составах судов Российской Федерации в период 2021–2024 гг.;

2) на изученных и обобщенных автором материалах судебной практики российских судов по административным правонарушениям в сфере незаконного потребительского кредитования в период 2021–2024 гг.;

3) на проанализированных автором постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Определениях Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенных в период 2004–2024 гг., в которых рассматриваются различные аспекты судебной правоприменительной деятельности по делам, связанным с незаконным предпринимательством и предоставлением потребительских кредитов.

Сбор и обработка эмпирических данных, положенных в основу исследования, осуществлялась в течение трех лет (2021–2024 гг.).

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения диссертации отражены в 15 научных публикациях автора, из которых 12 опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения и список используемых источников и литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

1.1. Понятие, содержание и сущность незаконного предпринимательства

Предпринимательство представляет собой комплексную и многогранную категорию, нераздельно связанную с жизнедеятельностью общества на всех конкретно-исторических этапах его становления и развития. В силу огромного значения для общества и государства, а также безусловного потенциала, заложенного в предпринимательстве с точки зрения приложения общественно полезных усилий и обеспечения социально-экономического роста, вполне объяснимым является детальное правовое регулирование понятия, содержания, сущности, форм, методов, юридических пределов и ограничений предпринимательской деятельности, а также ответственности за нарушения при ее осуществлении.

Предпринимательская деятельность как направление экономической активности граждан является естественной потребностью и неотъемлемым от нормального общественного развития процессом, что многократно доказывалось мировым и отечественным опытом, имея в виду, среди прочих, и те периоды, когда происходили попытки полностью запретить либо кардинально ограничить возможности ее осуществления.

При этом следует отметить, что периоды запрета предпринимательской деятельности неизменно сменялись полным либо частичным законодательным возвратом к ее легализации. Так, в советской постреволюционной истории период т.н. «военного коммунизма» был сменен курсом на «новую экономическую политику» (НЭП) (1921-1928 гг.), предусматривающую частичное восстановление рыночных отношений, являющихся необходимой предпосылкой предпринимательства, и собственно самого права граждан на занятие

предпринимательством как законным видом экономической активности. Одной из специфических особенностей осуществления предпринимательства в период НЭПа стало широкое распространение коммерческого кредитования, без которого, как справедливо указывает В.И. Клисторин, является невозможным развитие торговли[1], а именно торговля вместе со сферой услуг стала фундаментом рассматриваемых экономических преобразований. Для обеспечения частной инициативы материальными ресурсами создавались специальные субъекты в сфере кредитно-денежных отношений – специализированные государственные и кооперативные банки, институционально уполномоченные оказывать кредитные услуги частным лицам по правилам и в пределах, установленных государством.

Легализация предпринимательства в указанный период имела результатом довольно ощутимый экономический рост (в соответствии с некоторыми источниками советской эпохи, валовый выпуск промышленности и сельского хозяйства в 1927 г. превысил уровень 1913 г.)[2]. Даже если считать приведенное сравнение чрезмерно завышенным, в любом случае, общепризнанным мнением среди исследователей является факт ежегодного прироста экономики в годы НЭПа по крайней мере на 7%[3], что также является довольно высоким показателем, демонстрирующим решающее влияние государственного санкционирования рыночных механизмов, имманентно присущих обществу (предпринимательство, частная собственность, коммерческое и потребительское кредитование, коммерческая банковская система) на публичные социально-экономические интересы всего общества, нуждающиеся для обеспечения их эффективной реализации, в том числе, и в уголовно-правовой охране. Несмотря на обозначенную позитивную экономическую динамику, в 1928 г. НЭП в силу ряда объективных и субъективных причин, о которых дискутируют ученые-историки, был свернут, и наступил длительный период отсутствия правовых

[1] Клисторин, В. И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики / В.И. Клисторин // ЭКО. 2021. № 4. С. 35.

[2] История ВКП(б). Краткий курс. Репринтное воспроизведение стабильного издания 3040-х годов. М. : Писатель, 1997. С. 280.

условий для законного осуществления частной предпринимательской деятельности гражданами СССР, что соответствовало и идеологическим постулатам марксизма-ленинизма, нацеленным на постепенное исчезновение частной собственности и рыночных отношений.

Тем не менее, и этот период завершился полным воссозданием рыночных основ экономических отношений уже в правовой системе современного Российского государства (конституционное право на предпринимательство закреплено в ч. 1 ст. 34 Конституции РФ 1993 г. в качестве права на «свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»[4]), а частичное разрешение предпринимательства (прежде всего – кооперативного) произошло еще в годы «перестройки», начавшейся в сфере легализации предпринимательства с принятия Закона СССР № 6050-XI от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности»[5], разрешавшего личную и семейную предпринимательскую деятельность по производству и оказанию более чем 30 видов товаров и услуг, а продолжившейся фактической легализацией частного предпринимательства в форме кооперативного движения (при этом необходимо отметить, что именно кооперативы создавали большую часть товаров и оказывали большую часть услуг со стороны частного сектора и в предыдущий период легализации предпринимательства – НЭП).

Окончательное санкционирование предпринимательской деятельности в широком смысле со стороны советского государства произошло 26 мая 1988 г.,

---

[3] Клисторин, В.И. Указ. соч. С. 33-34.

[4] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными на общероссийском голосовании 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[5] Об индивидуальной трудовой деятельности : Закон СССР от 19.11.1986 № 6050-XI // Электронных фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/9024308 (дата обращения: 30.05.2024).

когда был принят Закон СССР «О кооперации в СССР»[6], разрешивший кооперативам заниматься любыми не запрещёнными законом видами деятельности, в том числе и торговлей, что, в свою очередь, дало серьезный импульс экономическому развитию, и, помимо прочего, актуализировало вопросы создания надлежащего правового регулирования потребительского кредитования населения, получившего доступ ко многим товарам, ранее труднодоступным либо даже недоступным в условиях административно-командной плановой экономической системы.

Исходя из необходимости удовлетворения возникшего спроса граждан, а заодно и в качестве «зеркального» механизма стимулирования потребительской активности населения, необходимостью стала разработка нормативных правовых основ легального потребительского кредитования, включая организационно-правовые формы, субъектно-объектный состав правовых отношений, юридическую ответственность за совершение правонарушений при осуществлении указанной деятельности. Несмотря на столь изменившиеся фактические условия и декларируемый в эпоху «перестройки» новый политический и экономический курс, потребительское кредитование в СССР до самого его распада продолжало осуществляться исключительно государством. В то же время, предоставлялось не прямое кредитование наличными средствами, а через государственную торговлю определенными видами товаров в рассрочку под минимальные проценты, перечень которых централизованно утверждались постановлениями Совета Министров СССР № 915 и № 1475. Кроме того, в неурегулированной законодательно плоскости на предприятиях, учреждениях, организациях создавались еще и т.н. «кассы взаимопомощи», добровольно формируемые самими работниками, возврат средств в которые обеспечивался лишь возможностью общественного осуждения. Следовательно, такая форма движения денежных средств регулировалась не правовыми нормами, а

[6] О кооперации в СССР : Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/ (дата обращения:

локальными (корпоративными), помимо естественным образом проявляющихся в подобных обстоятельствах норм морали. Исходя из обозначенной специфики, криминализация определенных деяний, связанных с описанными операциями незначительных размеров, не была возможна в принципе.

В конечном итоге, окончательное формирование в России современной модели потребительского кредитования как формы предпринимательства произошло в рамках правового регулирования банковского сектора вследствие принятия целой системы законов и подзаконных актов о самом предпринимательстве как виде экономической деятельности.

Анализируя общие теоретико-методологические основы предпринимательской деятельности как потенциального объекта уголовно-правовой охраны, ее понятие, содержание и сущность, следует отметить, что сущностные признаки предпринимательства и его дефиниция формировались постепенно, проходя определенную эволюцию и дополняясь новыми элементами по мере перманентного научно-практического осмысления.

При этом важно выделить онтологические основы осуществления предпринимательства в двух измерениях – экономическом и правовом.

С экономической точки зрения, предпринимательство означает функциональную деятельность, направленную, прежде всего, на получение прибыли частным лицом – предпринимателем[7].

Этимология понятия «предпринимательство» в экономическом (функциональном) смысле, как полагает Э. Верен, имеет латинское происхождение и первоначально происходит от термина «imprisia», дословно

30.05.2024).

[7] Демченко, С. С. Правовое регулирование потребительского кредитования в Российской Федерации: автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Демченко Светлана Станиславовна ; Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2012. С. 8.

переводимого как «смелое предприятие» и ставшего основой для французского термина «emprise» (предприятие)[8].

Исторически одним из первых признаки предпринимательства исследовал Ж.-Б. Сэй, который выделял такой важнейший элемент, собственно и отличающий предпринимательство от некоммерческих видов деятельности, как получение дополнительной прибыли в результате осуществления чего-то нового (получения меньших затрат, чем обычно; применения какого-либо инновационного способа производства; умения лучше остальных реализовать товар и т.п.)[9]. Впоследствии уже в XX ст. именно на желании предпринимателя получить прибыль в денежной форме акцентировал внимание Дж. Кейнс[10]. В свою очередь, А. Маршалл выделял такой признак предпринимательства, как самостоятельность и свобода выбора в принятии решений, нацеленных на получение максимальной прибыли[11]. На самостоятельность в принятии предпринимателем решений указывал и А. Смит, добавляя в качестве одного из ключевых признаков еще и спонтанность таких решений[12].

Среди современных исследователей также существуют различные взгляды на понятие и сущность предпринимательства. Так, Ю.В. Тарануха определяет предпринимательство как осуществляемую посредством рыночного обмена и направленную на завоевание конкурентных преимущества хозяйственную деятельность, которая ведется с целью извлечения дохода и приумножения собственности[13]. Приведенное определение, как и предыдущие, выводят на первое

---

[8] Vérin, H. Entrepreneurs, entreprise: histoire d'une idée / H. Vérin. Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1982. P. 31-33.

[9] Say, J. B. Cours d'économie politique et autres essais / J.B. Say. Paris : GF-Flammarion (Selection of main writings), 1996. P. 88.

[10] Майданевич, Ю. П., Эволюция и сущностные характеристики понятия «предпринимательство» / Ю.П., Майданевич, К. А., Чупрынина, Н. Н. Григорь // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 58.

[11] Там же.

[12] Бартенев, С. А. История экономических учений / С. А. Бартенев. М. : Юрист, 2002. С. 114.

[13] Тарануха, Ю. В. Предприятие и предпринимательство в трансформируемой экономике / Ю. В. Тарануха. М. : Дело и сервис, 2003. С. 66-67.

место цель предпринимательства как экономической деятельности (телеологическую доминанту), состоящую в получении прибыли, с небольшой разницей, что в отличие от классической трактовки Дж. Кейнса, в данном случае цель не исчерпывается извлечением денежного дохода, а включает еще и приумножение собственности, что вполне соответствует реальной обстановке в экономических системах современных государств, когда субъекты предпринимательской деятельности зачастую целенаправленно вкладывают денежные средства в неподверженные инфляции активы, такие, как недвижимость, золото, антиквариат, предметы изобразительного искусства.

В то же время, В.Г. Медынский и Л.Г. Скамай отмечают еще и творческий характер предпринимательской деятельности, заключающийся в процессе поиска неординарных и инновационных решений для получения прибыли и ее постоянного умножения[14]. С таким подходом можно согласиться, поскольку получение прибыли вряд ли возможно без предварительного поиска идеи, позволяющей произвести какую-либо продукцию, выполнить работу или оказать услугу, востребованную потребителями, и таким образом, чтобы обеспечить предпринимателю максимальную прибыль от проявленной инициативной активности.

Отраженные в позициях различных российских и зарубежных ученых подходы к определению понятия и признаков предпринимательской деятельности в совокупности отражают ее фактическую сущность, выступающую фундаментом для закрепления в действующем законодательстве правовых основ, без которых соответствующее субъективное право не обеспечивается государством, в силу чего не может быть эффективно реализовано.

С правовой точки зрения, институт предпринимательства – это совокупность как публичных, так и частных правовых норм, определяющих допустимые виды и пределы предпринимательской деятельности, что позволяет

[14] Медынский, В. Г. Инновационное предпринимательство : учебное пособие для вузов / В. Г. Медынский, Л. Г. Скамай. М.: ЮНИТИДАНА, 2002. С. 145.

уравновесить публичные и частные интересы, возникающие в процессе такой деятельности, или, иными словами, определенный правовой режим, имеющий комплексный характер.

Комплексность в правовом регулировании предпринимательства формируется из таких источников:

- конституционно-правовые нормы – устанавливают субъективное право на осуществление любой не запрещенной действующим законодательством экономической деятельности, включая предпринимательскую;

- гражданско-правовые нормы – определяют материально-правовые основы и механизмы реализации конституционного права на предпринимательство;

- административно-правовые и уголовно-правовые нормы – устанавливают меры административной и уголовной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности;

- гражданско-процессуальные, арбитражно-процессуальные, административно-процессуальные, уголовно-процессуальные нормы – устанавливают процессуальный порядок рассмотрения дел и применения мер юридической ответственности (защита нарушенных прав происходит именно в результате кумулятивного применения материально-правовых и процессуальных норм уполномоченным правоприменительным органом, которым в абсолютном большинстве случаев в предметной сфере предпринимательства выступает суд общей юрисдикции либо арбитражный суд.

Законодательное определение понятия «предпринимательская деятельность» содержится в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в соответствии с которой под данной категорией юридически понимается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи

товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»[15].

Из приведенной дефиниции можно сделать вывод о наличии у предпринимательской деятельности в ее трактовке в отечественном законодательстве следующих сущностных признаков, понимание и раскрытие которых во всей полноте будет иметь ключевое методологическое значение при определении юридической природы незаконного предпринимательства как уголовно наказуемого деяния:

1. Самостоятельность предпринимательской деятельности, т.е. частные лица осуществляют такую деятельность самостоятельно и принимают решения без прямого властно-подчиненного взаимодействия с кем-либо, включая органы публичной власти (инициативный признак).

2. Предпринимательская деятельность осуществляется ее субъектом на свой личный риск, имеющий, прежде всего, имущественный характер, в чем проявляется преимущественная частноправовая природа самого предпринимательского процесса (алеаторный признак).

3. Активный, волевой, целеустремленный характер действий предпринимателя (праксиологический признак).

4. Основная конечная цель предпринимательской деятельности – получение прибыли. При этом возможны и дополнительные цели, внутренне осознаваемые предпринимателем, среди которых благотворительность, развитие инфраструктуры, социальная полезность и пр., но получение прибыли в любом случае остается главным результатом, позволяющим отличить предпринимательскую (коммерческую) деятельность от некоммерческой (к последней относится деятельность, например, общественных организаций и политических партий) (телеологический признак).

---

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации : Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

5. Систематический характер получения прибыли от предпринимательской деятельности, означающий ее постоянный (неоднократный) и неслучайный характер, присущий одноразовым гражданско-правовым сделкам либо личной купле-продаже вещей при помощи публичного объявления (при этом платформы, через которые гражданами распространяются такие объявления, например, Avito, безусловно, осуществляют предпринимательскую деятельность: систематическую, коммерческую и целенаправленную) (систематический признак).

6. Предпринимательская деятельность осуществляется по конкретным видам экономической активности (функциональный признак).

7. Регистрация предпринимателей в установленном законе порядке, являющаяся формально-юридическим основанием легальности предпринимательской деятельности в плоскости публичного правопорядка государства (легальный признак).

8. Установление дефинитивного понятия и основ предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве (частноправовой признак).

Исходя из обозначенных признаков, можно сформировать представление о сущности предпринимательской деятельности в современной правовой системе России, которая состоит в систематическом и целенаправленном осуществлении особой предпринимательской функции как вида экономической функциональной деятельности физических и юридических лиц. Предпринимательская функция в самом упрощенном виде заключается в активной инициативной самостоятельной деятельности, направленной на получение прибыли, при этом надлежащим образом соотносясь с интересами общества и государства, формальный контроль над чем призвана обеспечить обязательная процедура государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности[16].

[16] Кручинина, Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики / Н. В. Кручинина // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 76-89.

Признавая преимущественно частноправовую природу самого института предпринимательства, вместе с тем, можно полностью согласиться с мнением В.Ф. Яковлева о том, что «эффект гражданско-правового регулирования не может быть достигнут в полной мере, если не обеспечивается должного совокупного применения ряда отраслей права»[17].

Следовательно, необходим эффективный и результативный инструмент, воплощающий в себе возможность применения государственного принуждения, наиболее жестким из видов которого является уголовно-правовое, применяемое исключительно в тех случаях, в которых законодатель усматривает общественную опасность.

Важнейшим аспектом при определении наличия либо отсутствия общественной опасности деяния, как представляется, выступает правильный научно-практический подход к соотношению публичного и частного права, публичных (общественных, государственных) и частных (коммерческих) интересов в структуре как правомерных правовых отношений в сфере предпринимательства, так и неизбежно периодически возникающих правонарушений со стороны субъектов предпринимательской деятельности.

Таким образом, целесообразность и необходимость уголовно-правовой охраны как экономической сферы вообще, так и, в частности, установленного действующим законодательством порядка осуществления предпринимательской деятельности обусловлена дихотомическим синтезом двух взаимосвязанных доминант.

С одной стороны, это доминанта защиты публичных (общественных, государственных) законных интересов от противоправных посягательств частных лиц.

В контексте рассмотрения указанного дискурса следует отметить, что в отдельные периоды историко-правового развития прослеживалась тенденция к

---

[17] Яковлев, В. Ф. Гражданский кодекс Российской Федерации: развитие общих положений гражданского права / В. Ф. Яковлев // Кодификация российского частного права /

гиперболизации значения публичного права в соотношении «публичное – частное» вплоть до фактического отрицания законодательством понятий «частноправовое регулирование» и «частный интерес» при формулировании положений об уголовно-правовой ответственности за экономические преступления. Подобный подход, положенный в основу в советскую эпоху, через отрицание частного интереса по логической цепочке приводил к формально-юридическому выталкиванию за пределы правового поля предпринимательства во всех его возможных формах как вида экономической деятельности.

Напротив, публичная собственность и государственная экономическая деятельность имела максимальную степень уголовно-правовой охраны. Примером описанных тенденций явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1961 г. и последовавшие за ним изменения, внесенные в ст. 88 Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) «Нарушение правил о валютных операциях». Появление данной нормы стало реакцией государства (а фактически – лично Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева) на резонансное уголовное дело о незаконных валютных операциях (т.н. «дело валютчиков» или «дело Рокотова – Файбишенко – Яковлева»). В качестве другого, наиболее показательного, примера можно привести ст. 93^1 УК РСФСР, введенную 25 июля 1962 г. и отмененную Законом РСФСР только 5 декабря 1991 г., которая в качестве одного из вида наказаний предусматривала высшую меру – смертную казнь за хищения социалистической собственности в особо крупном размере (на сумму свыше 10 тыс. руб. и с учетом значимости похищенного имущества для народного хозяйства)[18].

В целом, незаконной на протяжении 1962-1991 гг. признавалась любая негосударственная деятельность частных лиц с целью получения прибыли, имеющая систематический характер.

под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. С. 53.

[18] Богданов, С. В. Законодательные инициативы Н.С. Хрущева по борьбе с экономической преступностью и коррупцией в СССР / С. В. Богданов, В. Н. Орлов // Современное право. 2011. № 10. С. 160-161.

При этом понятие «предпринимательство» в советском законодательстве объяснимо отсутствовало, поскольку априори не могло быть «законным» либо «незаконным», а действия, имеющие объективную сторону нынешнего предпринимательства, изначально квалифицировались исключительно как преступное причинение ущерба государству и обществу, т.е. публичным законным интересам в том содержании, которое им присваивали советские нормативные правовые акты, концептуально построенные на идеологических постулатах классовой борьбы и построения коммунизма.

Вместе с тем, в правовом демократическом государстве, в котором разрешена предпринимательская деятельность, уголовно-правовая охрана публичных законных интересов имеет важнейшее значение, обусловленное превалированием публичного правопорядка в обеспечении нормальных условий жизнедеятельности и развития общества. Ключевым вопросом при этом является правильное определение соотношения публичных и частных интересов при разработке правового регулирования предпринимательской деятельности и применении действующего законодательства, а также установление юридического содержания самого понятия «публичный интерес», исходя из того, что именно те интересы, которые объективно можно отнести к публичным, причем только важнейшие и наиболее значимые из них, должны становиться объектами уголовно-правовой охраны. На диалектическую взаимосвязь публичных и частных интересов в правотворчестве и правоприменении справедливо указывал Ю.А. Тихомиров[19].

Исходя из подобной интерпретации содержания категории «публичные интересы», легальная предпринимательская деятельность как вид экономической деятельности представляет собой классический публичный интерес, при реализации которого одновременно удовлетворяются частные интересы предпринимателей. В качестве же публичного интереса предпринимательская

[19] Тихомиров, Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров. М., 1995. С. 55.

деятельность способствует целому ряду значимых потребностей государства и общества, таким, как:

- занятость населения (создание новых рабочих мест);

- социально-экономическое развитие (бюджетное обеспечение реализации функций государства через уплату налогов, увеличение внутреннего валового продукта, повышение уровня покупательской способности как самого предпринимателя, так и трудоустроенных на предприятии сотрудников, вложение инвестиций в различные отрасли национальной экономики);

- реализация внешнеэкономической деятельности, позволяющая получать валютную выручку и осваивать зарубежные потребительские рынки;

- производство товаров, работ, услуг, обеспечивающих потребительские права и возможности граждан;

- увеличение качества потребляемых в обществе товаров, работ, услуг вследствие добросовестной конкуренции, правила которой регулируются действующими нормативными правовыми актами.

В то же время, достижение подавляющего большинства положительных публичных эффектов предпринимательской деятельности представляется возможным исключительно при условии соблюдения установленных законодательством норм, направленных на соблюдение интересов государства и общества со стороны субъектов предпринимательской деятельности в экономической, социальной, трудовой, бюджетно-финансовой (фискальной), экологической сферах, а также в сфере безопасности и обороны, с которой также бывают сопряжены определенные виды предпринимательства, включая экспортно-импортные операции. Иными словами, законное (легальное) предпринимательство, осуществляемое с соблюдением публично-правовых норм, является одной из фундаментальных основ, обеспечивающих устойчивое развитие общества, его благосостояние и материальную основу для реализации всех функций, имманентно присущих современному государству.

Подход к предпринимательству как сфере реализации и публичных интересов, а не только частных, разделяется и в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П[20] указывается, что предпринимательская деятельность в форме акционерного общества затрагивает интересы большого числа лиц, включая акционеров и инвесторов, понимаемые как публичные интересы именно в силу значительного количественного состава субъектов, чьи законные интересы суммарно составляют общий (публичный) интерес. Аналогичное мнение Конституционный Суд высказал в постановлении от 3 июля 2001 г. № 10-П[21] в той части, что деятельность вкладчиков, разместивших денежные средства во вкладах, имеет публичное значение, а нарушение интересов значительного числа вкладчиков, соответственно, представляет собой нарушение публичных интересов. Таким образом, публичный интерес в сфере предпринимательской деятельности Конституционный Суд последовательно и однозначно интерпретирует как совокупность частных интересов значительного количества лиц, в результате количественного фактора подлежащих обеспечению нормами отраслей публичного права, в том числе – уголовно-правовыми средствами при наличии в действиях субъектов правовых отношений признаков состава преступления.

Можно согласиться с утверждением М.С. Матейковича и В.А. Горбунова о том, что другим обязательным признаком для признания интереса и соответствующей сферы правоотношений публичными является социальная значимость, а также распространение на неограниченный круг лиц[22], в отличие от обязательственных гражданско-правовых отношений, затрагивающий определенный круг лиц – участников договора, и не представляющих

[20] СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3058.

[21] СЗ РФ. 2004 № 9. Ст. 830.

[22] Матейкович, М. С. Законные интересы в конституционном праве / М. С. Матейкович, В. А. Горбунов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 141.

потенциальной общественной опасности как обязательного признака преступления.

Именно такими характеристиками обладает предпринимательская деятельность, поскольку, с одной стороны, оказывает непосредственное воздействие на реализацию функций государства (как минимум, через уплату налогов), а с другой стороны – открыта для неопределенного круга партнеров, вкладчиков, акционеров, инвесторов и потребителей, имеющих возможность вступать в правовые отношения с субъектом предпринимательской деятельности[23].

Кроме того, предпринимательскую деятельность вполне обоснованно можно рассматривать как публичный интерес достаточно многочисленной социальной группы (предпринимателей), которых в России по состоянию на 10 августа 2024 г. насчитывалось 6 294 603 (в эту цифру суммарно включены юридические лица и индивидуальные предприниматели)[24].

Напротив, незаконная предпринимательская деятельность причиняет огромный вред как публичным интересам государства, общества, законных предпринимателей как значимой социальной группы, так и частным интересам конкретных предпринимателей и потребителей, столкнувшихся с конкретными проявлениями незаконного предпринимательства, поскольку в таких случаях их права и законные интересы априори не защищены[25].

---

[23] Манухин, А. И. Совершенствование системы кредитования субъектов малого и среднего бизнеса : дис. на соиск. учен. степ. канд. эконом. наук : 5.2.4 / Манухин Андрей Игоревич ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2023. С. 68.

[24] Количество зарегистрированных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Федеральная налоговая служба России : [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 31.08.2024).

[25] Пикуров, Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности : монография / Н. И. Пикуров. М. : Издательство Юрайт, 2024. 207 с.

В соответствии с формулировкой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ[26], установлена уголовно-правовая ответственность за незаконное предпринимательство, что следует рассматривать как исходную точку для установления его юридической природы, поскольку данная статья предусматривает родовой состав преступления по отношению для ко всем видовым составам, связанным с конкретными формами незаконного предпринимательства.

В то же время, еще целым рядом последующих статей Особенной части УК РФ устанавливаются специальные нормы об уголовно-правовой ответственности за незаконное предпринимательство в отдельных сферах экономической деятельности, а именно: незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171^2); незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства (ст. 171^3); незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171^4); незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171^5); незаконная банковская деятельность (ст. 172); незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (ст. 172^4).

Как можно увидеть в проанализированном перечне специальных составов преступлений, связанных с незаконным предпринимательством, законодатель отдельно от общего состава квалифицирует деяния, связанные с привлечением финансовых средств потребителей, выдачей финансовых средств либо их возвратом (ст. 171^2, 171^5, 172, 172^4) или связанные с оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции,

[26] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

никотинсодержащей продукции и сырья для их производства (ст. 171^3, 171^4). Очевидно, что применение подобного подхода связано, прежде всего, с повышенным риском указанной незаконной деятельности для имущественного благосостояния граждан (в первом случае) либо для их здоровья и жизни (во втором случае). Особое место среди специальных составов при этом занимает незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц, поскольку представляет угрозу как для имущественных прав граждан, так и здоровья, и даже жизни (например, при доведении до самоубийства незаконными методами возврата просроченной задолженности).

Вместе с тем, все перечисленные составы, как правило, всегда посягают на публичные интересы, поскольку происходит неуплата налогов, игнорирование социальной ответственности, неучастие в государственно-частном партнерстве, нарушения трудовых и других социальных прав работников, отсутствие контроля за качеством товаров, работ, услуг, и другие негативные последствия, затрагивающие неограниченный круг лиц и/или все общество, включая систему публичной власти, выполнение функций государства которой снижается в результате вышеуказанных факторов воздействия, основным из которых является фискальный (неуплата налогов).

Для понимания юридической природы незаконного предпринимательства как социального явления и уголовно-правового состава преступления основополагающее значение имеет ст. 171 УК РФ, которую следует рассматривать в качестве базовой при определении форм незаконного предпринимательства как вида противоправной, уголовно наказуемой экономической деятельности[27].

[27] Авдеева, О. А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Авдеева Ольга Анатольевна ; Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск, 2009. С. 44.

Как показывает содержание ст. 171 УК РФ и видовых составов незаконного предпринимательства, описанных некоторыми последующими статьями, незаконность предпринимательства связывается не столько с видом деятельности, сколько с нарушением формальных требований, сочетаемых с последствием такого нарушения.

Если же осуществляется деятельность, по своему материально-правовому содержанию являющаяся противозаконной, то она в принципе не может считаться предпринимательской.

Примером уголовно наказуемой деятельности, не являющейся предпринимательской в силу запрета самого вида как такового, является предусмотренный ст. 172^2 УК РФ состав преступления «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», которая запрещена по своему существу. Исходя из приведенной аргументации, можно согласиться с утверждением Л.С. Аистовой о том, что «незаконным предпринимательством признается не какой-либо вид запрещенной законодательством деятельности, а порядок осуществления любого вида предпринимательской деятельности, которую можно зарегистрировать либо получить на ее осуществление лицензию. Деятельность, которая не подлежит регистрации или по своей сути незаконна, не является предпринимательской»[28].

В случае же с незаконным предпринимательством (представленным в УК РФ как общим, так и специальными его составами) непосредственным предметом уголовно-правовой охраны выступает законный (легальный) порядок осуществления разрешенных видов предпринимательской деятельности. Иными словами, при соблюдении установленного действующим законодательством порядка осуществления (наличие государственной регистрации и, в некоторых прямо установленных случаях, лицензии) уголовная или административная ответственность не наступала бы, а напротив, происходило осуществление

общественно полезной, одобряемой и поддерживаемой государством, экономической деятельности. Одним из специальных составов незаконного предпринимательства, при котором в принципе законная деятельность осуществляется с нарушением установленного законом порядка, и в силу этого ставшая незаконной, является, в том числе, и незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171^5 УК РФ).

Формально-юридический анализ ч. 1 ст. 171 УК РФ дает возможность выделить конкретные формы незаконного предпринимательства, которые, соответственно, являются основаниями для признания деятельности, по внешним признакам похожей на легальную предпринимательскую, незаконной, и для последующего привлечения виновного лица к уголовной ответственности в установленном законом порядке.

Во-первых, это осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации, которая является первичной формально-юридической предпосылкой легализации.

Следует отметить, что обязанность пройти государственную регистрацию возложена на всех без исключения субъектов предпринимательской деятельности в соответствии с ч. 1 ст. 23 ГК РФ[29], что также подтверждает приведенную выше позицию В.Ф. Яковлева о необходимости обеспечения частноправовых норм публично-правовыми средствами, включая уголовно-правовую ответственность, для достижения их эффективности и желаемого регулятивного эффекта в общественных отношениях[30].

С процедурной точки зрения, моментом государственной регистрации признается внесение регистрирующим органом соответствующей записи в

---

[28] Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство и смежные составы : учебное пособие / Л. С. Аистова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 19.

[29] Гражданский кодекс Российской Федерации.

[30] Яковлев, В. Ф. Гражданский кодекс Российской Федерации: развитие общих положений гражданского права. С. 53.

соответствующий государственный реестр[31], после чего справедливо констатировать создание субъекта предпринимательской деятельности как легального участника общественных отношений, осуществляющего полезную и значимую для общества и государства предпринимательскую функцию. Факт государственной регистрации порождает и ряд публично-правовых обязанностей предпринимателя, основной из которых является своевременная и полная уплата предусмотренных действующим законодательством налогов в государственный бюджет.

Необходимо отметить, что указанная форма незаконного предпринимательства является смежной с подобным по объективной стороне составом административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)»[32]. При этом разграничение указанных составов представляет собой сложную, дискутируемую в российской науке и практике правоприменительную проблему.

По мнению А.В. Попова, признаки, позволяющие четко проводить разграничение двух конкурирующих норм, административно-правовой и уголовно-правовой, пока еще не сформулированы в отечественном законодательстве[33]. Кроме того, А.В. Попов вполне обоснованно отмечает, что «по объектам посягательства, предусмотренным ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ и ст. 171

---

[31] Арсентьев, М. В. Правовой статус субъектов предпринимательской деятельности / М. В. Арсентьев, А. А. Тарбеева // Молодая наука Сибири: электрон. науч. журн. 2021. № 1. URL: https://mnv.irgups.ru/toma/111-21 (дата обращения: 30.05.2024).

[32] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[33] Попов, А. В. К вопросу о конкуренции части 1 статьи 14.1 КоАП РФ и статьи 171 УК РФ / А. В. Попов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 402.

УК РФ, отграничить друг от друга указанные преступление и правонарушение не представляется возможным»[34].

В такой ситуации полагаться остается только на судебную практику, выработавшую некоторые подходы к определению вида ответственности, применяемым в каждом конкретном случае осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

Анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»[35] показывает, что основным объективным критерием для разграничения конкурирующих видов юридической ответственности за незаконное предпринимательство является размер ущерба, причиненного гражданам, организациям или государству, что вытекает из буквального прочтения ч. 1 ст. 171 УК РФ.

Крупным размером ущерба в российском уголовном праве после поправок, принятых 20 марта 2024 г., считается сумма, превышающая 3500000 руб. (примечание к ст. 171^2 УК РФ), т.е. именно достижение указанного порога общественно опасных последствий следует считать критерием разграничения нормы КоАП РФ от конкурирующей нормы УК РФ. Иными словами, состав административного правонарушения является формальным, когда достаточно осуществления предпринимательской деятельности без регистрации, а состав смежного уголовного преступления – материальным, поскольку основанием привлечения к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ выступают последствия совершенного деяния в виде ущерба в крупном размере.

---

[34] Там же. С. 403.

[35] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 7 июля 2015 г. № 32) // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

В качестве примера привлечения виновного лица к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ можно привести приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан по делу № 1-913/2023 от 23 ноября 2023 г.[36], в котором установлено, что подсудимый «осуществлял предпринимательскую деятельность без регистрации, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере». Таким образом, именно сопряжение с ущербом в крупном либо особо крупном размере рассматривается как критерий привлечения лица, осуществлявшего незаконную предпринимательскую деятельность, к уголовной ответственности, а не к административной.

Второй формой незаконного предпринимательства является осуществление предпринимательской деятельности без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или в сфере технического осмотра транспортных средств (в случаях, когда такие лицензия или аккредитация обязательны).

В перечисленных случаях лицо может иметь государственную регистрацию, но незаконно заниматься определенными видами деятельности, для которых действующим законодательством предусмотрены дополнительные условия ее легализации в виде обязательного лицензирования либо аккредитации.

В данном контексте следует отметить, что ст. 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[37] устанавливает исчерпывающий перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, представляющему собой специальное разрешение со стороны государства на осуществление соответствующего вида деятельности, решение о предоставлении которого принимается уполномоченными органами публичной власти.

---

[36] Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан по делу № 1-913/2023 от 23.11.2023 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://www.sudact.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[37] О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

Относительно обоих указанных в ст. 171 УК РФ видов аккредитации необходимо указать, что основное значение криминализации отсутствия данных документов заключается в пресечении незаконной предпринимательской деятельности по проведению технических осмотров, для осуществления которой указанная процедура является обязательной в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[38].

Характеризуя юридическую природу незаконного предпринимательства как уголовного преступления, следует упомянуть и о довольно оригинальной позиции Н.В. Вильской и В.Ю. Малаховой, по мнению которых: а) криминализация предпринимательства не должна основываться на формальных процедурах, под которыми авторы понимают государственную регистрацию, лицензирование и аккредитацию; б) предприниматели должны нести ответственность исключительно перед другими частными лицами в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, исходя из гражданско-правовой, а не публично-правовой природы предпринимательской деятельности[39].

С такой позицией сложно согласиться, поскольку, как уже было показано выше и обозначено в правовых позициях Конституционного Суда РФ, предпринимательская деятельность охватывает не только сугубо частные интересы, а интересы значительного количества участников правоотношений (потребителей – в вопросе качества товаров, работ, услуг; других законных предпринимателей – в вопросе получения незаконного преимущества перед ними, выражающегося в неуплате налогов, уклонении от проверок, не прохождении

[38] О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.07.2011 № 170-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[39] Вильская, Н. В., Малахова В.Ю. Формы осуществления незаконного предпринимательства и проблемы квалификации / Н. В. Вильская, В. Ю. Малахова // Образование и право. 2020. № 12. С. 302.

обязательных платных процедур, таких, как лицензирование и аккредитация, и т.п.) и непосредственно государства (недополученные налоги и другие платежи, вследствие чего менее эффективно реализуются социально значимые функции государства; нарушенный установленный порядок государственного управления в экономической сфере, что влечет снижение авторитета органов публичной власти; другие негативные эффекты публично-правового характера). Кроме того, не вызывает сомнений уже упомянутая выше необходимость взаимодействия различных отраслей права, включая обеспечение действия гражданско-правовых норм средствами административного и уголовного права, для эффективного функционирования механизма правового регулирования частноправовых отношений, включая предпринимательские.

В результате проведенного исследования юридической природы незаконного предпринимательства, можно сформулировать его уголовно-правовое доктринальное понятие и выделить сущностные признаки, концептуально формирующие соответствующую уголовно-правовую конструкцию в действующем российском законодательстве.

На наш взгляд, под незаконным предпринимательством как институтом уголовного права следует понимать идентичную по внешней форме выражения легальной систематическую деятельность физических и юридических лиц, криминализируемую при условии причинения ущерба гражданам, организациям, государству в крупном размере.

Исходя из обозначенного дефинитивного понятия, можно выделить следующие основные признаки незаконного предпринимательства в уголовном праве России:

1. Осуществление вида деятельности, по материально-правовым признакам являющейся законной, т.к. в иных случаях, когда незаконной является сама деятельность по ее сути, она не может считаться предпринимательской.

2. Основанием для привлечения к уголовной ответственности является формально-юридическое нарушение установленного действующим

законодательством порядка легализации субъекта предпринимательской деятельности в корреляции с конкретным ее видом.

3. Незаконное предпринимательство как уголовное преступление имеет материальный состав, что позволяет отграничить его от конкурирующей статьи КоАП РФ, которой предусмотрен формальный состав.

4. Обязательным признаком, позволяющим считать незаконную деятельность предпринимательской, является ее систематичность и постоянная, устойчивая нацеленность на получение прибыли как желаемый результат систематически повторяемых однообразных действий. Этот признак отличает предпринимательскую деятельность (как законную, так и незаконную) от разовых гражданско-правовых сделок, находящихся в пространстве частноправового регулирования и не посягающих на публичные уголовно охраняемые интересы.

5. Вынесение отдельных видов незаконного предпринимательства в специальные составы при базовом значении ст. 171 УК РФ для данной группы составов преступлений.

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод о родовом составе незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) по отношению к видовым составам преступлений, представляющим собой специальные разновидности незаконного предпринимательства. Следовательно, для правильной уголовно-правовой квалификации незаконного потребительского кредитования статью 171^5 необходимо рассматривать в неразрывной диалектической взаимосвязи с общей диспозицией незаконного предпринимательства, описанной в статье 171, в том числе – для формирования правильного понимания категории «крупный ущерб» как ключевого основания криминализации деяния.

1.2. Ущерб и размер как элементы незаконного предпринимательства

Установление соотношения категорий «ущерб» и «размер», определение их действительного содержания, подразумеваемого законодателем в

соответствующих статьях УК РФ и воспринимаемых сложившейся судебной практикой, решение проблемных вопросов, возникающих при применении указанных понятий на различных стадиях уголовного процесса, является одной из ключевых задач в контексте комплексного рассмотрения специфики уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования и незаконного предпринимательства в целом.

Такое значение ущерба и размера как элементов незаконного предпринимательства, включая его обособленные структурой Особенной части УК РФ составы, обусловлено, с одной стороны, их исключительной и необходимой ролью в разграничении состава уголовного преступления и конкурирующего административного проступка, а с другой – материальным характером анализируемых составов преступлений в экономической сфере, основанных на наличии общественно опасных последствий в форме крупного размера ущерба. Исходя из последнего аспекта, обязательным для решения и достаточно проблемных вопросов является формирование правильного, единообразного и законодательно подкрепленного понимания как самого понятия «ущерб», так и его соотношения со смежным понятием «вред», а также порядка и правил их определения, что имеет решающее значение для привлечения лица к уголовной ответственности.

Более того, подавляющее число составов преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», содержат в себе отсылку к понятию «ущерб» в неотъемлемой диалектической связи с его количественной характеристикой – размером (как правило, крупным либо особо крупным). Подобное конструирование положений рассматриваемой главы УК РФ имеет понятную и объяснимую логику, поскольку действительно большинство экономических преступлений имеют материальный состав, продиктованный самим их содержанием и особенностями родового объекта и непосредственного предмета, на который они посягают в публично-правовом смысле, затрагивая

конкретные имущественные интересы значительного количества граждан, юридических лиц, государства, общества.

В то же время, в научной литературе отмечается отсутствие четко прописанных в законодательстве признаков, критериев, элементов содержания понятия «ущерб», позволивших бы однозначно и непротиворечиво понимать и применять соответствующие нормы Особенной части УК РФ вкупе со смежными составами административных правонарушений и исключительной гражданско-правовой ответственности[40].

Подобная ситуация привела к формированию двух взаимоисключающих доктринальных позиций в отечественной уголовно-правовой науке, различным образом трактующих содержание категории «ущерб» и предметную методику установления его размера в правоприменительной практике.

Согласно первой позиции, характерной для современных исследований, ущерб, помимо прямых убытков, должен включать в себя еще и недополученную выгоду, что вполне укладывается в правильную, на наш взгляд, концепцию обязательности наличия публичных интересов, претерпевающих определенное посягательство и переживающих конкретную угрозу (реальную либо потенциальную, в зависимости от материальности или формальности каждого конкретного состава преступления), как общего объекта уголовно-правовой охраны (публично-правовую концепцию уголовно охраняемых интересов).

Так, по мнению Б.В. Волженкина, «ущерб применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности определяется не только реальным ущербом, но и упущенной выгодой»[41].

Подобная точка зрения укладывается и в гражданско-правовую концепцию ущерба в предпринимательской деятельности, исходя из фундаментального для частноправового урегулирования споров положения ч. 2 ст. 15 ГК РФ о том, что

---

[40] Подройкина, Е. А. Актуальные вопросы квалификации незаконного предпринимательства / Е. А. Подройкина, Е. А. Кравцова // Бизнес, образование, право. 2020. № 4. С. 250.

«под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)»[42].

В случае с уголовно-правовой охраной публичных интересов, включая интересы государства и общества, такой упущенной выгодой выступает, например, сумма неуплаченных незаконным (незарегистрированным) предпринимателем налогов и / или неуплаченная плата за лицензирование определенных видов экономической деятельности, для которых соответствующий порядок прямо предусмотрен действующим законодательством. Также, в данном случае, очевидно, можно говорить и о реальных убытках потребителей, пострадавших от некачественной продукции, завышенных процентов по займу, выходящих за законодательно установленные рамки и т.п., а также недополучивших выгоду вследствие взаимодействия с незаконными предпринимателями (например, не получивших обещанный кредит (займ) в установленный для этого законодательством срок по причине фактической не подконтрольности незаконных операций на рынке потребительского кредитования, не производимых надлежащими субъектами – банками и кредитными организациями, компетентным государственным органам контроля и надзора в этой сфере).

Иными словами, содержание категории «упущенная выгода» как элемента ущерба при осуществлении уголовно-правовой охраны общественных отношений в экономической сфере значительно шире, нежели классическое для гражданского права цивилистическое понимание упущенной выгоды как неполученных доходов конкретного лица – контрагента в определенной частноправовой сделке либо

---

[41] Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 73.

[42] Гражданский кодекс Российской Федерации.

партнера по совместной предпринимательской (например, инвестиционной) деятельности.

Именно из поддерживаемой нами широкой, ситуативной, учитывающей весь комплекс и взаимосвязь сопутствующих преступлению факторов интерпретации ущерба и, в частности, упущенной выгоды как его содержательного элемента, исходит Н.А. Лопашенко, предлагающий включать в ущерб от экономических преступлений такие составляющие, как:

- размер причиненного ущерба (этот элемент, в отличие от многих других, не вызывает дискуссии в уголовно-правовой науке и разночтений в судебной практике, выражая прямые убытки от совершенного действия или бездействия. – Авт.);

- характер причиненного ущерба, который, помимо прямых убытков, может выражаться и в упущенной выгоде;

- особые обстоятельства, включающие остановку предприятия, разрыв хозяйственных связей, срыв крупной сделки (эти элементы, как представляется, имеют огромное значение в современных условиях важности привлечения инвестиционных средств и создания благоприятного инвестиционного климата, на который с точки зрения деловой репутации влияют даже в масштабах всей национальной экономики факты незаконного предпринимательства, особенно если они не получают должной уголовно-правовой оценки и реализации основополагающего для эффективности общей превенции принципа неотвратимости наказания. – Авт.), заболевание потерпевшего (в данном случае совершенно справедливо отражен один из публично-правовых аспектов возможного ущерба от незаконного предпринимательства, примером может быть физическое и/или психическое расстройство потерпевшего или их значительного количества, непосредственно вызванное незаконным предоставлением займов на противоречащих действующему законодательству условиях возврата, что часто на практике усугубляется еще и фактами недопустимых методов возврата

просроченной задолженности, подпадающих под отдельный состав преступления, предусмотренный ст. 172[4] УК РФ. – Авт.)[43].

Подобный широкий, комплексный подход к определению уголовно-правового содержания понятия «ущерб» разделяет и А.Э. Жалинский, который, как и Н.А. Лопашенко, справедливо указывает на целесообразность включения негативных последствий для жизни и здоровья людей в структуру ущерба от экономических преступлений, предусмотренных статьями, включенными в гл. 22 УК РФ[44], что отражает очевидную необходимость учета всех важнейших публичных интересов при правотворческом формировании совокупного родового объекта уголовно-правовой охраны.

Второй подход отражает узкое понимание категории «ущерб» как прямых убытков, причиненных вследствие совершенного преступления, и подобная трактовка также встречается в уголовно-правовых исследованиях. Так, Б.В. Яцеленко и М.Г. Жилкин не рассматривают упущенную выгоду в качестве элемента общественно опасных последствий, причиненных преступлениями в экономической сфере, включая незаконное предпринимательство[45], что, на наш взгляд, не вполне обоснованно как с точки зрения описанной выше публично-правовой концепции уголовно охраняемых интересов, так и с позиций многогранности и разнообразия реальных негативных последствий, которые могут наступать в результате совершения преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, совершенно не исчерпываемых прямыми убытками, более того, во многих случаях прямые убытки отсутствуют, но, тем не менее, ущерб наносится в иных, не менее ощутимых как для частных лиц, так и для государства и общества, формах.

---

[43] Лопашенко, Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. С. 40.

[44] Жалинский А. Э. Уголовная ответственность в сфере лицензирования / А. Э. Жалинский // Закон. 2000. № 1. С. 115.

[45] Яцеленко, Б. В. Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности / Яцеленко Б. В., М. Г. Жилкин // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 2002. С. 24.

Что весьма характерно, подобная позиция была высказана в сборнике научных трудов под названием «Налоговые и иные экономические преступления»[46], априори подразумевающим, что неуплата налогов незаконными предпринимателями, осуществляющими деятельность без государственной регистрации, как раз и является одной из форм той самой недополученной (упущенной) государством и обществом публичной выгоды, финансирование от которой было бы распределено на осуществление необходимых функций государства и решение общественно значимых задач, включая реализацию государственной социальной политики[47].

С методологической точки зрения квалификацию материальных признаков составов преступлений, связанных с незаконным предпринимательством, значительно осложняет отсутствие законодательно определенного разграничения понятий «ущерб», «вред», «упущенная выгода» и прочих смежных категорий в действующем уголовном законодательстве, что объективирует необходимость обращения как к судебной практике по уголовным делам, так и к гражданскому и гражданско-процессуальному законодательству в совокупности с существующей практикой их применения.

С гражданско-правовой точки зрения, дополнительно подтверждающей правильность первого (широкого) подхода к определению размера ущерба по уголовным делам о незаконном предпринимательстве, упущенная выгода органично включается в состав убытков (ущерба) (ст. 15 ГК РФ), а Пленум Верховного Суда РФ, в свою очередь, конкретизирует понимание цитируемой ст. 15 ГК РФ, поясняя, что упущенной выгодой является неполученный доход, на

---

[46] Налоговые и иные экономические преступления : сб. науч. ст. Ярославль : Изд-во Яросла в. гос. ун-та им. П.Г. Демидова, 2002. 153 с.

[47] Устинова, Т. Д. Налоговые и внешнеэкономические преступления : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр») по очной, очно-заочной и заочной формам обучения / Т. Д. Устинова, А. С. Рубцова, Д. А. Мелешко. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. 112 с.

который увеличилась бы имущественная база лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было[48].

Следует отметить, что данная позиция, безусловно, имеет ярко выраженную частноправовую направленность и ориентирована на защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота. В то же время, в уголовно-правовом смысле, если анализировать потенциальные негативные последствия незаконного предпринимательства и смежных с ним специальных составов преступлений прочих платежей, можно выделить такой элемент общественной опасности публичным интересам, как неуплата налогов ненадлежащими субъектами. Таким образом, субъектный состав легальных бенефициаров упущенной выгоды значительно шире, нежели круг частных лиц, имеющих ограниченные собственной правосубъектностью и, в ряде случаев, условиями договорных обязательств, имущественные интересы.

В этом смысле следует согласиться с важнейшей доктринальной позицией Л.А. Шарниной о том, что публичные интересы могут быть реализованы только сообща[49], и упущенная выгода в виде недополученных государственным бюджетом доходов в описываемом случае как раз и будут представлять собой тот уголовно охраняемый публичный интерес, нарушение которого со стороны субъектов незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования оказывает негативное воздействие на все общество и общую эффективность реализации функций государства, безальтернативно обеспечиваемых бюджетным финансированием[50].

При этом в определенной части речь идет о законных интересах частных лиц, суммарно составляющих публичный интерес (в представленной выше

---

[48] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[49] Шарнина, Л.А. Частные и публичные интересы в конституционном праве / Л. А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 4-5.

[50] Клепицкий, И.А. Собственность и имущество в уголовном праве / И. А. Клепицкий // Государство и право. 1997. № 5. С. 74-83.

трактовке Конституционного Суда РФ – например, права значительного количества законных предпринимателей на получение прибыли), а частично – об исключительно публичных интересах, которые изначально не могут быть реализованы в частноправовом порядке (например, оборона государства, правоохранительная политика, антикоррупционная политика[51], организация систем водоснабжения и канализации, и т.п.). В обоих указанных формах публичный интерес может быть уголовно охраняемым благом при условии включения соответствующего состава преступления в Особенной части УК РФ и иметь в качестве возможного материально уголовно наказуемого последствия упущенную выгоду (недополученный доход) как неотъемлемый элемент ключевой для правильной квалификации преступлений в экономической сфере уголовно-правовой категории «ущерб».

Таким образом, в структуре упущенной выгоды как элемента ущерба можно выделить два аспекта – количественный и ценностный.

С количественной точки зрения, в уголовном законодательстве определяется конкретный размер ущерба, возможного, в том числе, в форме упущенной выгоды частными лицами и / или государством (соответственно, и обществом, исключительно в интересах которого априори реализуются все функции современного демократического, правового, социального государства).

С ценностной точки зрения, уголовно охраняемыми являются имущественные интересы частных лиц и государства, достаточно значимые с точки зрения законодателя для установления наиболее жесткой формы охраны законных интересов и субъективных прав, которой в пределах национальной правовой системы является уголовно-правовая. Следовательно, ключевым при

[51] Васильев, С. А. Противодействие коррупции с позиции теории соотношения субъектов права / С. А. Васильев // Реализация в Южном федеральном округе государственной политики в сфере противодействия коррупции // Сборник научных трудов по материалам II научно-практической конференции / под редакцией Д. Б. Загорского, М. А. Никулиной, А. А. Никитиной, Р. В. Бушманова. Ростов-на-Дону : Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2022. С. 72-77.

определении объекта и предмета уголовной охраны общественных отношений выступает критерий значимости публичных интересов. При этом важнейшими из них являются те публичные интересы, которые затрагивают все общество в целом, поскольку их нарушение имеет всеобщий дестабилизирующий характер, что негативно воздействует на функционирование государственного аппарата по обеспечению жизненно важных общественных потребностей.

В то же время, специальный состав преступления, предусмотренный ст. 171^5 УК РФ (незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)), содержит более четкий и определенный количественный критерий наступления уголовной ответственности за совершение описываемого деяния – общую сумму незаконно выданных потребительских займов (кредитов) в крупном размере (свыше 3500000 руб.), т.е., в отличие от ст. 171 «Незаконное предпринимательство», в которой характер уголовно наказуемых материальных последствий формулируется довольно абстрактно «крупный ущерб гражданам, организациям или государству», что подразумевает включение кроме прямых убытков, еще и недополученного дохода, ст. 171^5 определяет конкретную форму, в которой оценивается крупный размер правонарушения, позволяющий квалифицировать его в качестве преступления.

В то же время по поводу возможности привлечения к уголовной ответственности за однократное незаконное кредитование в уголовно-правовой литературе существуют различные точки зрения. Как полагает А.А. Лихолетов, ввиду того, что незаконная деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов) по своему существу является специальной разновидностью незаконного предпринимательства, она также, как и любое другое незаконное предпринимательство, должна соответствовать признаку систематичности[52], т.е. иметь два или более эпизодов, повторяемых с идентичной целью извлечения прибыли, неизменно характерной и для легальной предпринимательской

деятельности. С такой точкой зрения можно согласиться, но в то же время необходимо признать, что нынешняя формулировка нормативной конструкции ст. 171^5 УК РФ не содержит никаких препятствий для привлечения к уголовной ответственности за одни эпизод, совершенный после преюдициального привлечения лица к смежной административной ответственности. С другой стороны, преюдициальность административной ответственности в известной степени означает повторность незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том случае, если трактовать повторность в широком общеправовом, а не в узком уголовно-правовом смысле.

В данном контексте необходимо обратить внимание на то, что модернизация российского уголовного законодательства, проведенная в марте 2024 г., концептуально была направлена, среди прочих телеологических установок, на либерализацию и определенное «смягчение» (частичную декриминализацию) уголовной ответственности за преступления в экономической сфере. Так, пороговое значение крупного размера ущерба, являющееся определяющим для большинства составов экономических преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, было поднято с 2250000 руб. до 3500000 руб. (особо крупного размера, в свою очередь, до 13 млн. руб. с предыдущих 9 млн. руб.), что и стало основой для формулирования новой редакции Примечания к ст. 171^5, однозначно определившей предметную форму, в которой образуется крупный размер денежных средств (общая сумма выданных за все время соответствующей незаконной деятельности потребительских кредитов (займов), независимо от количества эпизодов, периодичности и условий таких выдач).

Вместе с тем, на несовершенство действующей формулировки Примечания к ст. 171^5 указывает Н.Ю. Скрипченко, по мнению которой существующая редакция создает несостыковку со смежным составом административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.56 КоАП в контексте

---

[52] Лихолетов, А. А. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): проблемы законотворчества и правоприменения / А. А.

преюдициального значения административно-правовой ответственности как критерия наступления уголовной ответственности[53].

На наш взгляд, было бы правильно разделить на два самостоятельных основания уголовной ответственности крупный размер ущерба (в нынешней редакции – общей суммы выданных кредитов) и административно-правовую преюдицию, поскольку крупный размер уже сам по себе представляет собой достаточно веское негативное последствие. Реализация предлагаемого подхода потребует внесения незначительных с точки зрения юридической техники изменений в текст ч. 1 ст. 171^5 УК РФ через формулирование следующим образом: «Осуществление предусмотренной федеральным законодательством о потребительском кредите (займе) деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, не содержащее признаков состава преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса, *совершенное индивидуальным предпринимателем или лицом, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющими права на осуществление указанной деятельности, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, или совершенное лицами, подвергнутыми административному наказанию за административное правонарушение в сфере предоставления потребительских кредитов (займов)*».

Внесение предлагаемого изменения позволит привлекать к уголовной ответственности незаконных кредиторов, которые уже привлекались к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.56 КоАП безотносительно к совершению деяния в крупном размере, а привлечение к административной ответственности будет переориентировано на реализацию функции специальной

Лихолетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 43-44.

[53] Скрипченко, Н. Ю. Правовой механизм противодействия нелегальной деятельности в сфере оказания услуг потребительского кредитования: современное состояние и перспективы совершенствования / Н. Ю. Скрипченко // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 4. С. 113.

превенции по отношению к лицам, в силу экономических[54], личных, организационных и иных факторов склонных к осуществлению незаконного потребительского кредитования.

С другой стороны, если незаконное потребительское кредитование осуществлено в крупном размере, то в таком случае логично было бы не связывать уголовную наказуемость с преюдициальным значением административной ответственности за аналогичное деяние, поскольку лицо изначально имело умысел не на незначительное правонарушение, а на незаконное получение прибыли в крупном размере.

При этом, скорее всего, было бы разумно расширить понятие «крупный размер», синхронизировав его с другими составами преступлений в экономической сфере, предусмотренных гл. 22 УК РФ, чего можно достичь одним из двух возможных нормотворческих способов:

1) полным исключением Примечания из текста ст. 171^5 УК РФ, что синхронизирует имущественное основание уголовной ответственности по данной статье с общим для большинства экономических преступлений определением преступного ущерба (дохода) в широком смысле;

2) расширением Примечания к ст. 171^5 добавлением к сумме фактически выданных кредитов (займов) таких элементов, как незаконно полученная от потребителей фактическая прибыль и планируемая незаконная прибыль, превышающая законодательно установленные пределы процентов и штрафных санкций, либо, по меньшей мере, незаконно полученную от потребителей фактическую прибыль.

Как представляется, более правильным с точки зрения упрощения и достижения единообразия судебной практики представляется второй способ совершенствования содержания ст. 171^5 УК РФ, конкретизирующий и

[54] Преступления в сфере экономической деятельности: проблемы квалификации / Е. Н. Карабанова, Д. А. Мелешко, А. Д. Нечаев [и др.] ; Университет прокуратуры Российской Федерации. М. : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. 268 с.

обосновывающий содержание крупного размера деяния для специального состава о незаконном потребительском кредитовании. Кроме того, указанный подход приближает основания уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ к общему их пониманию по другим экономическим преступлениям, а не ограничивает лишь фактически выданной суммой кредита (займа). Необходимо учитывать, что формально сумма может быть и меньше установленного предела, но в совокупности с обязательствами, незаконно возлагаемыми на заемщика и периодически им исполняемыми, создавать крупный размер ущерба интересам частных лиц, организаций, государства, как это и прописано относительно субъектного состава носителей уголовно охраняемых законных интересов и субъективных прав в ч. 1 ст. 171 УК РФ.

Более того, реализация предлагаемых изменений предполагает и отказ от категории «совершение в крупном размере» в пользу более обширной и справедливой категории «крупный ущерб гражданам, организациям или государству», позволяющий охватить все перечисленные элементы такого ущерба, начиная от суммы незаконно выданного кредита и заканчивая незаконно полученными выплатами, а также установленными сверх законодательных предельных лимитов для аналогичных легальных видов предпринимательской деятельности на рынке банковских и финансовых услуг.

В пользу подобных инициатив свидетельствует и исключение из ст. 171 «Незаконное предпринимательство» понятий «крупный размер» и «особо крупный размер», и отображение категории «крупный ущерб гражданам, организациям или государству» в ч. 1 ст. 171 как формулировки, наиболее соответствующей целям уголовно-правовой ответственности и содержанию уголовно-правовой охраны публичных законных интересов как генерального основания наступления уголовно-правовой ответственности.

Если анализировать понятие «доход» в качестве признака, образующего основание для уголовной ответственности, следует подчеркнуть, что после поправок, внесенных в УК и УПК РФ 6 апреля 2024 г., общее направление

криминализации деяний, связанных с незаконным предпринимательством, передвинулось в сторону категории «ущерб», поскольку доход перестал считаться самостоятельным признаком, образующим состав незаконного предпринимательства и смежных с ним составов, включенных в гл. 22 УК РФ. На практике новеллы в уголовном законодательстве детерминируют необходимость доказывания ущерба интересам граждан, организаций, государства для обоснования наличия незаконного предпринимательства как уголовного преступления, а не просто установления суммы дохода от деятельности, по формальным признакам напоминающей законное предпринимательство.

Подобная позиция законодателя, существенным образом меняющая основания уголовной ответственности по делам о незаконном предпринимательстве, была подтверждена и правовой позицией Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), сформулированной в Определении № 1120-О/2024 от 16 мая 2024 г. по жалобе на неконституционность ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»[55]. КС РФ определил в качестве обязательного установление крупного либо особо крупного ущерба гражданам, организациям, государству в качестве критерия уголовной ответственности, в то время как по делу М.А. Тимошенкова (субъекта жалобы в КС, инициировавшей вынесение Определения № 1120-О/2024) был установлен крупный размер дохода, что не соответствует действующей редакции УК РФ.

Таким образом, установление крупного либо особо крупного порогового размера ущерба, а не прямого дохода, является обязанностью следственных и судебных органов при определении наличия состава преступления по ст. 171, устанавливающей концептуальную тенденцию правового регулирования и для иных специальных составов, по своей объективной стороне смежных с незаконным предпринимательством.

---

[55] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2024 № 1120-О/2024 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенкова Максима Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса

Подобную тенденцию в целом следует признать положительной, поскольку незаконное предпринимательство выступает таковым не по своему функциональному содержанию, а в силу нарушения формальных требований действующего законодательства (о чем свидетельствует бланкетный характер уголовно-правовой нормы, отсылающей к источникам других отраслей права, в частности, к законодательству о регистрации и лицензировании), а уголовная наказуемость всегда предполагает реальный либо потенциальный ущерб публичным законным интересам (либо в совокупном понятии законных интересов значительного количества частных лиц, либо напрямую уголовно охраняемым жизненно важным интересам государства и общества).

В то же время, как представляется, особенностью установления крупного размера ущерба по статье 171^5 УК РФ в случае принятия изложенных выше авторских предложений, станет целесообразность рассмотрения незаконного дохода одновременно и в качестве ущерба гражданину (заемщику) (через установление условий, превышающих предельные лимиты, и получение соответствующих незаконных, необоснованных доходов, причиняющих прямой ущерб заемщику) государству (форме недополученных налогов, оплаты лицензии и прочих предусмотренных действующим законодательством выплат) и организациям (законным кредиторам, которые могли бы легально на законных и учитывающих интересы заемщика условиях выдать кредит (заем) заинтересованному лицу).

Вместе с тем, в настоящее время уголовная судебная практика по ст. 171^5 УК РФ отсутствует, что дает некоторые основания характеризовать рассматриваемую норму как «мертвую» или «спящую»[56], и это связано с рядом причин, прежде всего, обусловленных формулированием конструкции ст. 171^5 и Примечания к ней в нынешней редакции, диалектически связывающей деяние как

Российской Федерации. // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision759813.pdf (дата обращения 10.08.2024).

[56] Васильев, С. А. Местные налоги: к вопросу об ограничении конституционных основ народовластия / С. А. Васильев // Налоги. 2017. № 1. С. 8-12.

с преюдициальной административной ответственностью, так и понятием «крупный размер», причем два указанных условия параллельно рассматриваются в качестве обязательных, а подобное совпадение, в свою очередь, объективно крайне редко происходит в практической плоскости.

В этом контексте следует отметить, что и сама криминализация незаконного потребительского кредитования, как и его увязывание с преюдициальностью административно-правовой ответственности, во многом связана с недостаточной эффективностью административно-правового воздействия, поскольку во многих случаях лица, привлеченные к административно-правовой ответственности, продолжали незаконно предоставлять кредиты. Как обоснованно делают вывод Д.В. Коркин и А.А. Харламова, «с момента начала действия нормы КоАП РФ (декабрь 2013 г.) количество рассматриваемых судами дел постоянно росло и достигло своего пика в 2019 г., что, возможно, и привело законодателя к выводу о необходимости уголовно-правового запрета»[57], при этом именно «крупный размер» является одним из квалифицирующих признаков, криминализирующих объективную сторону, описываемую диспозицией ст. 171^5 УК РФ.

Таким образом, в результате проведенного анализа содержания категорий «ущерб» и «размер» как элементов незаконного предпринимательства и, в частности, незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), можно сделать следующие основные выводы:

а) на современном этапе развития и модернизации российского уголовного законодательства основополагающей категорией для определения количественного критерия привлечения к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство является крупный (3,5 млн. руб.) либо особо крупный (13,5 млн. руб.) ущерб гражданам, организациям, государству, в отличие

[57] Коркин, Д. В. Об обусловленности уголовно-правового запрета на незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) / Д. В. Коркин, А. А. Харламова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 161-165.

от предыдущего применявшегося в УК РФ подхода, основанного на установлении крупного либо особо крупного размера незаконного дохода;

б) в структуру ущерба законным интересам граждан, организаций, государства должна включаться также и упущенная выгода, например, недополученные государственным бюджетом налоги, лицензионные и другие платежи, предусмотренные действующим законодательством;

в) при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности, смежной с административно-правовой, за незаконную деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов) установлен специальный количественный критерий – общая сумма выданных потребительских кредитов (займов), но при этом предусмотрена преюдициальность привлечения к административно-правовой ответственности за идентичный формальный состав правонарушения, что априори объективирует наличие такого признака, как систематичность (повторность), имманентно присущий любой предпринимательской деятельности, осуществляемой как законно (с соблюдением всех установленных действующим законодательством требований и процедур), так и незаконно (с нарушением установленного формально-юридического порядка осуществления соответствующего вида экономической деятельности, телеологически направленного на систематическое получение прибыли ее субъектом).

1.3. Понятие, содержание и общественная опасность ростовщичества как разновидности незаконного предпринимательства

Анализируя содержание понятия ростовщичества как социального явления, присущего различным этапам исторического развития общества и присущих ему форм общественной жизнедеятельности, прежде всего, необходимо охарактеризовать философские, культурные и историко-правовые предпосылки

возникновения и дальнейшего генезиса данного феномена в координатах различных правовых систем.

Само понятие «ростовщичество» в экономической теории считается достаточно близким по объективным внешним признакам к понятию «кредит» как легальной категории финансовых отношений публично-правового и частноправового характера. Более того, два указанных понятия следует рассматривать как смежные, поскольку в современных правовых системах выдача денежных средств на возмездной основе рассматривается либо как ростовщичество (негативное социальное явление), либо как кредит (легальный финансовый инструмент потребительского рынка) в зависимости не от объективной стороны совершаемых действий, а от наличия (кредит) либо отсутствия (ростовщичество) соответствия установленных действующим законодательством (в определенном обществе в конкретную историческую эпоху государственно-правового развития) формально-юридических требований к осуществлению финансовой и банковской деятельности.

Таким образом, на современном этапе, в известной степени, прослеживается тенденция к уменьшению морально-этической составляющей категории «ростовщичество» к доминированию легистского (формально-догматического) понимания исследуемого феномена, увязываемого с соблюдением установленных действующим законодательств правил осуществления соответствующих видов деятельности[58].

При этом на религиозном, морально-этическом, культурном уровнях общественного сознания[59], безусловно, преобладает исторически сложившаяся негативная оценка ростовщичества, под которым С.А. Тихомиров обобщенно

---

[58] Воскобитова, Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине / Л. А. Воскобитова // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 56-64.

[59] Галяшина, Е. И. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде / Е. И. Галяшина, К. М. Богатырев // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 138-151.

понимает «предоставление денег в долг под проценты (в рост)»[60]. При этом с юридической точки зрения, в современных условиях под ростовщичеством понимается предоставление денег в долг под чрезвычайно высокий процент, опережающий рыночные значения и предельные ставки, предусмотренные законодательством[61].

В то же время, если исходить из оснований уголовной ответственности в действующем российском законодательстве, ст. 171^5 УК РФ связывает незаконную деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов) (состав преступления, воплощающий в себе социально-культурное восприятие феномена ростовщичества) с несоблюдением установленного законом формального порядка осуществления подобной деятельности (отсутствие лицензии, несоответствии организационно-правовой формы и т.п.), а не с размером процентов, т.е., например, если физическое или юридическое лицо, формально не обладающее правом предоставлять кредиты, будет выдавать денежные средства под процент даже ниже рыночных ставок, в любом случае при наличии определенных условий (преюдициальность привлечения к административной ответственности, крупный размер выданных займов и прочее) деяние будет уголовно наказуемым.

В то же время, даже при подразумеваемом общественном и каноническом осуждении, ростовщичество было одной из исторически первых форм кредитно-денежных отношений, которая при отсутствии узаконенных организационно-правовых институциональных форм, таких, как, например, банки, являлась определенным «двигателем» экономических отношений – торговых, ремесленных, аграрных, давая субъектам такой деятельности единственно возможный канал доступа к оборотным средствам, значение которых было и остается весьма высоким на всех последовательных стадиях мирового экономического развития.

---

[60] Тихомиров, С. А. Феномены «роста» и лихвы в литературе, культуре и коммуникации / С. А. Тихомиров // Ценности и смыслы. 2013. № 2. С. 98.

Если рассматривать отношение к ростовщичеству (ссудному проценту; возмездному предоставлению денежных средств) в христианских источниках, можно выделить стабильно негативное отношение к исследуемому феномену, проходящее «красной нитью» как через Ветхий Завет, так и через Новый Завет, а далее отражаясь в теологических трудах различных эпох.

Так, осуждение ростовщичества в любой его форме, независимо от потенциального субъекта такой деятельности и иных формальных признаков, неизменно характерно для ветхозаветных источников («если дашь взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исход, 22:25))[62]. Как можно увидеть из приведенного библейского отрывка эпохи Моисея, морально осуждался не сам факт займа денег нуждающемуся (что оценивалось даже положительно и богоугодно, исходя из смысла и контекста библейских текстов), а установление процента, т.е. стремление разбогатеть, нажиться, заработать, не произведя для этого никаких товаров, не предоставив реальных услуг и не выполнив никакой работы. Иными словами, в библейской традиции ростовщичество предлагается отличать от бескорыстного и безвозмездного одалживания денежных средств с целью помощи ближнему, а не с коммерческим замыслом получения прибыли из проведения соответствующих финансовых операций.

Традиция негативного отношения к феномену ростовщичества, заложенная в библейских текстах, была продолжена и в раннехристианской авторской публицистике представителей церкви и сопряженной с ней теологической мысли.

Первая из позиций, осуждающих ростовщичество, характерна для ранних христианских комментаторов и теологов. В частности, ростовщичество крайне резко осуждал Иоанн Златоуст[63]. Аналогичное мнение в западнохристианской литературе высказывал болонский монах Грациан в труде «Декрет», акцентируя

---

[61] Там же. С. 98-99.

[62] Ветхий Завет. Синодальный перевод. М. : Новое небо, 2018. 450 с.

на недопустимости ростовщичества как для священнослужителей, так и для мирян, а сама подобная деятельность приравнивалась к грабежу; церкви запрещалось проводить причастия и погребения ростовщиков, а также принимать от ростовщиков пожертвования.

Именно на идеях, высказанных в «Декрете» Грациана, концептуально начиная с XII ст. было построено средневековое каноническое право в отношении кредитно-денежных отношений и последствий совершения связанных с ними действий. Постулаты канонических норм указанной эпохи сводились к трем основным тезисам, которые подробно описывал и анализировал в своих работах Фома Аквинский. Во-первых, ростовщичество порождается грехом алчности. Во-вторых, ростовщичество посягает на время как главную ценность человеческой жизни, даруемую Господом (временной аспект процентных отношений, отражающий плату за определенное время пользования заемными средствами: чем дольше время пользования, тем выше сумма уплачиваемых процентов, и, соответственно, прибыль ростовщика («рост»). В-третьих, ростовщичество представляет собой грех против справедливости (данный тезис особенно подробно раскрывал Фома Аквинский)[64].

Несколько иное обоснование негативного отношения к ростовщичеству предлагается в более поздних трудах ведущих европейских теологических мыслителей-схоластов, акцентирующих внимание, как точно отмечает А.Н. Дубянский, на противоестественности самого ростовщичества как процесса и явления общественных отношений[65], продолжая тем самым традицию интерпретации ростовщичества, заложенную еще Аристотелем в классическую античную эпоху развития мировой философской и политико-правовой мысли.

---

[63] Иоанн Златоуст. Беседы на послание к Ефесянам. II.4. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1905. Т. XI в 2 кн. Кн.1. С. 21.

[64] Стецюра, Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского / Т. Д. Стецюра. М. : РОССПЭН, 2010. С. 374.

[65] Дубянский А.Н. К вопросу об осуждении ростовщичества и процента в христианстве. Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 374.

В основе указанного подхода находилась идея об исключительно разменном значении денежных средств и их невозможности быть самоцелью в экономическом обороте, т.е., иными словами, тезис о том, что деньги не могут порождать деньги без выполнения функции эквивалентного обмена на различные блага, необходимые человеку и обществу (вещи, товары, услуги). В обратном же случае, денежный оборот, по мнению представителей «аристотелевского» подхода к ростовщичеству, становится бессмысленным, бесполезным и перестает иметь как социальную, так и индивидуальную значимость в своем естественном, первоначально заложенном смысле и функциональном предназначении. В последнем случае происходит некая «продажа денег за деньги», в которой ценой денежных средств выступает ссудный процент, делая, таким образом, эти денежные средства «вещью в себе» без какого-либо внешнего, объективно обусловленного социальными потребностями движения.

В то же время, в качестве некоторого методологического недостатка данного концептуального подхода к противоестественной природе ростовщичества можно считать то обстоятельство, что, как показывает практика, предметом ростовщических займов могут выступать не только денежные средства, но и другое имущество, не подпадающее под предлагаемую Аристотелем и его последователями в разные эпохи формулу «продажа денег за деньги». Например, как указывает Я.А. Васильев, для сельского ростовщичества Новгородской губернии в начале XX ст. были характерны займы в форме семян, когда за один одолженный мешок крестьянин отдавал в случае хорошего урожая целых два, что объяснялось крайней потребностью в семенах в посевную кампанию, достигавшую в отдельные годы показателя до 70 % нуждавшихся крестьянских хозяйств[66]. В других случаях в натуральной форме происходил возврат взятых в долг денежных средств, например, рыбаки зачастую расплачивались уловом, причем рассчитываемым, как правило, по самой низкой

цене, что было выгодно, в первую очередь, самим руководителям рыболовецких артелей, наживавших таким способом капитал именно в результате использования ростовщических по своей сути, содержанию и ожидаемому результату схем[67].

Подобные случаи вполне подходят под широкую трактовку понятия «ростовщичество» в историко-правовом контексте, включавшем в предмет возможных заемных операций не только денежные средства (как это характерно для современного понимания исследуемой категории), но и родовые, количественно определяемые, товары, имевшие особую, незаменяемую ценность для удовлетворения жизненно важных потребностей определенных слоев населения в конкретных социально-экономических и бытовых условиях (посевной материал, зерно, продукты питания и т.п.).

На современном этапе также существует точка зрения о целесообразности включения в понятие «кредитование», близкое по формальным признакам к социальному феномену ростовщичества, в качестве предмета займа не только денежных средств, но и натуральные формы. Так, В.В. Баранова рассматривает легальное кредитование как «вид финансовых взаимоотношений, в которых одна сторона (кредитор) предоставляет во временное пользование ресурсы в денежной или натуральной форме другой стороне (заемщику) на условиях платности и возвратности»[68]. Другую точку зрения, представляющую ограниченный (финансовый) взгляд на предмет кредитования, высказывает Л.Ф. Галимова, по мнению которой «кредит представляет собой денежные средства, полученные

---

[66] Васильев, Я. А. Сельское ростовщичество в Новгородской губернии в начале XX века / Я. А. Васильев // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 3. С. 3.

[67] Корешкова, Т. А. Земские склады сетей и рыболовных принадлежностей в Новгородской губернии (1902—1914 гг.) / Т. А. Корешкова // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования : материалы XI научной конференции историков-архивистов, 26-27 мая 2011 г. Великий Новгород, 2012. С. 48.

[68] Баранова, В. В. Анализ кредитования физических лиц / В. В. Баранова // Скиф. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kreditovaniya-fizicheskih-lits (дата обращения: 21.07.2024).

заемщиком от кредитной организации с условием возврата в определенный срок и с определенными процентами, что указано в кредитном договоре»[69]. Интересно, что приведенную дефиницию можно одновременно считать и формально-юридической.

Еще один важный аспект отмечает в своем авторском определении М.Р. Кузьмина, акцентирующая внимание на потребительских нуждах заемщика в потребительском кредитовании[70], что дает возможность отличить потребительское кредитование от коммерческого, что имеет существенное значение в контексте формулировки ст. 171^5 УК РФ, охватывающей именно потребительское кредитование в качестве сферы действия содержащейся в ней уголовно-правовой конструкции состава преступления.

Иными словами, потребительский кредит представляет собой особый вид займа, выдаваемый ограниченным кругом кредиторов – банком или иной кредитной организацией, а также, в случаях, прямо определенных законодательством, некредитными организациями (к примеру, потребительскими кооперативами).

Вполне очевидно, что точно такое же по своему существу действие происходит и в том случае, когда, в значении, придаваемом описываемым фактам общественным сознанием, имеет место ростовщическая деятельность, которая соответствует тем же объективным критериям платности и возвратности, а сторонами неизменно выступают кредитор и заемщик по их взаимному согласию. Вместе с тем, безусловно, общественное мнение во все обозримые эпохи связывало феномен ростовщичества именно с непомерно высокими процентами и

---

[69] Галимова, Л. Ф. Необходимость потребительского кредитования и перспективы его развития в современном мире / Л. Ф. Галимова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimostpotrebitelskogo-kreditovaniya-i-perspektivy-ego-razvitiya-v-sovremennom-mire (дата обращения: 21.07.2024).

[70] Кузьмина, М. Р. Виды рисков потребительского кредитования / М. Р. Кузьмина. Мировая наука. 2021. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-riskov-potrebitelskogo-kreditovaniya (дата обращения: 21.07.2024).

неравными условиями правовой защиты сторон кредитования, что имело последствием формирование общественных отношений, в которых изначально заемщик был слабой стороной, чье положение во многих случаях полностью зависело от воли и односторонних действий кредитора.

В соответствии с устоявшимися негативными взглядами различных обществ, культур и религий на феномен ростовщичества в разных правовых системах формировалась и уголовно-правовая парадигма его общественной опасности и наказуемости.

Закрепление уголовной ответственности за ростовщичество было связано не в последнюю очередь и с народными волнениями, которые периодически провоцировались деятельностью ростовщиков, что, в свою очередь, требовало незамедлительной разработки государственных мер для сбалансирования и смягчения ситуации. Так, 17 апреля 1113 г. поднялось народное восстание против ростовщиков в Киеве, причиной чего стали непомерно высокие взимаемые проценты[71], вследствие чего князь Владимир законодательно закрепил несколько принципиально новых подходов, фактически предвосхитивших как современную концепцию социального государства, так и парадигму приоритетной защиты прав заемщиков как потенциально слабой стороны имущественного правоотношения. Во-первых, срок взимания процентов был ограничен тремя годами. Во-вторых, для малоимущих был открыт безвозмездный доступ к денежным средствам и продуктам из государственного бюджета («княжьего двора»), что во многом предотвратило практику массовой выдачи займов с непомерными и неестественными для нормальных кредитно-денежных отношений условиями.

В свою очередь, в Уложении царя Алексея Михайловича говорится о займе денег, хлеба и других родовых вещей, но при этом под абсолютным запретом, в отличие от более ранних периодов русской истории, находится любое взимание процентов с каноническим православным обоснованием недопустимости таких

[71] Социальные выступления в истории России / сост. В. А. Скребнев. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. С. 4.

действий. Только в 1754 г., уже на принципиально новом этапе развития торговли, ремесел и соответствующего изменившимся экономическим условиям правового регулирования имущественных отношений, кредитору и заемщику было разрешено договариваться между собой об установлении процентов, но их предел ограничивался размером 6 % годовых[72].

Историко-правовые аспекты становления и развития специальных норм уголовного законодательства об ответственности за ростовщичество и незаконное предпринимательство диалектически основаны на тенденции перехода от морального восприятия ростовщичества как негативного социального явления к формально-юридической интерпретации подобных деяний.

Первым актом в отечественной истории государства и права, связавшим законность предпринимательской деятельности с соблюдением формальных законодательных требований, стала Жалованная грамота городам 1785 г.[73]

В отраслевом уголовном законодательстве ответственность за различные формы незаконного предпринимательства впервые в российской истории была введена Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г.[74]. Как отмечает М.Н. Урда, можно выделить следующие основные причины криминализации некоторых форм незаконного предпринимательства в Российской империи, побудившие законодателя внести соответствующие деяния в перечень уголовно наказуемых: «предпринимательская деятельность может быть опасной (производство оружия, боеприпасов и другое); предпринимательская деятельность может затрагивать имущественные интересы большого количества людей (осуществление банковской деятельности); доходность предпринимательской деятельности должна контролироваться в целях

---

[72] Бочкарникова, А. В. История развития уголовного законодательства об ответственности за незаконное предпринимательство / А. В. Бочкарникова // Меридиан. 2020. № 5. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42373043_29310891.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

[73] Кошман, Л. В. Город в пореформенной России: социокультурные и правовые аспекты / Л. В. Кошман. М. : Издательство Московского университета, 2018. С. 44.

[74] Бочкарникова А.В. Указ. соч.

обеспечения экономических интересов государства (добыча соли, драгоценных металлов); от качества предпринимательской деятельности зависит безопасность потребителей, а также их имущественные интересы (организация ремесленного дела, аптеки); контроль за предпринимательской деятельностью способен обеспечить государственную монополию на определенный вид производства (производство алкогольных напитков)»[75]. Под уголовную ответственность, среди прочих форм, подпадало и ростовщичество как нарушение установленного порядка банковской деятельности в части предоставления потребительских кредитов (займов) населению.

Анализируя современное соотношение понятий «ростовщичество» и «кредит (кредитная деятельность), финансовые услуги», можно обозначить несколько аспектов, позволяющих как найти общие элементы, так и провести разграничение, без чего негативную окраску получали бы любые банковские услуги по кредитованию, что, безусловно, было бы не только методологически и формально-юридически неверно, но еще и имело бы ярко выраженные нежелательные последствия для всей национальной экономики и удовлетворения жизненно важных потребностей граждан, юридических лиц, государства и общества в современных координатах рыночной экономики, требующей наличия достаточного количества оборотных денежных средств, которыми располагают субъекты экономической деятельности.

Во-первых, под потребительским кредитом предполагается заем, который обеспечен законодательным регулированием, в частности: установлены взаимные, а не односторонние, права и обязанности обеих сторон кредитно-денежных отношений; законодательно ограничены предельные размеры процентов и штрафных санкций; кредитование осуществляется надлежащим профессиональным субъектом (банком либо небанковской финансовой организацией); целью потребительского кредита не должна выступать

[75] Урда, М. Н. О взаимосвязи частноправовых и публично-правовых начал в незаконном предпринимательстве / М. Н. Урда // Известия Юго-Западного государственного университета.

предпринимательская деятельность, что отличает потребительское кредитование от предпринимательства (при этом криминологическая характеристика незаконного кредитования показывает, что в большинстве случаев оно является потребительским, когда в роли заемщика выступают физические лица, нуждающиеся в денежных средствах для удовлетворения своих личных потребностей – ремонт, строительство, лечение, приобретение бытовой техники и т.п., но при этом физическое лицо не ограничивается со стороны незаконного кредитора и в применении полученных средств в целях индивидуальной предпринимательской деятельности, что является предметом контроля и соответствующих договорных ограничений со стороны банков).

Во-вторых, предоставление кредита всегда оформляется в установленной законодательством гражданско-правовой форме с соблюдением публично-правовых требований к банковской и микрофинансовой деятельности, в отличие от незаконного кредитования (в общем социальном смысле – ростовщичества), когда кредитный договор может либо не заключаться вообще, либо каждый эпизод незаконного кредитования с целью получения прибыли самостоятельно маскируется в тексте долговой расписки, рассматривающийся судом по общему правилу в качестве доказательства передачи денежных средств и источника частноправовых условий их передачи и возврата, под одноразовое гражданско-правовое отношение физических лиц по «безвозмездному» («беспроцентному») временному пользованию денежными средствами.

Такая расписка может сопровождаться и нотариально заверенной генеральной доверенностью на объекты имущества заемщика, формально находящейся либо вообще не находящейся в причинно-следственной связи с фактом исполнения обязательств, указанных в расписке. В итоге, заемщик не защищен в таком случае никакими законодательными ограничениями и запретами, и на него возлагается обязанность возврата той суммы, которая

2012. № 2. С. 133.

указана в расписке исходя из принципа автономии воли субъектов гражданских правоотношений.

Следует отметить, что одной из распространенных ростовщических схем, уводящих незаконное предоставление потребительских кредитов в латентную плоскость и являющихся одной из ключевых причин отсутствия в России судебной практике рассмотрения уголовных дел по ст. 171^5 УК РФ, выступает маскировка постоянных, систематических фактов незаконного предоставления потребительских кредитов (займов) с единственной целью получения прибыли под беспроцентные гражданско-правовые займы физических лиц доверительного характера путем составления расписки, в которой в качестве предоставленной суммы указывается не реально выданная заемщику, а уже учитывающая условные «проценты», но при этом отдельной фразой указывается, что заем является беспроцентным. Фактически, подобные схемы в большинстве случаев предполагают непомерно и необоснованно высокие фактические, замаскированные в общей сумме займа, проценты, размер которых и представляет собой основной признак современного ростовщичества, отличающий его от цивилизованных и соответствующих действующему законодательству форм кредитования[76].

С другой стороны, некоторые авторы считают ростовщичеством любое кредитование под проценты, но подобная точка зрения не соответствует действующему законодательству, отграничивающему законное кредитование от незаконного, устанавливая для законного кредитования определенные ограничения и запреты, призванные обеспечить защиту заемщика как потенциально слабой и менее защищенной стороны в кредитно-денежных отношениях.

Безусловно, практика применения описанных выше схем в значительной степени искажает саму суть гражданско-правовых и, в частности, кредитно-

[76] Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. М. : Норма, 2005. 656 с.

денежных отношений, скрывает реальные количественные и качественные характеристики правоотношений, а также лишает заемщика законодательно предусмотренных средств защиты его прав и законных интересов, но необходимо признать, что при юридически грамотном оформлении текста долговой расписки по описанной схеме доказать состав преступления по ст. 171^5 представляется крайне сложным, если вообще практически возможным, т.е. латентность деяний, подпадающих под описание данного состава преступления, как можно предположить из отсутствия судебной практики в течение 2021-2024 гг., является крайне высокой, а сама уголовно-правовая норма, сформулированная в ст. 171^5, на данный момент не проявляет достаточной эффективности в контексте достижения целей уголовного законодательства.

Схемы, применяемые современными ростовщиками (в социальном, а не в формально-юридическом уголовно-правовом, значении этого понятия, поскольку в УК РФ понятие «ростовщичество» либо состав преступления, совпадающий по смысловому объему с ростовщичеством в морально-этической и социально-экономической интерпретации, отсутствует[77]) с целью получения необоснованно высокой прибыли, размеры которой в большинстве случаев напрямую нарушают законодательные ограничения, основаны на применении нескольких основных факторов либо их совокупности, создающих соответствующие замыслу ростовщика причины и условия т.н. «кабального кредитования», в котором и состоит онтологическая и функциональная природа ростовщичества:

а) низкий уровень правовой и экономической культуры и образования у заемщиков, что приводит к оформлению кабальных кредитных документов, в которых замаскированы необоснованно высокие проценты, а сами условия нарушают нормы действующего законодательства в сторону существенного ограничения прав и законных интересов заемщика, а также лишения его тех механизмов юридической защиты, которые имелись бы в ситуации

[77] Геворков, Г. Э. Уголовная политика в Российской Федерации / Г. Э. Геворков, Т. А. Погосов // Государственная служба и кадры. 2014. № 1. С. 63-64.

осуществления легального кредитования легальным субъектом предпринимательской деятельности в указанной специфической сфере;

б) фактические жизненные обстоятельства, имеющие характер крайней необходимости, которые использует ростовщик в собственных интересах, что в известной степени можно сравнить с ситуацией использования беспомощного положения одной из сторон, чья воля подавлена (ограничена) конкретной жизненной ситуацией неблагоприятного содержания (болезни, финансовые проблемы близких родственников, вредные зависимости заемщика, которые потенциально могут быть основанием для ограничения в судебном порядке его дееспособности и т.п.);

в) прямой обман заемщиков и кабальные условия кредитования, что особенно характерно для фактов незаконного предоставления потребительских кредитов (займов), когда обязанность сообщения достоверной информации не контролируется органами публичной власти, что обязательно для легальных кредиторов – представителей банковского и небанковского финансового сектора экономики;

г) во многих случаях – ориентация на наименее образованные и социально неблагополучные слои населения, возможности которых получить потребительское кредитование у легальных кредиторов значительно ограничено в силу полной частноправовой автономии субъектов банковской системы в вопросах одобрения кредитов (займов), усиливающейся массовым применением автоматических систем оценки рисков, учитывающей исключительно объективные данные о заемщике и его сложившейся кредитной истории.

Таким образом, ростовщичество отличается от легального кредитования необязательностью для первого законодательных ограничений, и более того – умышленное создание условий в отношениях с заемщиками, направленных на получение необоснованно высокой прибыли, многократно превышающей как законодательно установленный предел взимания, так и средние рыночные

показатели по тем или иным видам потребительского кредитования в определенном регионе[78].

В данном контексте необходимо отметить, что действующее российское законодательство о потребительском кредитовании и микрофинансовой деятельности, направленной на предоставление потребительских кредитов (займов), значительно модернизированное в сторону обеспечения прав и законных интересов заемщиков на протяжении 2019-2024 гг., устанавливает следующие ограничения для потребительского кредитования, превышение которых означает переход от легального кредитования к ростовщичеству, которое в общественно-экономическом значении, не отображенном напрямую в уголовном законодательстве, является кабальным (необоснованным) кредитованием именно с точки зрения существенных условий предоставления и возврата кредита (займа): а) кредиторы не могут требовать с заемщика больше 2,5 размера займа, а ежедневная процентная ставка ограничена 1,5 %; б) максимальная ежедневная процентная ставка составляет 1 % (365 % годовых), а максимальный размер выплат, которые кредиторы могут потребовать с заемщика, ограничивается до двукратного от суммы кредита (включая проценты, штрафы и другие платежи, относящихся к кредиту); в) запрет на требование с клиента больше полуторакратного размера займа; установление размера предельной ставки по займам на сумму до 30 000 рублей сроком до 30 дней, которая составляет 0,8 % в день при максимально возможной сумме всех начислений по договору 1,3 размера займа[79]. Следовательно, фактическое (не обязательно отображенное в долговых документах, в частности, наиболее простой и распространенной из них – гражданско-правовой долговой расписке) нарушение указанных условий и целесообразно рассматривать как ростовщичество в современном общественном и социально-экономическом понимании указанного

[78] Геворков, Г. Э. О предпринимательстве посредством потребительского кредитования в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Закон и право. 2022. № 9. С. 102.

[79] Черкасов, С. А. Правовые основы микрофинансовой деятельности / С. А. Черкасов // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 53.

социального явления. Более того, в отличие от легальных кредиторов, максимально просчитывающих потенциальные риски и всесторонне изучающие личность возможных заемщиков, ростовщики фактически «охотятся» преимущественно на физических лиц, в силу сложных объективных и субъективных жизненных обстоятельств психологически склонных к вовлечению в необоснованно высокие условия кредитования (в англоязычном варианте ростовщиков довольно емко еще называют «loan sharks» – досл. «кредитные акулы», что выражает внутреннюю суть и мотивацию их действий на рынке потребительского кредитования).

Приведенное различие в условиях, процентных ставках и их соответствии общеправовым принципам разумности и справедливости составляет третий критерий отграничения легального потребительского кредитования от ростовщичества как негативного социального явления, признаваемого таковым как в общественном сознании (нормах морали), так и в правовых нормах, на всех исторических этапах развития различных социумов, представляющих весь комплекс мировых культур и религий.

В-четвертых, ростовщичество, как правило, адресовано физическим лицам, в то время как легальное кредитование равномерно предоставляется как физическим, так и юридическим лицам, что имеет важное значение для составления правильной криминологической характеристики незаконного предоставления потребительских кредитов, в большинстве случаев имеющего источником своего происхождения именно среду ростовщичества (потребительского кредитования под необоснованно высокие проценты, нарушающие как принципы разумности и справедливости, так и установленные законодательные ограничения)[80].

В-пятых, экономическая характеристика ростовщичества, как правило, подразумевает использование собственных денежных средств, в то время как

природа банковской деятельности состоит в использовании денежных средств вкладчиков в кредитных отношениях, что дает возможность выступать бенефициаром не только банку, но и вкладчикам, добровольно разместившим свои средства на депозитах на основании договора банковского вклада с целью регулярного получения дивидендов в соответствии с предлагаемыми банком договорными условиями. Следовательно, банковское кредитование в определенной степени несет еще и социальную функцию, обеспечивая пассивный (по условиям, как правило, умеренный, но реальный в существующих экономических реалиях) доход неограниченному кругу физических и юридических лиц, в отличие от традиционного ростовщичества, всецело направленного только лишь на одностороннее обеспечение сверхприбыли кредитора, достигаемой, как правило, через игнорирование и / или прямое нарушение моральных и правовых норм о допустимых качественных и количественных пределах потребительского кредитования.

В-шестых, ростовщичество, вполне естественным образом, в отличие от субъектов банковской деятельности, не связанное с неукоснительным соблюдением действующего законодательства и постоянным государственным контролем, зачастую сопряжено с залогом имущества заемщика (ипотекой), предметом которого в большинстве случаев выступают объекты недвижимости либо передвижные транспортные средства, имеющие некую рыночную ценность. Легальное кредитование также бывает как беззалоговым, так и залоговым, но именно при классических ростовщических схемах, связанных с составлением долговых расписок и генеральных доверенностей, кредитор фактически получает реальную возможность распорядиться залоговым имуществом в любой момент по своему усмотрению, а заемщик оказывается в положении слабой стороны частноправовых отношений, поскольку применяющаяся схема исключает любые сомнения, которые потенциально могут быть истолкованы судом в его пользу.

---

[80] Геворков, Г. Э. Феномен ростовщичества - история возникновения, понятие и сущность в современной России / Г. Э. Геворков // Уголовное судопроизводство: проблемы

В-седьмых, ростовщичество, в отличие от легального потребительского кредитования, не прибегающего к незаконным формам возврата займа, в ряде случаев как исторически, так и на современном этапе тесно связано с криминалом, а происхождение заемных средств имеет преступный источник, что объективирует также и высокую вероятность отмывания и легализации преступных доходов через определенные частноправовые механизмы, связанные с заемными отношениями. Кроме того, еще одним возможным проявлением криминальной детерминации ростовщичества является сопряженность с составом преступления, предусмотренном ст. 172^4 УК РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» либо с более тяжкими преступлениями против личности и собственности, такими как «Вымогательство» (ст. 163 УК РФ), «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) и другими как корыстными, так и насильственными. В то же время, подобные составы, имеют место, как правило, в беззалоговых нелегальных либо условно легальных («замаскированных») заемных отношениях, так как при наличии залога многие из описанных действий естественным образом теряют свою целесообразность для кредитора, имеющего юридические гражданско-правовые механизмы для изъятия залогового имущества и дальнейшего распоряжения им в своих интересах (при этом такие сделки на практике могут как проводиться нотариально, так и через предоставление генеральной доверенности в причинно-условной корреляции с долговой распиской)[81].

Таким образом, исходя из совокупности приведенных признаков и анализа содержания, современное ростовщичество можно определить как негативное социальное явление, представляющее собой систематическую, умышленную,

---

теории и практики. 2023. № 2. С. 34-37.

[81] Геворков, Г. Э. Ростовщичество в Российской Федерации: проблемы правового регулирования / Г. Э. Геворков // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 3. С. 103-105; Геворков, Г. Э. О некоторых проблемах квалификации вымогательства по уголовному законодательству Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 2. С. 31-33.

корыстную деятельность физических и юридических лиц, представляющую собой предоставление кредитов (займов) под необоснованно высокий процент, нарушающий принципы разумности и справедливости и / или превышающий законодательно установленные предельные размеры либо замаскированных под беспроцентные одноразовые частноправовые сделки.

При этом ростовщичество в современных условиях общественно-правового и социально-экономического развития:

а) может быть присуще как незаконным кредиторам, не имеющим государственной регистрации и / или лицензии, так и законным кредиторам, неправомерно использующим свой легальный статус;

б) всегда нарушает нормы морали и потенциально способно иметь прямую и опосредованную общественную опасность, но не во всех правовых системах криминализировано (в УК РФ криминализировано незаконное предоставление потребительских кредитов (займов) на основании несоблюдения формальных требований к государственным процедурам регистрации и лицензирования, но не ростовщичество как систематическое и корыстное предоставление кредитов (займов) под необоснованно высокие проценты; самостоятельная криминализация и объективация ростовщичества в УК РФ отсутствует);

в) может требовать либо не требовать административной преюдициальности и / или наличия определенных количественных характеристик («крупный размер», «крупный ущерб» и т.п.) в качестве основания привлечения к уголовной ответственности в случае самостоятельной криминализации нормой Особенной части УК РФ;

г) в российской правовой системе ростовщичество не рассматривается Особенной частью УК РФ как преступление, но является основным детерминирующим фактором и социальной средой возникновения причин и условий совершения преступлений, предусмотренных ст. 171^5 УК РФ, а также ст. 172^4 УК РФ («Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной

задолженности физических лиц»), которые априори органически связаны между собой общим замыслом и механизмом осуществления.

В российской уголовно-правовой науке единственным исследователем, посвятившим специальное исследование актуальной проблеме ростовщичества и потенциального создания эффективной модели противодействия данной деятельности, является выдающийся ученый, основоположник современного российского уголовного экономического права, профессор И.А. Клепицкий, по обоснованному мнению которого ростовщичество представляет собой угрозу общественной и государственной безопасности, а также народному благосостоянию, в том случае, если оно принимает массовый характер[82].

Анализируя общественную опасность, которую реально или потенциально, прямо либо опосредованно, способно иметь ростовщичество в современных условиях как в качестве самостоятельного преступления, так и являясь социальной причиной совершения других преступлений, прежде всего, необходимо проанализировать различные подходы к общетеоретическому и уголовно-правовому содержанию категории «общественная опасность», ее месту и роли в определении наказуемости деяний и необходимости их непосредственной криминализации.

При этом в случае признания самостоятельности общественной опасности ростовщичества как социального явления через выявление конкретных объектов общественных отношений, для которых данное явление может иметь опасные последствия, логичным и обоснованным станет предложение о криминализации ростовщичества в качестве состава преступления, обособленного от предусмотренного ст. 171^5, которое ограничивается исключительно формальными признаками законодательно установленного порядка предоставления кредитов (займов), не затрагивая при этом материально-правовую сторону, состоящую в необоснованно высоких процентах и применении заемных механизмов,

[82] Клепицкий, И. А. Ростовщичество: уголовно-правовой аспект / И. А. Клепицкий // Закон. 2019. № 4. С. 130, 141.

искажающих саму природу нормальных, равноправных, юридически защищенных кредитно-денежных отношений кредитора и заемщика. В судебной практике указывается также и на необходимость соблюдения баланса интересов кредитора и должника, на что обращается внимание в Постановлении Арбитражного Суда Московского округа от 8 июля 2024 г. по делу № А40-137219/2021[83].

Наиболее развернуто обобщил и систематизировал существующие значения понятия «общественная опасность» выдающийся российский ученый З.Б. Соктоев, выделивший следующие варианты интерпретации: «1) свойство преступления в его психофизическом единстве; 2) свойство деяния, которое может быть совершено и невменяемым, и лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, и лицом, имеющим пороки в интеллектуально-волевой сфере; 3) свойство действия (бездействия) субъекта; 4) свойство последствий, вызванных деянием лица; 5) характеристика лица, совершившего преступление»[84].

Следует отметить, что в УК РФ отсутствует раскрытие содержания понятия «общественная опасность», хотя в различных статьях оно упоминается многократно. В частности, общественная опасность: входит в общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ); применяется при определении состава преступления (ст. 14, 15 УК РФ); используется как элемент описания принципа справедливости в уголовном праве (ст. 6 УК РФ); применяется при определении условий правомерности необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 37, 38 УК РФ); в других положениях Общей части УК РФ.

---

[83] Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 08.07.2024 по делу № А40-137219/2021. // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=523043 (дата обращения: 21.07.2024).

[84] Соктоев, З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Соктоев Зорикто Борисович; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М., 2014. С. 25.

Перечисленные положения дают возможность сделать вывод о фундаментальном значении правильного понимания содержания категории «общественная опасность» для достижения целей уголовного законодательства и определения концептуальных категорий, применяемых для квалификации деяний. Такое понимание в силу отсутствия нормативной дефиниции формируется в науке уголовного права, оказывая непосредственное влияние как на позицию законодателя относительно совершенствования действующего УК РФ, так и на текущую судебную практику. Как справедливо отмечает в контексте построения современной теории соотношения субъектов права С.А. Васильев, «любые социальные действия приводят к определенным результатам»[85], что вполне применимо и к соотношению доктринальных и судебных позиций при рассмотрении и решении конкретных уголовных дел.

По мнению А.П. Козлова, общественную опасность необходимо рассматривать как «угрозу возникновения вреда или создание вреда существующим общественным отношениям»[86]. С такой позицией вряд ли можно полностью согласиться, поскольку общественный вред характерен и для административных правонарушений, но при этом исключительно уголовные преступления способны нести общественную опасность, т.е. угрожать целому блоку общественных отношений в их базовой, фундаментальной основе возникновения и реализации в жизнедеятельности социума.

Именно на отличие общественного вреда и общественной опасности как критерия разграничения правонарушений различной отраслевой принадлежности справедливо и аргументированно указывает З.Б. Соктоев, выразивший указанную позицию таким образом: «…преступления наиболее вредны для общества и степень вредности преступлений такова, что появляется новое качество –

---

[85] Васильев, С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права / С. А. Васильев. М. : Центркаталог, 2023. С. 36.

[86] Козлов А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 709.

общественная опасность»[87]. Подобная доктринальная позиция имеет колоссальный онтологический и праксиологический потенциал для развития всей Особенной части УК РФ, формируя современную отраслевую парадигму понимания категории «общественная опасность» как исключительной имманентной характеристики уголовных преступлений, по качественному признаку отличающих их от других видов правонарушений. На общественную опасность как критерий разграничения преступлений и административных правонарушений указывают, в частности, Ю.Л. Приколотина и К.В. Девятовская[88], что методологически основано на отнесении общественной опасности к специальному уголовно-правовому понятийно-категориальному ряду.

Более того, неоценимый вклад З.Б. Соктоева в формирование современного научного понимания уголовно-правовой категории «общественная опасность» состоит, помимо прочего, еще и в обосновании диалектической взаимосвязи общественной опасности и противоправности как обязательных признаков преступления. Вместе с тем, совершенно справедливо указывается на первичность общественной опасности, поскольку она является социальной и физической категорией, а уголовная противоправность – правовой[89].

Исходя из обозначенной теоретико-методологической позиции, следует признать, что даже в условиях отсутствия формально-юридической криминализации ростовщичество имеет общественную опасность на уровне негативного социального явления, но в то же время уголовно-правовой категорией оно может стать только в случае определения соответствующего состава в Особенной части УК РФ, что придаст общественно опасному

---

[87] Соктоев З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные аспекты. С. 25.

[88] Приколотина, Ю. Л. Общественная опасность как критерий разграничения административных правонарушений и преступлений: к постановке проблемы / Ю. Л. Приколотина, К. В. Девятовская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 14. С. 154.

[89] Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные аспекты. С. 25-26. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. 2-е изд., перераб и доп. Москва, 2024. С. 6-7, 143-183.

социальному явлению коррелирующий с нею обязательный признак уголовной противоправности (а следовательно, и уголовной наказуемости).

Как уже было отмечено, на данный момент в УК РФ криминализированы более узкие составы преступлений, непосредственно не описываемые как «ростовщичество», но в большинстве случаев всецело обуславливаемые ростовщичеством как негативным социальным явлением (ст. 171^5, 172^4 УК РФ), выступающим их первопричиной, что лишний раз подтверждает методологическую правильность фундаментального учения З.Б. Соктоева о причинности в уголовном праве, основанного на научной концепции прямой (непосредственной) причинной связи в уголовном праве и предполагающего первичность общественной опасности социальных явлений, признаваемых впоследствии законодателем преступлениями через установление их уголовной противоправности в Особенной части УК РФ.

Среди других научных взглядов на правовую природу и содержание общественной опасности необходимо выделить позицию Ф.Н. Сотскова, по мнению которого общественная опасность является «внутренним свойством деяния, выраженным в объективной способности деятельности человека причинить или создать угрозу причинения вреда, которое находит свою юридическую оценку в запрете совершения деяния под угрозой наказания»[90]. В приведенной позиции ключевым также является установление прямой взаимосвязи между реальной общественной опасностью как социальной первопричиной и введением уголовного запрета как основанием юридической (уголовной) ответственности.

В то же время, для правильного понимания общественной опасности ростовщичества и обоснования необходимости его самостоятельной криминализации в современном российском уголовном законодательстве, важным представляется мнение тех исследователей, которые указывают на

объективный характер общественной опасности деяний, ее независимость от воли законодателя, задача которого состоит в выявлении общественно опасных проявлений и их криминализации, придании им уголовной противоправности, направленной на обеспечении прав и законных интересов граждан, юридических лиц, общества, государства как участников общественных отношений. Такую точку зрения высказывают, в частности, Л.Н. Кривоченко[91], Ю.В. Умнова[92], Ю.Е. Пудовочкин[93].

Обобщая высказанные в отечественной науке уголовного права теоретико-методологические позиции относительно понятия и содержания общественной опасности, можно сделать вывод о том, что именно реальное и объективно выявленное наличие общественной опасности является исключительным условием для криминализации деяний, после чего связка «общественная опасность – уголовная противоправность» смыкается и негативное социальное явление становится преступлением в пределах национальной правовой системы как пространственной сферы действия уголовного закона.

По мнению К.В. Чемеринского, причиной появления «мертвых» норм в УК РФ (таковой на сегодня ввиду отсутствия судебной практики небезосновательно можно считать и норму, предусмотренную ст. 171^5 УК РФ) либо, наоборот, применения излишней уголовной репрессии, зачастую становится субъективная оценка общественной опасности того или иного социального явления, полагающаяся в ряде случаев на ситуативное общественное мнение, а не на

---

[90] Сотсков, Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сотсков Федор Николаевич; Российский университет дружбы народов. М., 2009. С. 8.

[91] Кривоченко, Л. Н. Классификация преступлений / Л. Н. Кривоченко. Харьков : ХарЮИ, 1983. С. 33.

[92] Умнова, Ю. В. Общественная опасность в процессе уголовного правотворчества и правоприменения / Ю. В. Умнова // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 209.

[93] Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 25.

научно обоснованные критерии наличия общественной опасности как феномена реальной действительности[94].

Анализируя потенциальную общественную опасность ростовщичества как негативного социального явления, которое нуждается в выявлении указанного критерия и возможного формирования на его основе парадигмы уголовной противоправности, требующей обязательного внесения изменений и дополнений в Особенную часть УК РФ, необходимо остановиться на нескольких элементах, которые представляются имеющими объективную общественную опасность для уголовно охраняемых интересов граждан, организаций, общества, государства:

1. Ростовщичество как объективно существующее в современных условиях негативное социальное явление непосредственно провоцирует осуществление незаконной предпринимательской деятельности, криминализированное как в общем виде, так и в нескольких специальных составах, положениями действующего УК РФ, в частности, предусмотренной ст. 171^5 «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)», поскольку именно стремление к получению сверхприбыли, не ограниченной нормами законодательства, является основной предпосылкой предоставления кредитов (займов) лицами, у которых отсутствуют формальные юридические основания для занятия указанным видом легального предпринимательства.

2. Незаконное предоставление потребительских кредитов (займов) как состав преступления, напрямую порождаемый негативной социальной природой ростовщичества, имеет общественную опасность для граждан (заемщиков) – через нарушение субъективных прав и законных интересов; через лишение заемщиков законных средств юридической защиты вследствие применения «маскировочных» схем, направленных на сокрытие систематической незаконной предпринимательской деятельности под видом одноразовых гражданско-

[94] Чемеринский, К. В. Общественная опасность как категория уголовного права / К. В. Чемеринский // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. - № 1. С. 2.

правовых беспроцентных сделок, что способствует высокой латентности преступлений, предусмотренных ст. 171^5 УК РФ и отсутствию судебной практики по соответствующим делам; через провокацию корыстных и насильственных преступлений (краж, грабежей, разбоев, убийств и прочее; классическим случаем, описанным в русской классической литературе, иллюстрирующем провокацию преступного поведения заемщика ростовщической схемой, является убийство Ф. Раскольниковым старухи-процентщицы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») со стороны заемщиков, вызванные кабальными условиями реальных заемных отношений с ростовщиками; высокая вероятность совершения преступления, предусмотренного ст. 172^4 УК РФ в силу отсутствия легальных оснований кредитных отношений и государственного контроля, присущего законной деятельности коммерческих банков, которые к тому же еще и всесторонне с помощью специальных автоматизированных алгоритмов оценивают личность потенциального заемщика, совокупность его доходов и расходов, всю полноту потенциальных рисков и вероятность возврата денежных средств; незаконный ростовщик, в свою очередь, рассчитывает в качестве обеспечения возврата либо на залоговое имущество, либо на незаконные методы возврата долга, описанные в диспозиции ст. 172^4 УК РФ.

3. Незаконное предоставление потребительских кредитов (займов) является общественно опасным для публичных интересов государства и общества, поскольку, в отличие от легальных банковских и других финансовых учреждений, не предусматривает уплаты налогов и иных обязательных платежей в государственный бюджет, что негативно сказывается на реализации государством своих функций в интересах всего общества, причем именно всеобщие публичные интересы рассматриваются в качестве приоритетных для охраны от реальных и потенциальных посягательств. По обоснованному мнению А.А. Павлушиной, «…государство и существует для надлежащего обеспечения публичного

интереса»[95], а принципиально возможным такое обеспечение всех без исключения публичных интересов государством становится исключительно при наличии бюджетного финансирования, безальтернативно обеспечиваемого фискальными способами, на что как раз и посягает с публично-правовой точки зрения незаконное предпринимательство.

4. Ростовщичество предполагает применение схем, искажающих природу кредитно-денежных отношений и скрывающих истинные существенные условия сделок по предоставлению кредитов (займов), что негативно влияет на всю экономическую и социальную систему, нивелируя предусмотренные действующим законодательством принципы, правила, ограничения, запреты, призванные в совокупности обеспечить баланс интересов кредитора и должника (заемщика). При применении агрессивных и направленных исключительно на обеспечение интереса кредитора в получении сверхприбыли, значительно превышающей установленные законодательные ограничения, такой баланс интересов, необходимость которого отмечена в судебной практике российских арбитражных судов, отсутствует и категорически не соблюдается, что детерминирует возникновение общественной опасности для всего комплекса правового межотраслевого регулирования кредитно-денежных отношений.

5. Ростовщичество негативно влияет на социальное благополучие и стабильность в обществе, выступая причиной, способствующей обнищанию значительных слоев населения, а в ряде случаев – и понижению социального статуса, вызванного кабальными условиями кредитования. Кроме того, ростовщическое кредитование представляет непосредственную угрозу для жизненно важных интересов членов семьи заемщика, включая его несовершеннолетних детей, становится непосредственной причиной распада семей. В свою очередь, семья, материнство и детство являются государственными приоритетами Российской Федерации, а Конституция РФ в редакции 2020 г.

[95] Павлушина, А. А. Защита публичного интереса как универсальная процессуальная форма / А. А. Павлушина // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 79.

имеет ярко выраженную социальную направленность. Безусловно, конституционный приоритет социальных и семейных ценностей в комплексе публичных интересов является ориентиром для установления объектов уголовно-правовой охраны и формулирования соответствующих составов преступлений в Особенной части УК РФ.

Таким образом, анализируя выделенные элементы, следует сделать обобщающий вывод о безусловном наличии объективной общественной опасности ростовщичества как социального явления, что обуславливает необходимость его криминализации.

Вместе с тем, в действующем УК РФ криминализированы только специальный состав преступления (ст. 171^5 «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)»), имеющий своей первопричиной ростовщичество как негативное социальное явление, но устанавливающий уголовную противоправность не самого ростовщичества, а осуществления похожей по внешним признакам на легальное потребительское кредитование, осуществляемое лицом, не выполнившим предусмотренные государственные процедуры (государственная регистрация и лицензирование).

Кроме того, как представляется, наряду с детерминацией ст. 171^5 УК РФ, ростовщичество выступает также основной первопричиной совершения преступлений, предусмотренных ст. 172^4 УК «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц», что также приводит к выводу о необходимости криминализации причинного явления (ростовщичества) наряду с деяниями, чья общественная опасность в большинстве случаев, присущих современным условиям жизнедеятельности социума, напрямую им обусловлена.

ГЛАВА 2. НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЗАЙМОВ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

2.1. Незаконное предпринимательство на рынке потребительского кредитования по уголовному праву зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ

Рассмотрение существующего зарубежного опыта в сфере уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования и сравнение применяющихся в различных правовых системах концептуальных подходов к уголовной ответственности за незаконные действия в указанном сегменте экономики представляется необходимой и важной предпосылкой дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства.

Как справедливо отмечает в контексте выборочного и научно обоснованного применения сравнительно-правового метода с целью выделения позитивного опыта для частичного заимствования А.С. Комаров, «…накопленный в зарубежной юриспруденции опыт правовых трансформаций необходимо использовать критически и в случае необходимости подвергать его результаты соответствующей корректировке»[96].

Вместе с тем, научно обоснованное применение сравнительно-правового метода в уголовно-правовой плоскости имеет отраслевую специфику, обусловленную как особенностями предмета и метода уголовного права, так и телеологической доминантой государственной уголовно-правовой политики.

---

[96] Комаров, А. С. О реформировании национального гражданского права в переходный период / А. С. Комаров // Международное частное право: преемственность и развитие : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летнему юбилею профессора Л. А. Лунца / отв. ред. Н. Г. Доронина. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2023. С. 39.

Как отмечает А.П. Кузнецов, одним из ключевых направлений сравнительного уголовного права, в котором заключается суть сравнительно-правового метода познания, выступает исследование зарубежного уголовного права с целью «составить объективное представление об уголовном законодательстве, его социальной обусловленности, закономерностях и тенденциях эволюции и совершенствовании, об основаниях и принципах уголовной ответственности преступлений и наказаний»[97].

Исходя из приведенной телеологической доминанты применения сравнительного анализа действующего зарубежного законодательства в уголовно-правовых исследованиях, можно выделить следующие объекты сравнения в рамках предмета особенных частей уголовных кодексов (установление уголовной противоправности и наказуемости конкретных деяний, посягающий на общественные интересы, подлежащие уголовно-правовой охране), подлежащие выявлению, определению и классификации: а) наличие либо отсутствие определенных составов преступлений в уголовном законодательстве зарубежных государств (криминализация / декриминализация конкретных деяний); б) формулировка диспозиций составов преступлений, подлежащих сравнению; в) сравнение необходимых признаков идентичных, подобных либо смежных составов преступлений: по объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне; установление значения факультативных признаков; г) сравнение отягчающих и смягчающих обстоятельств, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений; д) сравнение санкций уголовных наказаний за совершение идентичных (схожих, смежных) преступлений; е) выявление и сравнение актуальных тенденций развития институтов уголовного права, реформирования и совершенствования уголовно-правовой охраны общественных отношений и публичных интересов.

---

[97] Кузнецов, А. П. Методологические основы уголовно-правовой науки : лекция / А. П. Кузнецов. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2009. С. 12.

В свою очередь, А.А. Малиновский называет следующие объекты сравнения при применении метода сравнительного анализа в уголовно-правовой плоскости: уголовно-правовые системы; уголовно-правовая политика; конкретные уголовно-правовые институты; отдельные составы преступлений и виды наказаний[98].

При этом очень важно, что современные сравнительные уголовно-правовые исследования не ограничены никакими идеологическими рамками, а правовые системы не классифицируются только лишь в соответствии с типом общественно-экономической формации (например, на «социалистическое» и «буржуазное» уголовное право), что дает возможность проводить объективный формально-юридический анализ норм и институтов зарубежного уголовного права различных государств, сопоставляя полученные результаты с элементами российской уголовно-правовой модели с целью «точечного», разумного, научно обоснованного выделения позитивного зарубежного опыта, пригодного к заимствованию в отечественных реалиях, как и, наоборот, позитивного российского опыта, который мог бы быть позаимствован зарубежными законодателями.

Вместе с формально-юридическим подходом, который при проведении сравнительных исследований является необходимым (на что совершенно справедливо обращал внимание еще В.А. Туманов[99]), безусловно, крайне важно познавать и те реальные социальные условия, в которых происходит уголовное правоприменение в том или ином обществе со своей системой социальных ценностей и координат эволюционного развития национальной правовой системы. По мнению К. Цвайгерта и Г. Путтфаркена, «…одна и та же норма

---

[98] Малиновский, А. А. Сравнительное уголовное право : учебник / А. А. Малиновский. Москва : Юрлитинформ, 2014. С. 15.

[99] Туманов В. А. Вступительная статья / В. А. Туманов // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В. А. Туманова. Москва : Прогресс, 1981. С. 5-18.

может приобрести совершенно иное значение в иных социальных условиях»[100]. Например, понятие «потребительское кредитование» имеет один смысл в условиях рыночной экономики, но совершенно иначе воспринимается в административно-командных централизованных экономико-правовых моделях по типу советской, в которых, как правило, финансовая деятельность со стороны частных лиц априори не признается легальной. Исходя из общей социальной модели развития, видоизменяется и объем уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере потребительского кредитования, естественным образом отражая основные принципы государственной политики, в большинстве случаев заложенные на конституционном уровне.

Именно при условии полноценного анализа социальных условий реализации уголовно-правовых норм сравнительное исследование зарубежного опыта способствует выявлению и взаимному заимствованию институциональных и практических преимуществ национальных моделей конструирования преступности и наказуемости деяний путем модернизации положений Особенной части уголовного законодательства, включая криминализацию / декриминализацию конкретных деяний, а также решение вопроса о необходимости установления уголовно-правовой охраны целостных массивов общественных отношений (к примеру, общественных отношений в сфере потребительского кредитования).

Более того, в мировой юридической науке в контексте применения сравнительно-правового метода и опыта дальнейших заимствований зарубежного законодательного опыта сложилось такое методологическое направление, как «юридическая трансплантация», основоположником которого считается А. Уотсон[101]. По его мнению, национальное правовое развитие происходит в результате перемещения правовых норм и институтов из одной национальной

[100] Цвейгерт, К. О возможности сравнения сходных правовых институтов в различных социальных системах / К. Цвайгерт, Г. Путтфаркен // Очерки сравнительного права. М., 1981. С. 154.

правовой системы в другую, что и составляет содержания феномена, обозначаемого как «юридические трансплантации»[102].

Признавая полезность и необходимость проведения сравнительно-правовых исследований в уголовно-правовой сфере, в то же время, взгляд А. Уотсона представляется несколько преувеличенным, поскольку нельзя сводить доминанты и тенденции развития национального законодательства исключительно к одному фактору заимствований зарубежного опыта, так как очевидно, что вектор модернизации уголовно-правовых конструкций определяется далеко не только обозначенным процессом, а еще и условиями жизнедеятельности конкретного общества в определенный период, национальным менталитетом, социально-экономическими условиями, криминогенной обстановкой, распространенностью и непосредственной общественной опасностью определенных деяний, аутентичной интеллектуальной деятельностью отечественного законодателя, общими основами государственной политики в уголовно-правовой сфере, институциональными возможностями системы органов публичной власти по реализации тех или иных законодательных моделей уголовно-правовой охраны общественных отношений.

Также следует обратить внимание и на инструментальную ограниченность подхода, предлагаемого А. Уотсоном, поскольку «юридические трансплантации» фактически сводятся лишь к проведению определенных юридико-технических операций при осуществлении внешних заимствований без учета всей полноты социальных факторов, как и специфических особенностей национальной правовой системы (начиная от типа правовой семьи, к которому она относится, и заканчивая отдельными ее структурными элементами, такими, как система источников права, судебная и правоохранительная система, система видов уголовных наказаний и т.д.), выступающей «реципиентом» таких «трансплантаций». Необходимо согласиться с А.С. Комаровым, по мнению

---

[101] Watson, A. Legal Transplants. An Approach to Comparative Law / A. Watson. University of Georgia Press, 1974. 111 p.

которого в случае механистического переноса иностранной материи в отечественное законодательство без учета социальных условий и особенностей национальной правовой системы с высокой долей вероятности может произойти «отторжение» произведенного заимствования действующим законодательством[103].

В связи с этим, исключительное значение имеет выборочный, научно обоснованный подход к любым заимствованиям из зарубежного законодательства, основанный не только на юридико-техническом качестве той или иной конструкции, а ее способности более эффективно регулировать определенные общественные отношения в реальных отечественных социальных условиях и инструментальном взаимодействие с комплексом других законодательных, включая смежные уголовные и административные составы правонарушений.

Еще одним важным методологическим аспектом сравнительного исследования зарубежного уголовно-правового опыта является определение его применимости для решения ключевой задачи государственной уголовно-правовой политики, которой в отечественной литературе признается противодействие преступности[104].

При этом, безусловно, исключительную важность имеет отнесение к понятию «преступность» только тех посягательств, которые объективно представляют общественную опасность для охраняемых уголовным законом общественных отношений.

В частности, для уголовной охраны общественных отношений в сфере потребительского кредитования и криминализации соответствующих деяний «лакмусовой бумажкой» выступает их имманентная способность причинять уголовно наказуемый (общественно опасный) вред легальному порядку

---

[102] Там же.

[103] Комаров А. С. Указ. соч. С. 36.

[104] Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 15-16.

осуществления предпринимательской деятельности, комплексно урегулированному источниками различных отраслей права (гражданского, предпринимательского (коммерческого), уголовного, налогового, банковского, финансового).

Вместе с тем, межотраслевой характер правового регулирования экономической деятельности только подчеркивает действенность и необходимость уголовно-правовых мер воздействия на поведение участников экономических отношений для обеспечения его правомерности в крайних случаях, когда отраслевые механизмы других отраслей права, в особенности – частноправовых, оказываются неэффективными либо недостаточными в корреляции с масштабом и последствиями правонарушения.

Именно из такого методологического подхода исходит В.Ф. Яковлев, по обоснованному мнению которого гражданское право, устанавливающее значительное количество правил легальной предпринимательской деятельности, является преимущественно регулятивной отраслью права, в то время как охранительная функция является основной, а не вспомогательной, для других отраслей, включая уголовное, которое по своей основной природе призвано охранять экономические отношения[105]. Тот же В.Ф. Яковлев еще в 2008 г. считал необходимым и прогнозировал расширение числа составов экономических преступлений в сфере кредитно-расчетных отношений[106] на основе обоснованной им парадигмы охранительного значения уголовно-правовых норм в экономических отношениях.

Как представляется, сравнение зарубежного опыта уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере потребительского кредитования целесообразно проводить как в общем контексте сопоставления уголовно-правовой ответственности за экономические преступления, так и, в частности,

[105] Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 53.
[106] Там же. С. 54.

относительно составов преступлений, составляющих в совокупности родовое понятие «незаконное предпринимательство».

Отдельно при этом целесообразно проанализировать ростовщичество как самостоятельный состав преступления, предусмотренный уголовно-правовыми нормами некоторых зарубежных государств, но не криминализированный, в отличие от незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования, в российском уголовном законодательстве.

Если рассматривать концепции уголовной ответственности за преступления в экономической сфере, необходимо обратить внимание на наличие разнообразных подходов и отсутствие единого подхода в законодательстве зарубежных государств с точки зрения криминализации либо декриминализации отдельных деяний, включаемых в данную категорию по родовому объекту.

При этом отсылки к обобщенному «зарубежному опыту» зачастую являются одним из главных аргументов некоторых исследователей и практиков при обосновании необходимости внесения тех или иных изменений в УК РФ, имеющих в ряде случаев довольно кардинальный характер. Так, например, группой российских ученых (Я.Е. Иванова[107], Я.Ю. Егоров[108]) на определенном этапе развития отечественной уголовно-правовой науки предлагалась идея по одновременной декриминализации (исключении из Особенной части УК РФ) целого перечня преступлений в экономической сфере, включая и незаконное предпринимательство, предусмотренное ст. 171. Поскольку идея высказывалась еще до дополнения УК специальными составами, органично связанными с незаконным предпринимательством, можно предположить, что, например, ст. 171^5 в обозначенной логике также рассматривалась бы как излишняя, а сам рынок потребительского кредитования – как область общественных отношений,

[107] Иванова, Я. Е. Незаконное предпринимательство: социальная обусловленность уголовно-правового запрета / Я. Е. Иванова. М. : РАП, 2011. С. 150-152.

[108] Егоров Я. Ю. Ущерб и доход как общественно опасные последствия незаконного предпринимательства / Я. Ю. Егоров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 84-88.

принципиально не подлежащая уголовно-правовой охране в силу, очевидно, априори предполагаемого ее частноправового содержания.

Подобные идеи относительно определенных составов, включенных в главу 22 УК РФ, периодически высказываются и на современном этапе отечественного уголовно-правового развития не только учеными, но и предпринимательским сообществом. Так, декриминализировать 10 составов преступлений, включая незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) 9 марта 2023 г. предлагал Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)[109], также, очевидно, проработав при формировании своей инициативы определенный зарубежный опыт.

Анализируя зарубежное уголовное законодательство в части противодействия незаконному предпринимательству в сфере потребительского кредитования, следует рассмотреть примеры конкретных государств и систематизировать основные модели, присущие различным национальным правовым системам, поскольку, как уже отмечалось, обобщенное понятие «зарубежный опыт» является в известной степени абстрактным, поскольку для уголовного законодательства различных зарубежных стран характерны свои национальные особенности, зачастую значительным образом отличные между собой.

Следует отметить, что наиболее полный сравнительно-правовой анализ особенностей уголовной ответственности за предпринимательские преступления в отечественной науке провел И.А. Клепицкий, справедливо включающий указанные составы в предмет экономического уголовного права[110]. В частности, именно И.А. Клепицкий справедливо указал на то обстоятельство, что в уголовном законодательстве многих зарубежных государств, традиционно

---

[109] Бизнес предложил декриминализировать десять экономических статей в УК // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409371d9a7947657509820d (дата обращения: 09.09.2024).

[110] Клепицкий, И. А. Новое экономическое уголовное право. / И. А. Клепицкий. М.: Проспект, 2021. 983 с.

относимых в литературе к «развитым» (ФРГ, Канада, США, Франция), установлена уголовно-правовая ответственность за ростовщичество[111].

Действительно, в уголовном законодательстве некоторых европейских и других государств (Швеция, ФРГ, Франция, Испания, Австрия, Польша; из неевропейских – Япония) не предусмотрена ответственность за нарушение формально-юридических требований к легальному осуществлению предпринимательской деятельности, включая потребительское кредитование[112] (к таким требованиям, как правило, как и в российском законодательстве, относятся государственная регистрация и лицензирование).

В правовых системах указанных государств правовое регулирование предпринимательской деятельности, включая юридическую ответственность за ее осуществление с нарушением установленного порядка, традиционно относятся к частноправовой сфере, что предполагает преимущественное применение гражданско-правовых санкций, и в некоторых случаях – административно-правовых, а само правонарушение, соответственно, считается проступком, а не преступлением[113].

Установление уголовной противоправности и наказуемости нарушений государственной экономической монополии является объяснимым и логичным, например, для скандинавских государств, социальная модель которых во многом основана на поступлениях от монополизированных секторов национальной экономики, и в силу этого соответствующие преступления имеют значительную общественную опасность для реализации фундаментальных социальных функций государства.

Другой группой уголовно наказуемых деяний в экономической сфере выступает деятельность, связанная с нарушением условий эксплуатации объектов

---

[111] Клепицкий, И. А. Ростовщичество: уголовно-правовой аспект. С. 141.

[112] Чеботарев, А. В. Сравнительно-правовая и историческая характеристика уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное предпринимательство / А. В. Чеботарев // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 1. С. 21.

[113] Церкасевич, Л. В. Европейский Союз: 40 градусов по Бахусу / Л. В. Церкасевич // Современная Европа. 2011. № 2. С. 113.

повышенной опасности (например, автомобили, морские суда, химическая промышленность и т.п.).

Специфической особенностью уголовно-правового конструирования указанных составов преступлений является их расположение в различных разделах уголовных кодексов и отсутствие систематизации в рамках единого родового объекта общественных отношений.

Как можно предположить, скорее всего, именно опыт данной группы европейских государств имеется ввиду под «зарубежным опытом» при многочисленных обоснованиях необходимости широкой декриминализации экономических преступлений, включая незаконное предпринимательство со стороны ученых, экспертов, представителей предпринимательского сообщества.

В то же время, в мировой практике существуют и другие различные модели уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере предпринимательства.

Так, ст. 131 УК Дании[114] устанавливает уголовную ответственность за осуществление деятельности без государственных полномочий, что даже без употребления термина «предпринимательская» по смыслу тождественно незаконному осуществлению предпринимательской деятельности, хотя и немного шире по объему, включая в себя не только незаконное предпринимательство, а и вообще осуществление любой такой деятельности, для легализации которой требуется государственное разрешение.

Ст. 326-3 УК Швейцарии[115] устанавливает уголовную противоправность и наказуемость такого деяния, как нарушение правовых предписаний, относящихся к фирме, т.е. идет в несколько ограничительном объеме имеется ввиду незаконная предпринимательская деятельность, которая является таковой в силу нарушения

---

[114] Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. : Беляев С. С. (Пер.) ; Пер. : Рычев А. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. 171 с.

[115] Уголовный кодекс Швейцарии. Перевод с немецкого / Науч. ред. : Серебрянникова А. В. (Пер., предисл.). С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 350 с.

государственных правил и процедур «фирмами», т.е. юридическими лицами, а не физическими.

В свою очередь, ст. 436 УК Нидерландов[116] устанавливает уголовно-правовую ответственность за осуществление профессиональной деятельности без лицензии. Таким образом, с одной стороны, в нидерландской модели криминализировано только осуществление предпринимательской деятельности без лицензирования (в тех случаях, когда оно необходимо согласно действующему профильному законодательству), но декриминализировано осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации. С другой стороны, цитируемая норма охватывает не только предпринимательскую деятельность, но любую профессиональную, для осуществления которой требуется пройти лицензирование – медицинскую, аудиторскую, оценочную, нотариальную и т.д., и в этом смысле ее объем шире по видам деятельности, чем объем сопоставимой с нею по смыслу и непосредственному объекту уголовно-правовой охраны ст. 171 УК РФ.

Необходимо отметить, что уголовные кодексы перечисленных государств (Нидерланды, Швейцария, Дания), как и многих других, принципиально разделяют понятия профессиональной и предпринимательской деятельности, при этом именно предпринимательская деятельность получает режим наибольшего благоприятствования со стороны законодателя по сравнению с индивидуальной профессиональной, что обусловлено многовековыми традициями рыночной экономики и коммерческого оборота, и выражается в переносе юридической ответственности за большинство правонарушений, совершаемых предпринимателями, в административно-правовую плоскость. Более того, например, в Нидерландах отсутствует необходимость государственной регистрации предпринимателей, а все лица, фактически занимающиеся легальными по содержанию видами экономической деятельности, кроме

[116] Уголовный кодекс Голландии. Перевод с английского / Науч. ред. : Волженкин Б. В. ; Пер. : Миронова И. В. 2-е изд. С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 510 с.

государственных монополий, считаются предпринимателями и обязаны уплачивать налоги и другие обязательные платежи в государственный бюджет. Следовательно, в государствах с подобным конклюдентным порядком начала осуществления предпринимательской деятельности, не требующим документального подтверждения, в уголовно-правовых нормах противоправным может считаться только осуществление предпринимательской (профессиональной) деятельности без лицензии в случаях ее необходимости, что и отображено в ст. 436 УК Нидерландов, при том, что принятие данной статьи, исходя из ее наименования, в первоочередном порядке направлено на пресечение незаконной индивидуальной профессиональной деятельности без лицензии, а не на охранительное регулирование предпринимательских общественных отношений, хотя по логике действие нормы распространяется и на отсутствие лицензии в лицензируемой предпринимательской деятельности.

Перечисленные нормы уголовных кодексов могут охватывать и незаконное предпринимательство по предоставлению потребительских кредитов (займов) в том случае, если для осуществления данного вида деятельности действующим законодательством установлено требование получения государственной лицензии. При этом специальный состав преступления, сравнимый с установленным ст. 171^5 УК РФ, в УК этих стран отсутствует, что вполне объяснимо в условиях отсутствия требования государственной регистрации предпринимательской деятельности либо декриминализации ее отсутствия с переводом правонарушения в категорию административных проступков, безальтернативно влекущих административно-правовую ответственность.

Таким образом, вряд ли можно полностью согласиться со слишком обобщенной позицией Т.Д. Устиновой, справедливой лишь в отношении некоторых европейских государств, по мнению которой всеобщей характерной чертой уголовного законодательства государств Европы и США является отсутствие среди оснований привлечения к уголовной ответственности нарушений формальных требований законодательства к осуществлению

предпринимательской деятельности в связи с применением исключительно финансово-налоговых и цивилистических методов воздействия на правомерное поведение участников экономических отношений[117]. В частности, отсутствие лицензии и нарушение государственной монополии, прописанные в качестве оснований для привлечения к уголовной ответственности, в уголовном законодательстве целого ряда европейских государств, также представляют собой нарушения формально-юридического государственного порядка, установленного отраслевым законодательством, хотя, безусловно, перечень формальных оснований в УК РФ сформулирован значительно шире относительно большинства европейских государств, поскольку в последних, как правило, отсутствует уголовная ответственность за отсутствие государственной регистрации, а в некоторых из них не предусмотрена и сама процедура государственной регистрации, в особенности для индивидуальных предпринимателей.

Соответственно, действительно, баланс уголовных и иных отраслевых методов воздействия в европейских странах имеет уклон в сторону частноправовых и финансовых санкций, в то время как в российском законодательстве на сегодня уголовно-правовые меры сохраняют большее значение в процессе обеспечения легального экономического правопорядка.

Вместе с тем, уголовное законодательство тех государств, которые зачастую приводятся в пример при обосновании необходимости декриминализации незаконного предпринимательства, как правило, содержит такой состав преступления, как уклонение от уплаты налогов, что на практике как раз и означает уголовную ответственность за нарушение установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности.

Так, например, во Франции с формально-юридической точки зрения уголовная ответственность предусмотрена не за отсутствие государственной

---

[117] Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство / Т. Д. Устинова. М., 2001. С. 65.

регистрации, а за уклонение от уплаты налогов[118], но логически несложно предположить, что осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации априори означает невозможность уплаты налогов в государственный бюджет. Существуют и другие преступления, которые по сути направлены на противодействие незаконной профессиональной деятельности, включая предпринимательскую, такие, как например, нарушение правил бухгалтерского учета, незаконное осуществление медицинской деятельности и другие[119].

Несколько иной подход по сравнению с рассмотренными выше государствами применяется в УК Болгарии[120] и Китая[121], в которых незаконное предпринимательство привязывается к конкретным предметам осуществляемой деятельности. Так, УК Болгарии (абз. 1 ст. 252) относит к незаконной предпринимательской деятельности незаконное осуществление банковских операций, к которым в судебной практике приравнивается и предоставление потребительских кредитов (займов) без банковской лицензии, исходя из отнесения кредитования к банковским операциям, требующим наличия у субъекта соответствующей лицензии. Согласно абз. 2 ст. 252, квалифицирующим признаком данного преступления является значительный ущерб или получение значительного неправомерного дохода, что представляет собой полезный опыт для заимствования в части полного учета двойственности возможных негативных материальных последствий незаконной кредитной деятельности, не ограничивающегося лишь суммой выданных кредитов (займов).

Вместе с тем, ст. 225 УК Китая, помимо предметной криминализации незаконного предпринимательства, содержит ч. 4, в соответствии с которой под данное понятие может подпадать иная незаконная хозяйственная деятельность,

---

[118] Клепицкий, И. А. Начало бизнеса: риск наказания / И. А. Клепицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 150.

[119] Там же. С. 150-151.

[120] Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб., 2001. 296 с.

[121] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под. ред. А. И. Коробеева; пер. с кит. Д. В. Вичикова. СПб., 2001. 303 с.

которая носит характер дестабилизирующей рынок. Применение ч. 4 ст. 225 УК Китая правоохранительными органами и судами общей юрисдикции, таким образом, дает возможность подвести под предусмотренный ею состав преступления практически любой вид экономической деятельности, прямо не указанный в ч.ч. 1-3 ст. 225, но признанный «дестабилизирующим рынок», включая и предоставление потребительских кредитов (займов) (как представляется, с учетом размера, последствий, неуплаченных налогов в государственный бюджет, количества эпизодов кредитования и массы других объективных и субъективных факторов, включая, прежде всего, судебное усмотрение на применяемое в ч. 4 ст. 225 оценочное понятие). Подобная широкая дискреция толковательных полномочий правоохранительных органов, приводящая к неограниченному применению ст. 225, является причиной частых судебных разъяснений, на чем акцентируют внимание в своих работах китайские исследователи Чжан Минкай[122] и Сюй Чжичан[123].

Также, если анализировать китайский опыт, следует отметить, что незаконное предоставление потребительских кредитов (займов) в китайской практике уголовного противодействия незаконному предпринимательству часто бывает органично связано с незаконной организацией азартных игр, что представляет довольно крупную проблему, в частности, в контексте развития и функционирования специального административного района Макао (Аомынь), неизбежным побочным эффектом от интенсивного инвестирования в который являются обозначенные проблемы. В частности, имеется ввиду организация т.н. «джанкет-туров» в Макао (Аомынь) с целью организации участия в азартных играх, предполагающих услуги по бесплатному размещению в отелях, отмыванию денежных средств из континентального Китая в Макао (Аомынь) в обход

[122] Чжан, Минкай. Основы Особенной части УК КНР / Чжан Минкай. Пекин, 2004. С. 44.

[123] Чжичан, С. О незаконном предпринимательстве по уголовному кодексу КНР / С. Чжичан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 3. С. 90.

финансового законодательства Китая, предоставлению кредитов для участия в незаконных играх.

Подобные формы незаконной деятельности детерминируют и другие противоправные действия – коррупционные (в тех случаях, когда клиентами «джанкет-туров» являются государственные служащие, включая высокопоставленных), незаконная коллекторская деятельность (в тех случаях, когда у определенной части участников азартных игр вполне объяснимо образуются долги, в том числе – возникшие вследствие незаконного предоставления потребительских кредитов с кабальными условиями), усиление влияния организованной преступности на государственный аппарат (когда участниками азартных игр выступают государственные служащие) и систематическое получение прибыли организованными преступными группами (далее – ОПГ)[124].

Как представляется, в описанных случаях, сопряженных с крупным размером оборота и их систематичностью, применение ч. 4 ст. 225 является вполне оправданным и логичным, поскольку подобная практика дестабилизирует не только китайскую экономику (прежде всего, финансовую и банковскую систему, а также налоговые поступления в государственный бюджет), но и, как было показано, систему государственного управления и основы уголовно-правовой политики по противодействию организованной преступности и уменьшению ее влияния на политическую и экономическую сферы жизнедеятельности общества.

Интересно, что в некоторых зарубежных государствах, как и в УК РФ, возможность привлечения к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство в сфере потребительского кредитования связывается с преюдициальностью привлечения к ответственности за аналогичное

[124] Алексеев, А. Порочная прибыль: как экономика Макао стала самой быстрорастущей в мире / А. Алексеев // Коммерсантъ Деньги. 2024. № 11. С. 58-63.

административное правонарушение (Республика Молдова[125], Узбекистан[126]) либо с повторностью привлечения к уголовной ответственности за идентичное деяние (Латвия[127]).

В целом, уголовное законодательство всех без исключения постсоветских государств содержит нормы об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, что связана не в последнюю очередь с социально-экономическими условиями и особенностями исторического процесса возникновения предпринимательства в этих странах, которое не могло обойтись без достаточно обширного государственного регулирования и контроля. При этом устанавливаются различные основания привлечения к уголовной ответственности и отличается объем самого понятия «незаконное предпринимательство».

В то же время, объединяющим признаком всех формулировок незаконного предпринимательства, относящихся к потребительскому кредитованию, является выделения в качестве критериев привлечения к уголовной ответственности формально-юридических требований к осуществлению любой предпринимательской деятельности или ее отдельных видов. Такими формально-юридическими требованиями выступают государственная регистрация, лицензирование, принадлежность к субъектному составу (например, наличие статуса банка для осуществления банковской деятельности, включая потребительское кредитование) и т.п. [128]

---

[125] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2022 // Министерство юстиции Республики Молдова : [сайт].

URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=125325&lang=ru (дата обращения: 01.09.2024).

[126] Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан : [сайт]. URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 01.09.2024).

[127] Уголовный закон Латвии от 17.06.1998 // Юридическое бюро Александра Хрулева : [сайт].

URL: http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[128] Balabiyev, K. R.; Narbekova, T. M.; Ahatov, U. A. Criminal Liability for Illegal Entrepreneurship, Illegal Banking Activity, Microfinancial or Collection Activities: Comparative Legal Analysis of Criminal Legislation of Foreighn Countries / K.R. Balabiyev, T. M. Narbekova, U. A. Ahatov // Journal of Actual Problems of Jurisprudence / Habaršy. Zaņ Seriâsy. 2023. Vol 106. Issue 2. P. 96.

Указанные формально-юридические признаки, легализующие предпринимательскую деятельность, могут быть как прописаны в совокупности, так и выборочно (например, только отсутствие лицензии при осуществлении тех видов предпринимательской деятельности, для которых ее наличие является обязательным в силу прямого указания действующего законодательства).

При этом специфической особенностью структурного построения Особенной части УК Узбекистана, в отличие от единой главы 22 УК РФ и уголовного законодательства большинства других постсоветских государств, является разделение по разным самостоятельным главам преступлений против основ экономики (ст.ст. 175 – 185[1]) и преступлений, связанным с незаконной предпринимательской деятельностью (ст.ст. 186-192).

Такое разделение связано, очевидно, со стремлением законодателя разделить экономические преступления, напрямую посягающие на публичные экономические интересы, и преступления в коммерческой сфере, имеющие меньшую тяжесть, но в рассматриваемые также как объект уголовно-правовой охраны при наступлении определенных обстоятельств, с которыми УК связывает наступление уголовно-правовой ответственности. К примеру, за занятие предпринимательской деятельностью без лицензии УК Узбекистана устанавливает в качестве максимального наказания шесть месяцев ареста (ст. 190), что свидетельствует об отношении законодателя к общественно опасным последствиям данного деяния как малозначительным, не способным причинить вред жизненно важным экономическим интересам государства и общества[129].

В свою очередь, Пенитенциарный кодекс Эстонии[130] (аналог Уголовного кодекса. – Авт.) содержит норму об ответственности за осуществление

---

[129] Кутлымуратов Т., Рузметов Б. Теоретические аспекты классификации преступлений в сфере экономической деятельности и вопросы совершенствования уголовно-правовой политики в борьбе с экономическими преступлениями / Т. Кутлымуратов, Б. Рузметов // Общество и инновации. 2021. 2, 3/S. С. 266.

[130] Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики // Инфосила. Общественный новостной портал : [сайт]. URL: https://infosila.ee/main/1398-zakonodatelstvo-estonii-na-russkom-yazyke.html (дата обращения: 01.09.2024).

хозяйственной деятельности, в отношении которой установлен специальный запрет или запрет на основании Закона об общей части кодекса об экономической деятельности, а также осуществление деятельности без разрешения на деятельность в той сфере, где требуется наличие лицензии (ст. 372). Примечательно, что незаконное оказание кредитных услуг, включая потребительское кредитование, не просто охватывается действием ст. 372 Пенитенциарного кодекса Эстонии, а даже отнесено ч. 2 ст. 372 к квалифицирующим признакам преступления, а субъектом преступления, в отличие от уголовного законодательства большинства стран мира, помимо физического лица, признается еще и юридическое лицо (ч.ч. 3, 4 ст. 372).

Как можно резюмировать, в зарубежных государствах, как правило, отсутствует самостоятельная уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность в сфере потребительского кредитования, вынесенная в отдельную статью Особенной части УК. В то же время, кредитование или банковские операции в целом зачастую выступают элементами общих уголовно-правовых норм о незаконной предпринимательской деятельности, а в некоторых случаях даже включены в перечень квалифицирующих признаков преступления, сопоставимого с предусмотренными ст. 171 и ст. 171^5 УК РФ.

От уголовно-правовой ответственности за незаконное предпринимательство в сфере потребительского кредитования в форме нарушения установленного профильным законодательством порядка осуществления такой деятельности следует отличать уголовно-правовую ответственность за ростовщичество как содержательное деяние, означающее установление кабальных условий кредитования как формально легальными, так и нелегальными участниками экономических отношений.

В данном контексте следует отметить, что ростовщичество образует самостоятельное правонарушение в соответствии с уголовным и / или гражданским законодательством в 21 европейском государстве. Так, в Дании,

Финляндии, Словении и Мальте ростовщичество предусмотрено уголовными кодексами в качестве уголовно наказуемого деяния и непосредственно раскрывается соответствующее понятие. В Эстонии, Франции, Венгрии, Болгарии и Испании понятие «ростовщичество» установлено гражданскими кодексами. В Чехии, Словакии, Германии, Австрии, Греции, Польши, Португалии, Швеции ростовщичество предусмотрено как гражданским, так и уголовным законодательством, что приносит кумулятивный эффект в правоприменительной практике противодействия исследуемому негативному социальному явлению, достигаемый, в том числе, и вследствие применения довольно серьезной уголовной репрессии.

Так, в соответствии с положениями УК ФРГ, ростовщичество является преступлением, в зависимости от наличия квалифицирующих признаков влекущим лишение свободы на срок до 3 или до 10 лет (параграф 291)[131], причем ростовщичеством может признаваться не только предоставление кредитов и займов, но и оказание любых услуг (например, аренда жилья, бартер, продажа антиквариата и т.д.) либо посредничество в их предоставлении, а состав преступления является усеченным, не требующим установления размера общественно опасных последствий[132]. Интересно, что объективная сторона ростовщичества в уголовном законодательстве ФРГ не предусматривает ростовщического порога процентов по займу, а учитывается целая совокупность социальных и экономических факторов, включая личностные характеристики кредитора и заемщика[133].

Законодательство некоторых государств, помимо гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности, предусматривают еще и административно-правовые санкции за предоставление потребительских кредитов с кабальными

---

[131] О необходимости решения вопроса о введении административной и уголовной ответственности за ростовщичество и четком распределении мер ответственности и наказаний за него по степени причиненного вреда // Российская общественная инициатива : [сайт]. URL: https://www.roi.ru/102188/ (дата обращения: 01.09.2024).

[132] Fisher, T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen / T. Fisher. München, 2013. S. 2157-2161.

[133] Op. cit. S. 2160.

условиями кредитования, что, собственно, и является ростовщичеством в наиболее распространенном и упрощенном понимании данного феномена в общественном сознании и внутреннем убеждении законодателя. Такая комплексная трехотраслевая модель юридической ответственности за ростовщичество функционирует в таких государствах, как Бельгия[134], Франция[135], Италия[136].

Основными мерами юридической ответственности за ростовщичество в перечисленных государствах являются: на гражданско-правовом уровне – принудительное снижение процентной ставки до законодательно установленного в качестве предельного или аннулирование кредитного договора либо договора займа; на административно-правовом уровне – аннулирование лицензии; на уголовно-правовом уровне – применение уголовно-правовых санкций, предусмотренных положениями особенных частей уголовных кодексов, в диапазоне видов наказаний от штрафа до лишения свободы на определенный срок.

В некоторых государствах установлена преюдициальность административной ответственности как одно из альтернативных оснований привлечения к уголовной ответственности. Так, согласно ст. 201 УК Вьетнама[137], ростовщичество влечет уголовную ответственность, при превышении определенного в денежном выражении размера ставки процента, либо если лицо ранее привлекалось за ростовщичество к административной ответственности. Таким образом, альтернативность диспозиции уголовно-правовой нормы выражена в двух основаниях: 1) фактическое превышение кредитной ставкой законодательно установленного размера, влекущего уголовно-правовую

---

[134] Уголовный кодекс Бельгии. М., 2004. 561 с.

[135] Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. 648 с.; Jeandider, W. Droit pénal des affaires / W. Jeandider. Paris, 2000. P. 178.

[136] Итальянский уголовный кодекс 1930 г. М. : Юриздат, 1941. 176 с.

[137] Уголовный кодекс Вьетнама от 21 декабря 1999 г. // Всемирная организация интеллектуальной собственности : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5025 (дата обращения: 01.09.2024).

ответственность; 2) наступление административной преюдиции как результата повторного совершения лицом ростовщических действий (в данном случае, как представляется, законодатель констатирует недостаточность административно-правовых мер воздействия как инструмента специальной превенции в тех случаях, когда происходит повторность в действиях субъекта).

Вместе с тем, в некоторых немногочисленных государствах произошел и обратный процесс декриминализации ростовщичества, ранее считавшегося уголовным преступлением. Так, соответствующая статья была исключена из УК Грузии[138] (в ранее действовавшем УК Грузинской ССР 1960 г. (ст. 156) за ростовщичество предусматривалось лишение свободы на срок до 2 лет[139]) и из УК Армении 2021 г.[140] (утративший силу УК Армении 2003 предусматривал за ростовщичество лишение свободы на сроки до 2 или до 4 лет (ст. 213)[141]).

Особенно полезным и детально проработанным представляется опыт уголовно-правового противодействия ростовщичества в Италии. Внимание, которое итальянский законодатель уделяет исследуемым вопросам, не в последнюю очередь связана с общим вектором уголовно-правовой политики Италии, направленной на противодействие организованной преступности, традиционно стремящейся оказывать значительное влияние на итальянскую экономику (противодействие мафиозным кланам, довольно укоренившимся в экономическую систему, включая рынок потребительского кредитования, как на юге Италии, так и некоторых других частях страны). Иными словами, уголовно-правовые нормы разрабатываются и реализуются в конкретных социальных

---

[138] Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. Законодательный вестник Грузии : [сайт]. URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[139] Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 г. Тбилиси, 1973. 325 с.

[140] Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021 // Армянская правовая информационная система (АРЛИС) : [сайт]. URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=63312 (дата обращения: 01.09.2024).

[141] Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 // Армянская правовая информационная система (АРЛИС) : [сайт]. URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=63312 (дата обращения: 01.09.2024).

условиях как крайняя мера противодействия наиболее актуальным угрозам и вызовам, существующим в конкретном социуме в определенный исторический период его развития и функционирования[142].

Особенно ценным и полезным для потенциального заимствования представляется опыт прямого закрепления в уголовном законодательстве Италии дефиниции «ростовщические проценты», превышение которых автоматически означает наступления основания для привлечения к уголовной ответственности независимо от формально-юридического права субъекта на осуществление деятельности по потребительскому кредитованию. В соответствии со ст. 664 УК Италии, основное наказание за ростовщичество варьируется от 2 до 10 лет тюремного заключения с дополнительным наказанием в виде штрафа в размере от 5 до 30 тыс. евро.

Другой важной особенностью применения ст. 664 УК Италии является ее совокупное применение не только к займодателям, но и к другим соучастникам преступной схемы – посредникам и субъектам незаконной коллекторской деятельности, в УК РФ вынесенной в отдельный состав преступления, предусмотренный ст. 172^4.

Таким образом, уголовное законодательство Италии рассматривает ростовщичество как комплексную категорию, охватывающую несколько форм преступной деятельности: потребительское кредитование по завышенным (кабальным) условиям; применение незаконных методов возврата задолженности по кабальным кредитам; посредничество при предоставлении кабальных займов (такими посредниками могут выступать, например, нотариусы, действующие с займодателями в едином преступном сговоре и получающие необоснованное обогащение из участия в подобных операциях, что довольно распространено и в отечественной практике). Расширение субъектного состава действия уголовно-правовой нормы о ростовщичестве по итальянской модели имеет несколько

[142] De Nigris, M. Usura nel contenzioso bancario: aspetti di diritto comparator // Diritto penale globalizzazione: [sito web]. URL: https://www.dirittopenaleglobalizzazione.it/ (дата обращения:

позитивных сторон: а) объединением уголовно-правовой ответственности за ростовщичество в одну норму признается взаимное влияние и диалектическая обусловленность причинно-следственной связи таки противоправных деяний, как кабальное кредитование, незаконная по формам и методам коллекторская деятельность и посредничество, осуществляемое, как правило, на систематической постоянной основе (именно ростовщичество как стремление получить противоправную по размеру сверхприбыль является первопричиной незаконного незаконного потребительского кредитования, незаконной коллекторской деятельности и различных форм посредничества в кабальных схемах кредитования); б) формируется полное определение дефиниции «ростовщичество», признанное на законодательном уровне, включающее в себя по объективной стороне несколько форм действий одного или нескольких лиц, связанных единым мотивом и социальной природой их противоправной деятельности; в) облегчает задачу следственных и судебных органов по расследованию, рассмотрению и разрешению дел о ростовщичестве, квалификация которых ограничивается одной обобщенной статьей Особенной части УК; г) реализует уголовно-правовую норму о соучастии, включая всех возможных соучастников в круг субъектов уголовной ответственности за ростовщичество; д) связывает уголовную охрану общественных отношений в сфере потребительского кредитования не с нарушением формально-юридических требований к законности предпринимательской деятельности (как это вытекает из действующей редакции ст. 171^5 УК РФ), а с содержательным превышением максимально допустимых процентов по кредиту (займу); е) создает условия для противодействия организованной преступности, изначально формируя законодательный каркас уголовно-правовой ответственности для всех потенциально возможных соучастников ростовщической деятельности, несущих ответственность независимо от распределения ролей по идентичной статье УК Италии.

15.10.2024).

Кроме того, в Италии достаточно эффективным является межотраслевое взаимодействие уголовного и финансового права, а основания уголовно-правовой ответственности напрямую предопределяются финансово-правовыми нормами. Указанное взаимодействие проявляется в том, что Банк Италии каждые три месяца рассчитывает и официально публикует максимально допустимые проценты по кредиту и финансированию, превышение которых автоматически влечет за собой применение ст. 664 УК Италии, предусматривающей уголовно-правовую ответственность за ростовщичество, причем для ее наступления не имеет значения организационно-правовой статус кредитора (займодателя) и выполнение формально-юридических требований к его легализации на рынке потребительского кредитования.

В целом, в результате проведенного сравнительно-правового анализа незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования по уголовному праву зарубежных стран, можно сделать следующие основные выводы: а) зарубежные государства можно разделить на четыре группы в зависимости от расположения и конструирования уголовно-правовых норм о незаконном предпринимательстве на рынке потребительского кредитования: государства, в которых незаконное предпринимательство на рынке потребительского кредитования и ростовщичество не являются объектами уголовно-правовой охраны (Испания); государства, в которых установлена уголовно-правовая ответственность за нарушение формальных требований законодательства к осуществлению предпринимательской деятельности на рынке потребительского кредитования, но не установлена уголовно-правовая ответственность за ростовщичество как кредитование на кабальных условиях независимо от факта соблюдения формально-юридических норм (Китай, Нидерланды; к данной группе государств относится и Российская Федерация); государство, в которых установлена уголовно-правовая ответственность за ростовщичество с абсолютным субъектным составом, включающим займодателей, незаконных коллекторов и посредников (Италия); государства, в

которых параллельно установлены уголовно-правовая ответственность за ростовщичество и незаконное предпринимательство на рынке потребительского кредитования (Латвия); б) большинство государств, в уголовном законодательстве которых предусмотрена уголовная ответственность за незаконное предпринимательство как нарушение формальных государственных процедур, общественная опасность признается только в случае отсутствия лицензии по определенным законодательством видам предпринимательской деятельности, но не при отсутствии государственной регистрации; в) среди зарубежных государств, в уголовном законодательстве которых предусмотрена ответственность за ростовщичество, наиболее оптимальной и применимой для потенциального заимствования представляется нормативная модель, закрепленная в УК Италии, основными характерными чертами которой являются: объединение уголовно-правовой ответственности за ростовщичество в одну норму Особенной части УК; совокупный состав субъектов уголовно-правовой ответственности, включающий всех возможных соучастников преступления – займодателя, незаконного коллектора, посредника; диалектическая связь уголовно-правовой санкции с нормами финансового права, которая проявляется в привязке уголовно наказуемых ростовщических процентов к периодически устанавливаемым Банком Италии предельным размерам кредитных и финансовых ставок.

2.2. Проблема видового и непосредственного объекта, признаки объективной стороны незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования

Причинная необходимость и блестяще обоснованная в отечественной науке З.Б. Соктоевым «адекватная» причинность[143] уголовно-правовой охраны общественных отношений на рынке потребительского кредитования определяется значимостью объекта, на который посягает деяние и в силу этого обстоятельства подвергается криминализации в уголовном законодательстве.

По определению Е.Н. Карабановой, под объектом преступления в науке уголовного права понимается то, на что посягает субъект преступления, чему причиняется или может быть причинен вред[144]. При этом очевидно, что не обязательно весь объем объекта во всех случаях охватывается прямым умыслом субъекта. Например, при незаконном предоставлении потребительских кредитов (займов), скорее всего, в момент совершения преступления лицо не направляет умысел своих действий на причинение вреда публичным экономическим интересам в результате не поступления в государственный бюджет налогов, которые были бы направлены на реализацию функций государства, включая социальную. Напротив, умысел займодателя ограничивается стремлением получить прибыль, т.е. индивидуальным корыстным интересом, но его реализация неминуемо причиняет вред публичным интересам, охраняемым уголовно-правовыми нормами в силу их значимости для государства и общества.

Исходя из многогранности понятия «объект» в уголовном праве, согласно систематизации, предложенной О.К. Зателепиным, указанную категорию обычно рассматривают в четырех теоретико-методологических дискурсах:

---

[143] Соктоев, З. Б. Теории «адекватной» причинности и «необходимого причинения в уголовном праве» / З. Б. Соктоев // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 3. С. 60-65.

[144] Карабанова, Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е. Н. Карабанова // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 70.

1) философском (гносеологическом); 2) ценностном (аксиологическом); 3) социальном (материальном); 4) юридическом (формальном)[145].

В философском (гносеологическом) смысле объект преступления представляет собой элемент окружающей реальной действительности, субстанцию, существующую объективно, вне сознания человека и имеющая определенную ценность для индивида, группы индивидов либо всего общества, что подтверждает правильность утверждения И. Канта о неразрывной связи объекта и субъекта в материальном мире[146].

Кроме того, с философской точки зрения необходимо рассматривать еще и условия, в которых может возникнуть объект, внешнюю среду его развития и функционирования. Исходя из подобной интерпретации, можно прийти к выводу, что уголовно-правовая ответственность за незаконное предпринимательство на рынке потребительского кредитования онтологически объективируется исключительно во внешних условиях рыночной экономики, поскольку в государственных системах, категорически не признающих рыночной тип экономических отношений, априори невозможно предпринимательство, а его разделение на законное и незаконное утрачивает содержательный смысл.

Ценностный (аксиологический) дискурс определения объекта преступления означает имущественную (материальную) либо неимущественную (моральную, духовную, культурную, социальную и т.д.) ценность блага или интереса для индивида, социальной группы, общества и государства. Безусловно, лишь общественно значимые интересы и блага становятся объектами уголовно-правовой охраны в силу включения соответствующих конструкций в уголовное законодательство.

Социальный дискурс уголовно-правового определения объекта преступления состоит в признании общественных отношений (в их определенной однородной совокупности) уголовно охраняемым феноменом, а также отражении

---

[145] Зателепин О. К. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. К. Зателепин // Уголовное право. 2003. № 1. С. 29.

в уголовном законодательстве идеи о принципиальной невозможности совершения преступления вне общества и без последствий для общества[147]. Иными словами, невозможно совершить преступление на необитаемом острове при полном отсутствии социальных контактов и, соответственно, потенциальных объектов для противоправных действий в виде физического отсутствия чьих-то интересов на доступной территории. Если анализировать преступления в экономической сфере, включая предпринимательство, тем более напрашивается вывод о невозможности их совершения вне социума, поскольку сама экономика является результатом преобразовательного процесса, возникающим на определенной стадии социализации.

В формально-юридическом смысле под объектом преступления понимается конкретная группа однородных общественных отношений, отражающих значимые частные и публичные интересы, сформулированная в наименованиях разделов (родовые объекты) и глав (видовые объекты) Особенной части Уголовного кодекса. Непосредственный же и потенциально возможные дополнительные объекты преступного посягательства выводятся из формулировки конкретной статьи Особенной части, устанавливающей состав преступления.

В контексте рассмотренных смыслов и значений, справедливой следует признать позицию А.В. Наумова, который в качестве близких к категории «объект преступления» рассматривает такие понятия, как «благо» и «интерес»[148], поскольку противоправное посягательство способно причинять вред как конкретному благу, так и обобщенному интересу в той или иной сфере общественных отношений, которыми в большинстве случаев как раз и выступают уголовно охраняемые публичные интересы.

---

[146] Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. М., 1980. С. 332.

[147] Жевлаков, Э. Н. Назначение наказания : учебное пособие / ред. А. И. Рарог ; Э. Н. Жевлаков . Москва : Проспект, 2014 . 84 с.

[148] Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в двух томах / А. В. Наумов. М. : Юрид. лит., 2004. Т. 1. Общая часть. С. 180-182.

Необходимо отметить, что позиция А.В. Наумова в определенной степени является альтернативной общепринятому в советской уголовно-правовой доктрине взгляду на объект преступления как на общественные отношения[149]. С другой стороны, общественные отношения возникают по поводу благ и интересов, что позволяет сделать вывод об отсутствии антагонистических противоречий между представителями двух обозначенных подходов. Скорее, учение об объекте преступления как благе, интересе дополняет и развивает концепция общественных отношений как объекта преступления. Более того, благо либо интерес реализуется именно в результате вступления субъекта в общественные отношения, совершения волевых, целенаправленных действий и / или бездействия в конкретных жизненных обстоятельствах.

Таким образом, две обозначенные позиции не представляются остро конкурирующими между собой в том случае, если предположить, что любое общественное отношение всегда возникает по поводу определенного блага или интереса (частного, публичного либо, что характерно для экономической сферы общественных отношений, комбинированного). Так, например, общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности всегда возникают и реализуются по поводу материальных благ, а движущим интересом является систематическое получение прибыли, из чего проистекает корыстный мотив, изначально заложенный в соответствующих составах преступлений. Более того, еще К. Маркс и Ф. Энгельс применительно к экономическим отношениям указывали, что «экономические отношения каждого общества проявляются как

[149] Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. М.-Л. : Акад. наук СССР, 1948. С. 56-57; Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. М. : Юрид. лит., 1957. С. 122-130; Загородников Н. И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников // Труды Военно-юридической академии. 1949. Вып. 10. С. 3-17; Кудрявцев, В. Н. К вопросу о понятии объекта и предмета преступления / В. Н. Кудрявцев // Советское государство и право. 1951. № 2. С. 51-60; Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. М. : Юрид. лит-ра, 1960. 228 с.; Каиржанов, Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон: проблемы объекта преступления / Е.К. Каиржанов. Алма-Ата, 1973. 160 с.; Коржанский, Н. Й. Объект посягательства и квалификация преступлений / Н. Й. Коржанский.

интересы»[150], т.е. понятие «экономические отношения», являющееся синонимом конструкции «общественные отношения в сфере экономики», рассматривается как идентичное понятию «экономический интерес», выступающему единственно возможной формой проявления экономических отношений.

Подобная конструкция дает возможность объединить две обозначенные дискуссионные позиции и, пожалуй, впервые в отечественной уголовно-правовой науке сформулировать универсальный подход к содержанию категории «объект преступления». В соответствии с предлагаемой концепции, объект преступления можно трактовать как *общественные отношения, возникающие по поводу уголовно охраняемого блага или интереса, на которые посягает преступное деяние.* При этом, безусловно, кроме основного объекта, могут выделяться и дополнительные, что чаще всего и происходит при совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, когда параллельно с частноправовыми интересами всегда нарушается и нормальный порядок государственного управления в экономической сфере, включающий в себя безальтернативную для наполнения государственного бюджета фискальную деятельность государства, позволяющую эффективно осуществлять все остальные государственные функции[151].

Под общественными отношениями в качестве содержательного наполнения объекта преступления, по справедливому определению Е.К. Каиржанова, следует понимать устойчивые, типизированные интегративные социальные связи, возникающие между субъектами на основе их совместной деятельности[152].

Исходя из данного общего определения, можно выделить следующие специфические признаки общественных отношений, возникающих в процессе

Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1976. 121 с.; Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. М. : Юрид. лит-ра, 1961. С. 14.

[150] Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1961. Т. 18. С. 271.

[151] Першин, А. Н. Анализ как метод познания документированной информации / А. Н. Першин // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3. С. 54-58.

[152] Каиржанов Е. К. Указ.соч. С. 56.

деятельности по поводу предоставления потребительских кредитов (займов) и обеспеченных уголовно-правовой охраной после включения в УК РФ ст. 171^5:

1. Возникают по поводу материальных благ и связанных с ними интересов.

2. Складываются в результате осуществления целенаправленной экономической деятельности по предоставлению кредитов (займов), которая может иметь как легальный, так и незаконный характер в зависимости от соблюдения установленных действующим законодательствам правил и процедур, включая требование к предоставлению кредитных услуг надлежащими субъектами.

3. Имеют волевой характер, причем для оформления кредитных отношений необходима совпадающая воля двух сторон – кредитора и заемщика, но уголовно-правовую ответственность за незаконное предоставление кредитов (займов) несет исключительно одна сторона – незаконный кредитор (займодатель), поскольку именно его участие в кредитном отношении без надлежащего организационно-правового статуса создает наличие состава преступления.

4. Представляют значимость для экономической системы государства в целом, вследствие чего признаются объектом уголовно-правовой охраны с точки зрения их способности причинять вред публичным интересам через нарушение установленного порядка кредитной деятельности. Общественная опасность незаконного потребительского кредитования для публичных интересов выражается в следующих формах, детерминирующих признание данного деяния уголовно противоправным: а) непоступление от незаконных участников кредитных отношений налогов и других обязательных платежей в государственный бюджет, что негативно влияет на эффективность осуществления значимых для всего общества функций государства, включая социальную; б) подрыв доверия к нормальному, установленному законодательством порядку государственного управления в сфере предпринимательской деятельности и экономики в целом, что создает причины и условия для совершения подобных деяний другими субъектами, снижая эффективность общей превенции как цели

уголовного наказания; в) создание причин и условий для увеличения доли «теневой» (криминальной) экономики, усиления коррупции, легализации доходов, полученных преступным путем; г) незаконное потребительское кредитование является одним из основных видов деятельности организованных преступных групп (далее – ОПГ), что создает благоприятные условия для усиления влияния организованной преступности, являясь источником доходов для ОПГ, направляемых, в том числе, на подготовку и совершение других преступлений; д) негативное влияние на материальное положение и психическое состояние заемщиков, что в ряде случаев создает причины и условия для совершения заемщиками преступлений против собственности и личности, обусловленные условиями предоставления незаконных потребительских кредитов (займов).

5. Общественные отношения в сфере потребительского кредитования находятся в прямой диалектической взаимозависимости с экономическими условиями жизнедеятельности социума, подвергаясь воздействию целого комплекса социально-экономических причин условий (к примеру, объем незаконного кредитования вполне объяснимо возрастает в условиях недостаточного развития системы легального кредитования, прежде всего – банковской системы; также спрос на незаконное предоставление кредитов (займов) может объясняться низким уровнем доверия к банковской системе либо неудобством пользования банковскими услугами и другими социально-экономическими факторами, характеризующими окружающую действительность).

6. Общественные отношения в сфере потребительского кредитования возникают по поводу материального блага, которым является сумма предоставляемого в денежной форме кредита (займа), а интерес кредитора (займодателя) как ответственной стороны (законный кредитор выступает ответственной стороной в значении позитивной ответственности; незаконный же кредитор является потенциальным субъектом негативной юридической

ответственности, включая уголовно-правовую) заключается в систематическом получении прибыли от кредитно-денежных операций.

Таким образом, с точки зрения концепции общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны, объектом рассматриваемого преступления можно признать общественные отношения, возникающие между регистрирующими органами, органами лицензирования, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами, с другой стороны, с связи с организацией и осуществлением деятельности по предоставлению потребительских кредитов и/или займов, обеспечивающие соблюдение требований по необходимости постановки на учет в качестве субъекта такой деятельности и/или получения лицензии на право осуществления банковских операций по выдаче потребительского кредита кредитными организациями.

С формально-юридической точки зрения, в соответствии с наименованием раздела VIII, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК, выступает экономика. Под экономикой в широком смысле Н.К. Муратова понимает «отношения людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ, поиск способов эффективного удовлетворения их потребностей в условиях ограниченности ресурсов»[153].

Особенностью структуры Особенной части УК РФ является достаточно широкий диапазон деяний, включенных в раздел VIII «Преступления в сфере экономики», состоящий из трех глав: главы 21 «Преступления против собственности», главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» и главы 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и других организациях».

Из подобной структуры выделяется два дискуссионных вопроса, отражающих специфику исследуемого раздела УК РФ.

---

[153] Муратова, Н. К. Экономика : учебно-методическое пособие для иностранных студентов I курса / Н. К. Муратова. М. : Фак. журн. МГУ, 2021 С. 6.

Во-первых, в отличие от уголовного законодательства многих стран мира, в УК РФ преступления против собственности включены в качестве видового объекта в экономику как родовой объект. Такой подход представляется спорным, поскольку собственность, хоть и является основой и фундаментом экономики государства, может рассматриваться в качестве самостоятельного родового объекта преступных посягательств, особенно если имеется ввиду частная собственность частных лиц, используемая для личных бытовых нужд, а не для экономической деятельности, являющейся объективной праксиологической формой реализации экономических отношений. С другой стороны, все преступления, включенные в раздел VIII, объединены корыстным мотивом, который, в любом случае, является признаком субъективной стороны, но не объекта преступления, а структурирование Особенной части проходит именно по родовым и видовым объектам.

Во-вторых, наименования раздела VIII «Преступления в сфере экономики» в некоторой степени является тавтологией и синонимическим словосочетанием относительно наименования включенной в данный раздел главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Возможно, законодатель таким образом умышленно разделяет понятия «экономика» (как сфера общественных отношений) и «экономическая деятельность» (как праксиологический процесс), что также представляет собой теоретико-методологический и юридико-технический подход, заслуживающий аргументации и рассмотрения в качестве одного из возможных[154].

Под экономической деятельностью Е.П. Губин и П.Г. Лахно понимают «процесс воспроизводства материальных и духовных богатств, включающий

[154] Яни, П. С. Вопросы квалификации ограничения конкуренции (ст. 178 УК) по признаку извлечения дохода / П. С. Яни // Законность. 2021. № 10. С. 28-32; Яни, П. С. Вопросы квалификации незаконного участия в предпринимательской деятельности / П. С. Яни // Законность. 2021. № 9. С. 42-45; Яни, П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью / П. С. Яни // Законность. 2019. № 11. С. 42-46; Яни, П. С. Предпринимательские преступления против собственности / П. С. Яни // Законность. 2017. № 1. С. 46-51.

производство, распределение, обмен и потребление»[155]. Похожее определение экономической деятельности формулирует И.В. Ершова, также акцентируя внимание на процессе воспроизводства благ[156]. От приведенного выше доктринального определения понятия «экономика» дефиниции экономической деятельности отличает ориентация на процесс, в то время как под экономикой понимаются отношения, которые складываются вследствие соответствующих процессов. Преступление же, как представляется, всегда посягает и на процесс экономических действий (экономическую деятельность), и на складывающиеся в их результате общественные отношения. Таким образом, действительно, скорее всего, оптимальным вариантом было бы расчленение раздела VIII УК РФ на три самостоятельных раздела, каждый из которых имел бы свой родовой объект.

С другой стороны, собственность действительно является конституционно закрепленным фундаментом экономического строя, что дает некоторые основания считать собственность видовым объектом среди преступлений, посягающих на экономику в качестве родового объекта, как это и сформулировано в Особенной части УК РФ[157].

Если анализировать родовой объект преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ, то и в действующей редакции, и при условии внесения предлагаемых структурных изменений, им выступает экономика, поскольку предоставление потребительских кредитов (займов) как легально, так и незаконно, безусловно, представляет собой вид экономической деятельности, выражаемой в активных, волевых, целенаправленных действиях, имеющих целью систематическое получение прибыли[158].

---

[155] Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. С. 20.

[156] Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями / И. В. Ершова // Lex Russica. 2016. № 9. С. 50.

[157] Геворков, Г. Э. Преступления против собственности в Российской Федерации. Теоретико-правовой аспект / Г. Э. Геворков // Закон и право. 2017. № 3. С. 69-70.

[158] Геворков, Г. Э. Об особенностях регулирования составов преступлений в сфере экономической безопасности в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 96-98.

В этой связи важнейшее значение имеет диалектическая и неразрывная связь экономики и права, по поводу которой В.П. Камышанский отметил, что в процессе институционализации происходит трансформация экономических отношений в нормы и институты гражданского и предпринимательского права, обеспечивающие присутствие государства в регулировании экономикой[159].

В свою очередь, нормы уголовного права (при наличии общественной опасности) и административного права (при наличии общественного вреда, который не рассматривается как общественно опасный) обеспечивают охранительную функцию защиты нормального порядка экономических отношений, установленного регулятивными нормами преимущественно гражданского и предпринимательского права, чем объясняется и тот бланкетный элемент, который присутствует в текстуальной конструкции ст. 171^5 УК РФ.

Видовым же объектом в соответствии с включенностью ст. 171^5 РФ в главу 22 выступает установленный действующим законодательством легальный порядок предпринимательской деятельности как основного вида экономической деятельности, объективируемого наименованием указанной главы.

Непосредственным объектом, в свою очередь, является законодательно установленный порядок деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), нарушение которого посягает на нормальный порядок государственного управления в сфере экономики, вследствие чего причиняется материально измеримый вред наполнению государственного бюджета налогами и другими обязательными платежами. Параллельно от незаконного потребительского кредитования страдают и интересы частных лиц – законных кредиторов, в особенности, банков, которые являются системообразующими институтами экономической системы государства, выполняя в ней ключевую функциональную роль в осуществлении кредитно-денежного обращения. Таким образом, в качестве дополнительного объекта преступного посягательства по ст.

---

[159] Камышанский, В. П. Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей / В. П. Камышанский // Власть Закона.

171[5] УК РФ вполне обоснованно рассматривать и интересы банковской системы как содержательный элемент финансово-экономических отношений.

Подобная модель соотношения видового и непосредственного объекта в составе преступления, предусмотренного ст. 171[5] УК РФ, дает возможность проследить диалектическую связь между незаконным предпринимательством как базовой нормой для целой группы последующих специальных норм, устанавливающих уголовно-правовую ответственность за отдельные виды незаконной предпринимательской деятельности, имеющие определенную специфику и особое значение для российской экономики, выступающей, в свою очередь, родовым объектом в соответствии с логикой структурного построения разделов и глав УК РФ.

Отсюда следует предположение о возможности рассмотрения незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) в качестве вида незаконной предпринимательской деятельности, выделенного в специальную статью Особенной части УК РФ, причем родовой и видовой объекты у составов преступлений, входящих в данную группу, совпадают, что и выражено в логике изложения соответствующих уголовно-правовых норм.

Кроме объекта преступления, для правильной квалификации и применения норм уголовного законодательства важнейшее значение имеет установление его предмета[160], который обычно рассматривается как факультативный признак объекта, но имеет и существенное самостоятельное значение для понимания инструментального механизма преступного посягательства. При этом, по оценке Ю.В. Лазебника, вопрос о предмете преступления является не до конца разработанным в уголовно-правовой науке[161].

2018. № 2. С. 17.

[160] Цепелев, В. Ф. Проблемные вопросы стадий преступления и их значение для деятельности органов внутренних дел / В. Ф. Цепелев // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2. С. 41-43.

[161] Лазебник, Ю. В. Объект и предмет как признаки объективной стороны состава преступления в уголовном праве / Ю. В. Лазебник // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. 2020. Вып. 13. С. 585.

Еще классики советской школы уголовного права А.Н. Трайнин[162] и Я.М. Брайнин[163] обозначили две возможные интерпретации предмета преступления: 1) вещи, в связи с которыми совершаются преступления; 2) вещи, по поводу которых совершаются преступления.

Корректное установление предмета преступного посягательства по ст. 171^5 УК РФ позволяет правильно определить конкретные виды вещей, в форме которых возможно предоставление потребительских кредитов (займов)[164].

Если исходить из содержания понятия «потребительское кредитование» в источниках гражданского и предпринимательского права, основным из которых является Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – ФЗ № 353)[165], на основе междисциплинарного формально-юридического анализа можно сделать вывод о том, что предметом незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) выступают исключительно денежные средства, т.е., иными словами, преступление, предусмотренное ст. 171^5 УК РФ, может быть совершено исключительно в денежной форме незаконного кредитования.

Таким образом, незаконное предоставление потребительских кредитов (займов) осуществляется непосредственно по поводу денежных средств, с которыми устойчиво и неразрывно связана объективная сторона преступления, так как действия, подпадающие под диспозицию ст. 171^5 УК РФ, осуществляются именно с обозначенным предметом.

---

[162] Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. М., 1967. С. 17.

[163] Брайнин, Я. М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин // Юридический сборник Киевского государственного университета. 1950. № 4. С. 123.

[164] Геворков, Г. Э. О допустимости уголовной ответственности при кредитовании в Российской Федерации / Г. Э, Геворков // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 158.

[165] О потребительском кредите (займе) : Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

Под объективной стороной преступления понимается комплексная категория, которая рассматривается, как правило, в диалектической совокупности с другими признаками состава преступления, в частности, объектом и предметом.

При этом некоторые авторы рассматривают объективную сторону исключительно под углом зрения, обоснованным для формальных составов преступлений, характеризуя ее как внешнее проявление деяния (т.е., объективно выполненные действия (бездействие), не зависящее от сознания созерцающего субъекта). Так, Г.В. Тимейко определяет объективную сторону преступления как «внешний акт преступления», для совершения которого необходимо совпадение ряда условий, таких, как: время совершения преступления; место совершения; сложившаяся обстановка[166].

Более универсальным представляется конструкция объективной стороны преступления, сформулированная Н.И. Пановым. По мнению автора, точно так же, как и большинство других рассматривающего объективную сторону в качестве внешней (видимой, объективно существующей в материальном мире, окружающей действительности. – Авт.) формы выражения преступления, в композицию составляющих ее элементов необходимо включать общественно-опасные последствия, причинную связь, место, способ, обстановку, средства и время совершения преступления[167]. Еще одним преимуществом определения Н.И. Панова является указание на две возможные формы проявления объективной стороны преступления – действие и бездействие, что стало аксиомой в современной уголовно-правовой науке.

Подобная широкая трактовка объективной стороны преступления позволяет охватить как формальные, так и материальные составы преступлений. В этом смысле, интересный феномен представляет собой применение конструкции «сумма выданных потребительских кредитов (займов)» как основания для

---

[166] Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1977. С. 44.

[167] Панов, Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н. И. Панов. Харьков, 1982. 161 с.

определения крупного размера совершения преступления по ст. 171^5 УК РФ. В данном случае, как представляется, методологически правильнее было бы включать в понятие «крупный размер совершения» не только сумму выданных кредитов, но и всю сумму процентов, предусмотренных предложенными заемщику условиями незаконного потребительского кредитования.

При этом, публично-правовую сторону потенциального ущерба (недополученные налоги и иные обязательные платежи в государственный бюджет, предусмотренные для законной предпринимательской деятельности в сфере потребительского кредитования), безусловно, просчитать с математической точностью вряд ли возможно, поэтому ее необходимо учитывать при определении уголовной противоправности с точки зрения вреда для общественных отношений в экономической сфере (родового объекта), но нецелесообразно просчитывать в качестве элемента понятия «крупный размер».

В то же время, включение в понятие «крупный размер» не только суммы выданного кредита (займа), но и установленных незаконным кредитором процентов за весь срок пользования, представляется наиболее справедливым подходом, который параллельно позволит противодействовать не только устранению незаконных субъектов на рынке потребительского кредитования, но и установлению незаконных, превышающих установленные действующим законодательством граничные пределы, процентные ставки, что особенно важно в условиях отсутствия в действующем российском законодательстве уголовно-правовой и административно-правовой ответственности за ростовщичество.

Для полного и всестороннего установления объективной стороны незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) необходимо провести формально-юридический разбор нормативной конструкции ст. 171^5 УК РФ с выделением отдельных признаков в соответствии с обозначенным выше широким подходом к элементному составу объективной стороны, охватывающим как само преступное деяние, так и его потенциально возможные общественно опасные последствия, что имеет определяющее значение

для материальных составов преступлений и, в определенной степени, учитывается при рассмотрении конкретных уголовных дел в части определении вида и меры наказания для формальных составов преступлений[168].

В соответствии с формулировкой ст. 171[5] УК РФ, объективная сторона преступления состоит в осуществлении деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, не содержащее признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК («Незаконная банковская деятельность»), и совершенное в крупном размере индивидуальным предпринимателем или лицом, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющими права на осуществление указанной деятельности и подвергнутыми административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 14.56 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Приведенная довольно развернутая и, в известной степени, громоздкая нормативная конструкция нуждается в аналитическом разделении на отдельные сущностные признаки, в своем взаимосвязанном единстве составляющие объективную сторону преступления, без полного и точного установления которой невозможно установить уголовную противоправность определенных действий (бездействия) участников кредитно-денежных отношений. К таким признакам следует отнести следующие:

1. Незаконное предоставление потребительских кредитов, в соответствии с формулировкой ст. 171[5] УК РФ, имеет форму деятельности, т.е. предполагается систематический характер предоставления указанных финансовых услуг, несмотря на то, что признак систематичности напрямую не упоминается в ст. 171[5]. В условиях отсутствия судебной практики по анализируемой статье в

[168] Теория и практика возбуждения уголовного дела : учебное пособие / отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 288 с.

период ее действия (2021-2024 гг.) дополнительным аргументом в пользу гипотезы о необходимости установления систематичности уголовно противоправной деятельности по представлению потребительский кредитов (займов) является базовое (родовое) значение ст. 171 («Незаконное предпринимательство») по отношению к специальным видовым составам преступлений, представляющим собой отдельные случаи незаконного предпринимательства, выделенные в силу наличия у них специфических особенностей либо повышенной общественной опасности для сферы экономических отношений.

В ст. 171 УК РФ уголовно противоправной обозначена именно незаконная «предпринимательская деятельность», обладающая всеми формальными признаками легальной предпринимательской деятельности, но осуществляемая ненадлежащим субъектом, который не выполнил предусмотренные действующим законодательством процедуры, к которым в сфере финансовых услуг относятся государственная регистрация и лицензирование. Одним из таких признаков является систематичность предпринимательской деятельности, телеологически направленной на постоянное получение прибыли в результате осуществления определенных самостоятельных, целенаправленных, волевых действий субъектом предпринимательской деятельности.

Подобная интерпретация деятельного аспекта экономических отношений не только вытекает из логики законодательных норм (хотя само понятие «деятельность» в общеправовом смысле унифицированной дефиниции и не раскрывается в действующем законодательстве), но и поддерживается существующими научными позициями. Так, О.М. Олейник относит к признакам предпринимательской деятельности именно те, которые характерны для любой человеческой деятельности вообще: системность, постоянство, длительность, целенаправленность[169]. Подобные признаки присущи, к примеру, и

[169] Олейник, О. М. Содержание и сфера реализации понятия «вид деятельности» / О. М. Олейник // Предпринимательское право: вызовы времени. Научные труды кафедры

профессиональной, спортивной, культурной, научной и другим возможным видам активной деятельности человека и коллектива в современном социуме. Как абсолютно справедливо подчеркивает Н.Е. Савенко, с точки зрения юриспруденции, любая активная, целенаправленная, постоянная человеческая деятельность нуждается в правовой регламентации, поскольку в той или иной сфере общественных отношений оказывает влияние на жизнедеятельность всего общества[170], а стало быть – и требует уголовно-правовой охраны от общественно опасных деяний, подменяющих собой законные виды общественно значимой деятельности, включая предпринимательскую.

Исходя из такого представления о содержании незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), вполне обоснованно можно сделать вывод, о том, что для наличия состава преступления по ст. 171^5 УК РФ в части выявления его объективной стороны необходимо установить систематический и целенаправленный характер такой деятельности, имеющей целью постоянное получение прибыли, т.е., наличие как минимум двух эпизодов, что показывает осуществления потребительского кредитования как деятельности, а не факт одноразовой гражданско-правовой сделки, имеющей скорее личную (бытовую) мотивацию, а не предпринимательскую (такая сделка теоретически может предполагать проценты, но такой признак объективной стороны преступления, как систематичность, в данном случае отсутствует).

В любом случае, при отсутствии сложившейся судебной практики желательной была бы разработка и принятие разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ, что способствовало бы изначально единообразному и правильному пониманию судами общей юрисдикции целого комплекса специальных составов преступлений, органически связанными с незаконным предпринимательством,

---

предпринимательского права. Вып. 1 / под общ. ред. О. М. Олейник, Ю. Б. Фогельсона. М. : ГУ-ВШЭ, 2009. С. 41.

[170] Савенко, Н. Е. Экономическая деятельность: понятие, сущность и признаки в контексте права и экономики / Н. Е. Савенко // Власть Закона. 2022. № 4. С. 125.

неотъемлемо по своей социальной, экономической и юридической природе обладающим признаком систематичности[171].

2. Объективную сторону незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) необходимо отличать от смежной объективной стороны, проявляющейся в совершении преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ («Незаконная банковская деятельность»). Вопрос разграничения двух указанных составов также является довольно сложным, особенно учитывая отсутствие на сегодняшний момент судебной практики по ст. 171^5. Для правильного выявления отличий и правильной квалификации незаконного потребительского кредитования необходимо рассмотреть те положения гражданского и предпринимательского законодательства, к которым отсылает логика бланкетных норм, к которым в части определения признаков объективной стороны относятся обе сопоставляемые статьи УК РФ.

Понятие и формы банковской деятельности, а также процедурный порядок государственный регистрации и лицензирования банков и кредитных организаций, определяются ГК РФ, Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1[172], Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ[173], целым рядом подзаконных нормативных правовых актов, основным из которых является Инструкция Центрального банка России от 14 января 2004 г. № 109-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной

---

[171] Зинин, А. М. Научные и правовые основы судебной экспертизы / А. М. Зинин, М. П. Майлис. М. : Изд-во Моск. акад. МВД России, 2001. 205 с.

[172] О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

[173] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций»[174].

Формально-юридический и системно-структурный анализ указанных источников банковского права позволяет выделить следующие признаки банковской деятельности и составляющих ее содержание банковских операций, которые напрямую применяются при установлении объективной стороны незаконной банковской деятельности: а) законодательство о банках и банковской деятельности регулирует деятельность двух видов юридических лиц, имеющих право осуществлять банковские операции – банков и кредитных организаций; б) ст. 5 ФЗ № 395-1 устанавливает перечень банковских операций, в котором отсутствует такая операция, как предоставление кредитов, но перечислены все остальные основные банковские операции – открытие счетов, размещение вкладов, обмен валют и т.д. в то же время, кредитование в качестве банковской операции регулируется ст. 819 ГК РФ, в соответствии с которой кредит представляет собой вид банковской операции по предоставлению банком или иной кредитной организацией денежных средств заемщику в соответствии с заключенным кредитным договором; в) банковская деятельность рассматривается как особо значимый вид предпринимательской деятельности, что отражается в повышенных законодательных требованиях к государственной регистрации и лицензированию, а также их особом порядке и ключевой институциональной роли специального органа государственной власти, осуществляющего функцию государственного контроля за банковской системой – Центрального банка России.

В то же время, понятие и условия легальности потребительского кредитования, которое, безусловно, является одним из основных видов деятельности банков и кредитных организаций, определено в Федеральном законе

---

[174] О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций : Инструкция Центрального банка России от 14 января 2004 г. № 109-И // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в соответствии с которым кредит подразумевает денежные средства, которые предоставляет кредитор (кредитная организация, предоставляющая кредит) на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, заемщику (физическому лицу, желающему получить потребительский кредит или заем) в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Дополнительно отношения по поводу потребительского кредитования, в зависимости от конкретной организационно-правовой формы кредитной организации, регулируются также Федеральным законом «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ[175] и Федеральным законом «О ломбардах» от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ[176]. Отличительной особенностью деятельности микрофинансовых организаций и ломбардов является отсутствие законодательного требования ее лицензирования, вследствие чего единственным критерием законности для указанных организационно-правовых форм субъектов потребительского кредитования является их государственная регистрация.

Как можно заключить из сравнения нормативной правовой базы в сферах банковской деятельности и потребительского кредитования, если субъект осуществляет незаконную деятельность сразу по нескольким видам банковских операций, включая, возможно, и незаконное потребительское кредитование, уголовно-правовая ответственность должна наступать по ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность». В то же случае, когда действия субъекта ограничиваются незаконным предоставлением потребительских кредитов (займов), деяние должно квалифицироваться в соответствии со специальным

---

[175] О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

[176] О ломбардах : Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

составом преступления, предусмотренного для соответствующих фактических обстоятельств (ст. 171^5 «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)»)[177].

Более того, как показывает практика, незаконное осуществление многопрофильной банковской деятельности субъектами, не имеющими для этого законных оснований, как правило, имеет основной целью не предоставление потребительских кредитов, а т.н. «обналичивание» денежных средств теневого происхождения либо обеспечение выплаты работодателем «серой» заработной платы, в чем вполне обоснованно отказывают заинтересованным лицам легальные коммерческие банки. В силу указанных причин осуществление банковской деятельности без лицензии имеет значительную общественную опасность, способствуя через создание причин и условий совершению целого комплекса других корыстных преступлений, включая коррупционные, чем и объясняется выделение данного состава в самостоятельную статью Особенной части УК РФ.

Легальное потребительское кредитование, в свою очередь, осуществляется только в форме профессиональной деятельности кредитными организациями и некредитными финансовыми организациями в случаях, определенных законом. К указанным организациям могут относятся банки, ломбарды, микрофинансовые организации и иные субъекты потребительского кредитования, указанные в действующем законодательстве, к каждому из которых предъявляются определенные федеральными законами требования и обязательные государственные процедуры по регистрации и / или лицензированию, причем лицензирование (для тех субъектов, чья деятельность подлежит процедуре лицензирования) зависит от соответствия организации установленным нормативам, направленных на обеспечение как частных, так и публичных законных интересов заемщиков, общества и государства.

---

[177] Геворков, Г. Э. О правилах квалификации преступлений в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Государственная служба и кадры. 2014. № 1. С. 65 67.

При этом в том случае, если помимо незаконного потребительского кредитования, субъектом осуществлялась еще хотя бы одна любая другая банковская операция, деяние необходимо квалифицировать по ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность», о чем напрямую указано и в ст. 171^5, т.е. для правильной квалификации необходимо, прежде всего, установить отсутствие более широкого профиля осуществления незаконных банковских операций.

Таким образом, в наиболее обобщенном виде, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ, выражается в осуществлении профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, не имеющей признаков многопрофильной банковской деятельности, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, не имеющими права на ее осуществление.

3. Объективная сторона незаконного предоставления потребительских кредитов (займов) характеризуется таким дополнительным признаком, как цель кредитования. Такой целью со стороны заемщика не может быть получение кредита (займа) для использования в своей предпринимательской деятельности, а именно для личных (потребительских) нужд, что детерминирует бланкетный характер ст. 171^5 УК, отсылающей к положениям Федерального закона № 353-ФЗ. Незаконное коммерческое кредитование, в свою очередь, подпадает под уголовно-правовую ответственность на основании ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность».

4. Предметом как законного, так и незаконного потребительского кредитования могут быть исключительно денежные средства, что проистекает из дефинитивного определения кредита в действующем федеральном законодательстве. В случае осуществления незаконного потребительского кредитования кредит (заем) в денежной форме выступает предметом преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ, а выданная денежная сумма – критерием установления крупного размера как одного из альтернативных признаков объективной стороны.

5. Объективная сторона имеет внешнюю форму выражения в форме действия – осуществления целенаправленной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

6. Обязательное наличие одновременно двух дополнительных признаков объективной стороны как основание для уголовно-правовой ответственности по ст. 171^5 УК РФ – крупного размера суммы незаконно предоставленных кредитов (займов) (свыше 3 млн. 500 тыс. руб.) и административной преюдиции (факта предшествующего привлечения субъекта к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)», т.е. по статье, имеющие абсолютно идентичное наименование со смежной ст. 171^5 УК РФ).

7. Предоставление потребительских кредитов как без обеспечения, так и обеспеченных залогом имущества (ипотекой), предметом которого в большинстве случаев выступают объекты жилой и нежилой недвижимости, земельные участки, передвижные транспортные средства. Наличие залогового обеспечения не влияет на квалификацию объективной стороны преступления, поскольку положением ст. 171^5 УК РФ напрямую предусмотрены оба варианта предоставления потребительских кредитов.

8. В соответствии с санкцией, предусмотренной ст. 171^5 УК РФ, незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) является преступлением средней тяжести, поскольку максимальным наказанием является лишение свободы сроком до трех лет.

В результате проведенного исследования особенностей объекта и объективной стороны незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) можно сделать следующие основные выводы: а) родовым объектом незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) выступают общественные отношения в сфере экономики, детерминированные

материальными интересами и благами; видовым объектом – легальный порядок предпринимательской деятельности как основного вида экономической деятельности; непосредственным объектом – законодательно установленный порядок деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов); предметом преступления – кредит (заем) в денежной форме, предоставленный в потребительских, а не коммерческих, целях; б) объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ, выражается в осуществлении профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, не имеющей признаков многопрофильной банковской деятельности, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, не имеющими права на ее осуществление; в) объективная сторона незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) характеризуются следующими признаками: систематический характер как вида незаконной предпринимательской деятельности; внешнее выражение в форме действия; личные (потребительские) нужды заемщика, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности; обязательное наличие дополнительного признака объективной стороны – крупного размера предоставленных потребительских кредитов (займов); отсутствие признаков незаконной банковской деятельности – преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

2.3. Субъект и субъективные признаки незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования

Преступления в сфере экономики, включая предусмотренные главой 22 УК РФ, имеют значительную специфику субъекта и субъективной стороны, отражающую сущностные признаки предпринимательской деятельности и многообразие организационно-правовых форм, в которых такая деятельность может осуществляться.

Более того, именно наличие в составе преступления субъекта, не имеющего законного права предоставлять потребительские кредиты (займы) определяет уголовную противоправность деяния, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ в нынешней ее редакции.

Рассматривая значение субъекта как обязательного элемента состава преступления, следует отметить, что в УК РФ отсутствует дословная конструкция «субъект преступления», широко применяемая в научном и практическом обороте. Вместе с тем, глава 4 УК РФ имеет наименование «Лица, подлежащие уголовной ответственности», что характеризует категорию, синонимичную относительно более распространенного и употребляемого понятия «субъект преступления».

Некоторые исследователи указывают на формально-юридическую проблему применения понятия «субъект преступления» на фоне его отсутствия в законодательной терминологии, что, по их мнению, приводит к определенному диссонансу между законодательством, правоприменением и доктринальной разработкой соответствующих категорий[178].

В то же время, высказывается и другая позиция, направленная на обоснование справедливости использования понятия «субъект преступления» и отсутствие противоречий с применяемым в УК РФ понятием «лицо». В частности, такую позицию последовательно отстаивает Г.В. Назаренко, который полагает, что описанная проблема является скорее лингвистической, а не юридической[179], не способной каким-либо образом смешать понятия либо воспрепятствовать их эффективному практическому применению.

В свою очередь, А.В. Топильская обращает внимание на еще одно смежное понятие – «субъект уголовной ответственности», которым, по обоснованному

---

[178] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д., 1996. С. 19.

[179] Назаренко, Г. В. Субъект преступления как понятие, концепт и действующее лицо / Г. В. Назаренко // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2016. № 12. С. 64.

мнению автора, всегда неизбежно выступает субъект преступления[180], т.е., иными словами, в данном случае речь также идет о практически тождественных понятиях, отражающих два ключевых признака каждого преступления – уголовную противоправность и неотвратимо следующую за ней уголовную наказуемость.

В соответствии с положениями главы 4 УК РФ, уголовной ответственности в РФ подлежат только физические лица, что представляет предмет дискуссионного анализа, прежде всего, в контексте повышения эффективности уголовно-правового противодействия экономическим преступлениям, к которым относится и весь комплекс деяний, связанных с незаконным осуществлением различных видов предпринимательской деятельности. В действующем уголовном законодательстве, таким образом, воспринят концептуальный подход, в соответствии с которым юридические лица не подлежат уголовной ответственности по причине отсутствия у них психического отношения к совершаемому деянию, всегда проявляемого у физических лиц в форме умысла либо неосторожности.

Субъектный состав экономических преступлений имеет значительную специфику, состоящую в нескольких признаках, характерных именно для обозначенной группы уголовно противоправных деяний. Для формирования целостного представления о таких признаках, помимо непосредственного анализа положений УК РФ, необходимым является изучение и применение правовых позиций, изложенных в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», которое хоть и нуждается в определенном обновлении (последняя редакция датируется 2020 г., т.е., к примеру, до включения в Особенную часть УК

[180] Топильская, А. В. Субъект преступления / А. В. Топильская // Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009. С. 291.

РФ статьи, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)), но, тем не менее, создает основу для формирования единообразной практики судов общей юрисдикции по делам, родовым объектом посягательства в которых выступает сфера экономики.

Необходимо упомянуть и о том, что некоторые исследователи относят к экономическим преступлениям лишь те, которые предусмотрены главой 22 УК РФ, тем самым отождествляя экономическую и предпринимательскую деятельность. На наш взгляд, каталог экономических преступлений все-таки шире и не ограничивается только главой 22, исходя из того, что все составы преступлений, предусмотренные главой 23 УК РФ, также совершаются в коммерческой сфере реализации экономических интересов. Дискуссию в данном случае, скорее всего, может вызывать наличие либо отсутствие экономической природы у преступлений против собственности (глава 21), но и здесь возможно отнесение соответствующих составов к экономическим, если рассматривать собственность как фундамент экономической системы и экономических отношений в государстве, с чем, очевидно, и связано включение преступлений против собственности в Раздел VIII УК РФ «Преступления против экономики». Иными словами, полное отрицание экономического характера преступлений против собственности, предусмотренных главой 21, противоречило бы логике изложения Особенной части УК РФ, следуя которой законодатель считает экономику родовым объектом, среди прочих, и для преступлений против собственности как экономической категории.

К специфическим особенностям субъектов экономических преступлений относятся:

1. Обязательным признаком субъекта и субъективной стороны в экономических преступлениях всегда выступает корыстный мотив, поскольку все преступления, входящие в Раздел VIII УК РФ, совершаются с целью приобретения каких-либо материальных благ. При незаконном осуществлении

деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) таким интересом выступает предполагаемая прибыль от уплаты заемщиком процентов за временное пользование денежными средствами, полученными на возмездных условиях от кредитора (займодателя).

2. Экономические преступления предполагают их совершение при законном либо незаконном осуществлении профессиональной деятельности в том или ином секторе экономики (одним из них является рынок потребительского кредитования, входящий в более широкую сферу финансовых или, в терминологии ГК РФ, банковских, услуг).

3. Субъект экономических преступлений является специальным, осуществляющим профессиональную деятельность в определенной сфере экономических отношений. Такая деятельность имеет целенаправленный, волевой, систематический, активный характер, направленный на удовлетворение корыстного мотива в виде получения материального обогащения либо создания условий для получения такого обогащения в дальнейшем.

4. Субъекты экономических преступлений зачастую органически связаны с лицами, совершающими другие виды преступлений. Так, незаконное потребительское кредитование в крупном размере, подлежащее уголовной ответственности, может быть сопряжено с: а) незаконной коллекторской деятельностью, в результате которой возможно причинение не только материального ущерба потерпевшим, но и морального и физического вреда, несущего общественную опасность уже не только собственности, а более значимому родовому объекту – личности, ее жизни и здоровью (как физическому, так и психическому, в качестве примера можно привести доведение заемщика до самоубийства в результате применения незаконным методов психического, а иногда – и физического, воздействия, что будет порождать и другие составы преступлений, помимо экономических); б) коррупционными преступлениями и административными правонарушениями, поскольку осуществлять систематическую и постоянную незаконную предпринимательскую деятельность

по предоставлению потребительских кредитов, как представляется, на практике крайне сложно без коррупционной составляющей; в) негативным воздействием на психическое состояние заемщика, что может привести к провоцированию уголовно противоправных деяний уже с его стороны (например, совершение кражи заемщиком вследствие острого переживания его психикой как кабальных условий кредитования, как правило, характерных для незаконной деятельности в данной сфере, так и в результате незаконных действий по возврату задолженности, осуществляемых по отношению к нему – навязчивых телефонных звонков с угрозами, распространения информации о займе среди круга общения заемщика, оказания давления через информационно-коммуникационные сети, и т.п.).

5. Возраст уголовной ответственности в части, относящейся к предпринимательской деятельности, составляет 16 лет (общий), поскольку данные составы преступлений не относятся к тяжким или особо тяжким, и не названы в исключительном перечне ст. 20 УК РФ, устанавливающей пониженный порог в отношении субъектов некоторых преступлений. В то же время, если учитывать, что статус индивидуального предпринимателя, являющийся одним из двух возможных вариантов специального субъекта в составе преступления по ст. 171^5, может быть приобретен с согласия родителей или лиц, их заменяющих, с 14 лет, можно сделать вывод, что зарегистрированный индивидуальный предприниматель, предоставляющий потребительские кредиты без права на занятие указанной деятельностью в возрасте от 14 до 16 лет, не подлежит уголовной ответственности в силу отсутствия ст. 171^5 в перечне составов преступлений, для которых предусмотрен пониженный порог привлечения к уголовной ответственности (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Если анализировать субъект как элемент состава преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ, необходимо обратить внимание на несколько ключевых аспектов, важных для правильной квалификации и последующего правоприменения.

Прежде всего, следует отметить, что субъектом преступления по ст. 171^5 может быть: а) индивидуальный предприниматель, не имеющий права на осуществление деятельности по потребительскому кредитованию; б) лицо, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющей права на осуществление деятельности по потребительскому кредитованию.

При этом все регулятивные нормы относительно потребительского кредитования как вида предпринимательской деятельности содержатся в Федеральном законе №353-ФЗ в силу бланкетного характера диспозиции ст. 171^5 УК РФ.

Право на осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) в соответствии с положениями действующего федерального законодательства, имеют: руководители кредитной организации, которая создана в соответствии с ФЗ «О банках и банковской деятельности», юридические лица (в лице их руководителей и других ответственных сотрудников) или индивидуальные предприниматели, занимающиеся профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов в денежной форме; руководители микрофинансовых организаций, которые действуют на основе ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», кредитных кооперативов, деятельность которых основана на Федеральном законе «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ[181], ломбардов (п. 1.1 ст. 2 Федерального закона от 19.07.2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах»), сельскохозяйственных кооперативов – в порядке, установленном ФЗ «О

[181] О кредитной кооперации : Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024)..

потребительском кредите (займе)» и Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. №193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»[182].

Соответственно, субъектами незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) на практике могут быть: а) зарегистрированные индивидуальные предприниматели, не обладающие правом предоставлять потребительские кредиты (займы); б) руководители организаций, не имеющих право на предоставление потребительских кредитов (займов) в силу их не соответствующей действующему законодательству организационно-правовой формы либо другого вида деятельности, т.е. отсутствия в субъектном составе профессиональной деятельности на рынке потребительского кредитования; в) руководители организаций, имеющих формальные признаки профессионального участника рынка потребительского кредитования, но юридически утративших это право, как правило, по причине прекращения действия лицензии либо вступления в силу решения суда, предусматривающего наступление административно-правовой ответственности юридического лица в виде приостановления деятельности на срок до шестидесяти суток – на период отсутствия лицензии или на срок действия административного наказания.

При этом, по мнению В.И. Гладких, признаки лица, совершившего преступление с использованием своего служебного положения (руководителя организации) в диспозиции ст. 171^5 УК РФ описаны излишне подробно[183], что с юридико-технической точки зрения затрудняет ее эффективное применение.

Основной проблемой, которая обнаруживается при рассмотрении специального субъекта незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), представляется невозможность привлечения к уголовной и административной ответственности физических лиц, не

---

[182] О сельскохозяйственной кооперации : Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

[183] Гладких В. И. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами / В. И. Гладких // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3. С. 236.

обладающих статусом индивидуальных предпринимателей, либо не занимающих должность руководителя организации.

В отличие от нормы УК РФ, субъектный состав ст. 14.56 КоАП РФ включает в себя индивидуальных предпринимателей и юридические лица. Иными словами, если первичную административную ответственность несет юридическое лицо, а не персонально его руководитель, то в уголовно-правовой статье уголовная ответственность возлагается индивидуально на руководителя организации, причем российское уголовное законодательство в принципе не предусматривает уголовную ответственность юридических лиц, ограничиваясь только физическими.

В то же время, ни УК РФ, ни КоАП РФ вообще не предусматривают ответственности физических лиц без статуса индивидуального предпринимателя или руководителя организации за систематическое предоставление займов другим физическим лицам, что особенно распространено в современном обществе, тем более учитывая фактическую безнаказанность таких действий.

По существу, нынешняя уголовно-правовая модель охраны отношений в сфере потребительского кредитования не затрагивает негативного социального явления, представляющего основную общественную опасность и выступающего первопричиной других незаконных действий – ростовщичества, под которым понимается предоставление потребительских кредитов (займов) под кабальные условия, включая нарушающую установленные в действующем законодательстве предельные значения процентной ставки.

Более того, предельные значения установлены в действующем гражданском и предпринимательском законодательстве для кредитных и некредитных организаций, имеющих право на осуществление деятельности по потребительскому кредитованию, но не для физических лиц, не обладающих никаким профессиональным статусом, предпринимательским либо служебным.

Отсюда следует сугубо частноправовой подход, который применяется законодателем к заемным отношениям физических лиц без формального статуса в

предпринимательской деятельности и/или служебного положения руководителя в юридическом лице. Как показывает судебная практика, суды в отношениях физических лиц взыскивают задолженность, не устанавливая критерии систематичности и фактического предпринимательского интереса в действиях т.н. «кредитора», поскольку это не входит в предмет доказывания по гражданским делам о взыскании задолженности.

При этом единственным способом защиты интересов заемщика может быть уменьшение общей суммы задолженности по решению суда до уровня, соответствующего установленным законодательством предельных процентных ставок, применяемых для кредитных договоров. Между физическими лицами, в свою очередь, кредитный договор не заключается, а составляется простая расписка на общую сумму возврата, во многих случаях сопровождаемая нотариально заверенной доверенностью в пользу «кредитора» на распоряжение недвижимым или движимым имуществом, фактически выступающим в качестве предмета залога (во многих случаях – даже без формального заключения договора залога, но «кредитор», которым является систематически занимающийся предоставлением потребительских займов ростовщик получает право беспрепятственного распоряжения вещью заемщика, причем, как правило, стоимость вещи многократно превышает сумму взятого от безысходности в определенных жизненных обстоятельствах займа, что также вполне справедливо считать кабальными условиями, которые не ограничиваются только лишь размером процентной ставки; в ряде случаев в подобных ростовщических расписках заем обозначается как «беспроцентный», а к возврату прописывается вся сумма вместе с кабальными процентами за пользование, фиктивно прописанная как изначально полученная заемщиком).

В отечественной литературе на данную проблему в контексте «маскировки» систематической кредитной деятельности под гражданско-правовые займы физических лиц обращает внимание Н.Ю. Скрипченко, по обоснованному мнению которой именно в указанной форме в большинстве случаев действуют

нелегальные участники финансового рынка, являющиеся неуязвимыми для уголовно-правовых и административно-правовых санкций[184]. Подобным образом рассуждает и В.И. Гладких, акцентируя внимание на ограниченности критерия незаконности деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) исключительно ее ненадлежащим субъектом, не имеющим права на ее осуществление[185]. При этом круг таких ненадлежащих субъектов ограничивается лишь индивидуальными предпринимателями и руководителями зарегистрированных организаций.

Как представляется, уголовно-правовая модель охраны общественных отношений в сфере потребительского кредитования должна двигаться по магистральному вектору противодействия ростовщичеству, не ограничиваясь только лишь охраной установленного действующим законодательством порядка осуществления предпринимательской деятельности, причем такой порядок фактически сводится только к требованиям о предоставлении потребительских кредитов (займов) надлежащими субъектами, имеющими право на осуществление такого вида деятельности (институциональный критерий незаконного потребительского кредитования. – Авт.).

Другой проблемой субъектного состава уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ является административная преюдиция как дополнительный признак специального субъекта преступления, являющийся обязательным для возникновения оснований привлечения к уголовной ответственности[186]. Следует отметить, что специальный субъект в рассматриваемом составе преступления выделяется по критерию профессиональной деятельности, предложенному в качестве одного из оснований обособления специальных субъектов еще в

---

[184] Скрипченко Н. Ю. Указ. соч. С. 106.

[185] Гладких В. И. Указ. соч. С. 237.

[186] Головко, Л. В. Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе / Л. В. Головко // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 48-58.

классификации Н.С. Лейкиной и Н.П. Грабовской[187], в современной российской уголовно-правовой науке изложенной и критически проанализированной вместе с другими авторскими классификациями специальных субъектов А.В. Богдановым[188].

Под административной преюдицией, представляющей собой не столь распространенный механизм в уголовном праве (вместе с тем, А.В. Богданов отмечает тенденцию к постоянному расширению количества составов преступлений с административной преюдицией[189], что, очевидно, не в последнюю очередь связано с перманентным усложнением экономических отношений, сопровождающимся возникновением новых специальных субъектов по видам деятельности), в хрестоматийном определении Д.Н. Бахраха, понимается «установление уголовной ответственности за деяния, содержащие признаки административного проступка, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию»[190].

Такой механизм, как представляется, устанавливается, прежде всего, в тех случаях, когда применение мер административной ответственности признается малоэффективным и требуется усиление противодействия определенным негативным социальным явлениям как с целью общей, так и специальной превенции их повторного совершения[191].

Другим признаком административной преюдиции является ее установление, как правило, применительно к специальному субъекту, к примеру, субъекту профессиональной деятельности в определенной сфере, одной из которых

---

[187] Лейкина, Н. С. Субъект преступления / Н. С. Лейкина, Н. П. Грабовская // Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1968. С. 35-105.

[188] Богданов, А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России. Человек: преступление и наказание / А. В. Богданов. 2018. Т. 26. № 4. С. 482-486.

[189] Там же. С. 482.

[190] Бахрах, Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие / Д. Н. Бахрах. Свердловск, 1989. С. 3.

[191] См.: Грачева, Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве : учебное пособие / Ю. В. Грачева. М. : Проспект, 2021. 158 с.; Забарчук, Е. Деятельное раскаяние - покаяние в содеянном? // Законность. 2007. № 4. С. 47-48.

выступает потребительское кредитование. При этом, как полагает Ю.В. Тарасова, наличие признаков специального субъекта свидетельствует о более высокой степени общественной опасности деяния[192], с чем, собственно, уголовный закон, очевидно, и связывает введение административной преюдиции в уголовно-правовую модель охраны отношений на рынке потребительского кредитования при формировании соответствующего самостоятельного состава преступления в 2021 г.

Применение административной преюдиции порождает определенные правоприменительные проблемы, некоторые из которых описывает А.В. Богданов[193]. Справедливым является и вывод о том, что действующая редакция ст. 14.56 КоАП на практике блокирует применение уголовно-правовой ответственности за незаконное потребительское кредитование[194].

Кроме того, из административной преюдиции как обязательного признака субъекта преступления, характеризующего его личность с точки зрения склонности к повторности совершения аналогичного деяния и низкой эффективности воздействия на поведение конкретного лица мер административной ответственности, следует приоритет административного наказания перед уголовным в действующей российской модели правовой охраны общественных отношений в сфере потребительского кредитования.

В пользу такого вывода свидетельствует и значительная количество одновременно требуемых условий привлечения к уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ, создающее большую сложность практической реализации этой новеллы отечественного уголовного законодательства. Именно в силу указанной

---

[192] Тарасова, Ю. В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тарасова Юлия Владимировна ; Всероссийский НИИ МВД России. М., 2001. С. 10.

[193] Богданов А .В. Указ. соч. С. 483.

[194] Геворков, Г. Э. Уголовно-правовая характеристика незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) / Г. Э. Геворков // Закон и право. 2024. № 1. С. 185.

причины судебная практика по рассматриваемой статье в течение 2021-2024 гг. судами общей юрисдикции сформирована так и не была.

В то же время, по ст. 14.56 КоАП РФ за тот же период было рассмотрено некоторое количество дел о незаконном потребительском кредитовании как административном правонарушении, т.е. административная ответственность, по меньшей мере, на данный момент показывает себя более практически реализуемой по сравнению с уголовной (прежде всего, имеется ввиду ч. 1 ст. 14.56, по которой происходит большинство привлечений к административной ответственности по данному составу административного правонарушения).

Так, например, Благовещенский городской суд Амурской области в решении № 12-132/2024 от 15 февраля 2024 г. по делу № 12-132/2024[195] отменил по причине допущенных процессуальных нарушений (правила подведомственности и подсудности, процессуальные сроки) постановление мирового судьи Амурской области по Благовещенскому городскому судебному участку № 8 от 19 декабря 2023 г., отправив его на новое рассмотрение в городской суд общей юрисдикции. При этом в контексте рассматриваемого предмета исследования интерес представляет формулировка постановления мирового судьи, согласно которой индивидуальный предприниматель был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ на основании того, что индивидуальный предприниматель не относится к числу субъектов, имеющих право осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, при этом фактически организовал ведение деятельности по предоставлению потребительских займов физическим лицам.

Вместе с тем, интересно, что в постановлении мирового судьи приводится только один эпизод предоставления потребительского кредита под залог вещи, произошедший 18 августа 2023 г., т.е. вывод о систематичности незаконной

деятельности индивидуального предпринимателя был сделан на основании одного выданного займа, очевидно по совокупности доказательств (статус индивидуального предпринимателя; предоставление займа в здании магазина; отсутствие личного близкого знакомства с заемщиком; корыстный мотив в форме становления процентов и неустоек).

В приведенном судебном акте можно четко проследить исключительное значение ненадлежащего субъекта осуществления потребительского кредитования, являющееся основанием считать предоставление потребительского кредита (займа) незаконным и, следовательно, административно и уголовно наказуемым. Если бы индивидуальный предприниматель организовал профессиональную деятельность по потребительскому кредитованию в установленной действующим специальным законодательством организационно-правовой форме (например, в форме ломбарда), те же самые фактические действия считались бы законной предпринимательской кредитной деятельностью безотносительно к условиям кредитования.

Еще одной существенной особенностью субъекта преступления по ст. 171^5 УК РФ, равно как и субъекта административного правонарушения по ст. 14.56 КоАП РФ, является феномен, предполагающий, что указанные составы преступления и административного правонарушения невозможно совершить в одностороннем, принудительном порядке, а исключительно с условием целенаправленных, волевых действий другой стороны (заемщика), действующего, с его точки зрения, в своем интересе и для своего частного блага. Таким образом, хотя заемщик и не признается субъектом преступления либо административного правонарушения, и не несет юридическую ответственность за участие в незаконном потребительском кредитовании, тем не менее, без его волевого действия совершение соответствующих деяний принципиально невозможно.

---

[195] Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) № 12-132/2024 от 15.02.2024 по делу № 12-132/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 07.09.2024).

Кроме того, зачастую именно заемщик выступает инициатором незаконного потребительского кредитования, обращаясь к априори незаконным кредиторам либо не придавая значения критерию формально-юридической законности в действиях кредитора, а стремясь к удовлетворению исключительно своей собственной личной потребности в денежных средствах. В ряде случаев заемщик изначально обращается к незаконному кредитору, поскольку знает, что не имеет вероятности получить потребительский кредит от законных кредиторов в силу сформировавшейся у него негативной кредитной истории, являющейся главным критерием для предоставления потребительских кредитов легальными участниками финансового рынка. Иными словами, происходит ситуация, при которой, как указывает А.Ф. Нагайчук, удовлетворение интереса одного субъекта становится возможным только через взаимодействие с другим субъектом[196].

Таким образом, несмотря на то, что заемщик вполне справедливо с точки зрений целей наказания не признается субъектом уголовной ответственности[197], тем не менее, всестороннее криминологическое исследование его поведения и мотивов имеет огромное значение для устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений на рынке потребительского кредитования.

Субъективная сторона незаконного потребительского кредитования также имеет определенные специфические особенности, главной из которых представляется возможность совершения как по прямому умыслу, так и по неосторожности.

В большинстве случаев незаконная деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов) осуществляется с формой вины в виде прямого умысла, причем факультативным признаком субъективной стороны всегда выступает корыстный мотив, направленный на получение прибыли от

---

[196] Нагайчук, А. Ф. Социальные интересы: технологии осуществления в политике / А. Ф. Нагайчук. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 191.

[197] Звечаровский, И. Э. Ответственность в уголовном праве / И. Э. Звечаровский. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 100 с.

оборота денежных средств под определенную незаконным кредитором процентную ставку и неустойки.

В то же время, вполне можно допустить ситуации, при которых рассматриваемое преступление может быть совершено по неосторожности. Например, лицо, имеющее административную преюдицию, предоставляет потребительский кредит, находясь по своему служебному положению на должности руководителя определенной организации, в которую вступил недавно и не знал о том, что у данной организации прекратилось действие лицензии на осуществление банковских операций либо вступило в силу постановление о привлечении юридического лица к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ с наказанием в виде приостановления деятельности на срок до 60 суток, хотя по своей должностной инструкции должен был об этом знать, но в силу определенных причин не успел ознакомиться с документацией, при этом предыдущий руководитель и другие сотрудники не проинформировали его о прекращении срока действия лицензии либо об отбывании юридическим лицом административного наказания в настоящий период. Исходя из описанной фабулы, можно говорить о неосторожности в виде преступной небрежности, но не о прямом умысле нарушить уголовно-правовую норму и незаконно предоставить потребительский кредит обратившемуся в качестве заемщика физическому лицу.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности субъекта незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования и субъективные признаки деяния:
а) специальными субъектами незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) на практике могут быть: зарегистрированные индивидуальные предприниматели, не обладающие правом предоставлять потребительские кредиты (займы); руководители организаций, не имеющих право на предоставление потребительских кредитов (займов) в силу их не соответствующей действующему законодательству организационно-правовой формы либо другого вида деятельности, т.е. отсутствия в субъектном составе

профессиональной деятельности на рынке потребительского кредитования; руководители организаций, имеющих формальные признаки профессионального участника рынка потребительского кредитования, но юридически утративших это право, как правило, по причине прекращения действия лицензии либо вступления в силу решения суда, предусматривающего наступление административно-правовой ответственности юридического лица в виде приостановления деятельности на срок до шестидесяти суток – на период отсутствия лицензии или на срок действия административного наказания; б) нынешняя уголовно-правовая модель охраны отношений в сфере потребительского кредитования, ограниченная критерием ненадлежащего субъекта, не затрагивает негативного социального явления, представляющего основную общественную опасность и выступающего первопричиной других незаконных действий – ростовщичества, под которым понимается предоставление потребительских кредитов (займов) под кабальные условия, включая нарушающую установленные в действующем законодательстве предельные значения процентной ставки; в) предельные значения процентных ставок кредитования установлены в действующем гражданском и предпринимательском законодательстве для кредитных и некредитных организаций, имеющих право на осуществление деятельности по потребительскому кредитованию, но не для физических лиц, не обладающих никаким профессиональным статусом, предпринимательским либо служебным, т.е. физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем либо руководителем организации, не входит в круг специальных субъектов уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ; г) административная преюдиция является дополнительным признаком специального субъекта преступления по ст. 171^5 УК РФ, обязательным для возникновения оснований привлечения к уголовной ответственности обязательный совокупный субъект преступления»; е) субъективная сторона незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) может быть выражена как в

форме прямого умысла, так и в форме неосторожности в виде преступной небрежности.

2.4. Направления совершенствования законодательства и практики его применения в противодействии незаконному предпринимательству на рынке потребительского кредитования

Проведенное всестороннее исследование действующего уголовного законодательства, обеспечивающего уголовно-правовую охрану отношений в сфере потребительского кредитования, позволяет сделать вывод о правотворческом и правоприменительном несовершенстве положений, закрепленных в ст. 171^5 УК РФ, что побуждает к разработке направлений совершенствования законодательства и практики его применения с целью создания наиболее эффективной модели защиты публичных и частных законных интересов участников кредитных отношений.

Прежде всего, необходимо пересмотреть общие концептуальные основы существующей парадигмы уголовно-правовой охраны отношений на рынке потребительского кредитования, сформулированные новеллой, введенной в УК РФ в 2021 г. в качестве продолжения и усиления административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) ненадлежащим субъектом.

Выраженный в действующей формулировке ст. 171^5 УК РФ методологический подход привлечения к уголовной ответственности ограничен с точки зрения нескольких значимых параметров.

Во-первых, уголовно-правовая охрана отношений в сфере потребительского кредитования в действующем уголовном законодательстве России сводится исключительно к проблеме предоставления потребительских кредитов ненадлежащими субъектами, не имеющими соответствующего права в силу отсутствия у них статуса профессионального субъекта в одной из

организационно-правовой форм, предусмотренных действующим полиотраслевым законодательством.

Не отрицая безусловной необходимости осуществления государственного контроля за субъектным составом участников рынка потребительского кредитования и наличием у них лицензий (кроме ломбардов и микрофинансовых организаций, для которых лицензирование не предусмотрено), что отражается на степени защищенности публичных интересов государства и общества (уплата налогов и лицензионных платежей, контроль платежеспособности и устойчивости кредитных организаций, недоступность официальных кредитных организаций для «отмывания» и легализации нелегальных доходов криминальным сектором экономики), в то же время, неоспоримым является и отсутствие уголовно-правовой охраны соблюдения участниками кредитно-денежных отношений законодательно установленных материально-правовых условий кредитования (предельных процентных ставок и штрафных санкций). В целом, под незаконным предоставлением потребительских кредитов (займов) в действующем УК РФ, как и в КоАП РФ, подразумевается только лишь невыполнение формально-юридических государственных требований, дающих субъекту законное право на осуществление потребительского кредитования физических лиц, что дает основание считать ст. 171^5 видовой по отношению к родовой ст. 171, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное предпринимательство.

Иными словами, уголовно-правовая охрана отношений в сфере потребительского кредитования в сегодняшней редакции положений УК РФ представляет собой разновидность уголовно-правовой охраны нормального порядка осуществления предпринимательской деятельности, а не уголовно-правовой охраны общественных отношений от негативного социального явления ростовщичества, ограничиваемого на сегодня исключительно гражданско-правовыми способами (право судов уменьшать процентные ставки и неустойки до их обычного уровня) и осуждаемого нормами морали (осуждение ростовщичества

присуще всем мировым религиям, в том числе формирующим многонациональную российскую духовность и культуру, а также признанной в обществе светской морали в межличностных отношениях).

Вторым ограничением существующей уголовно-правовой модели охраны отношений в сфере кредитования является ограниченность субъекта преступления по ст. 171^5 УК РФ исключительно индивидуальными предпринимателями и руководителями организаций с исключением из круга субъектов уголовной ответственности физических лиц[198], к отношениям которых применяется частноправовой подход, не обеспеченный уголовно-правовыми нормами, необходимость чего, как и взаимодействия гражданско-правовых и уголовно-правовых норм и институтов в целом, убедительно отстаивал в своих идеях, во многом опередивших эпоху и предвосхитивших многие впоследствии внесенные уголовно-правовые новеллы в сфере охраны экономических отношений, выдающийся российский ученый В.Ф. Яковлев[199].

В нынешней ситуации получается, что незаконным кредиторам проще всего вообще не получать статус индивидуального предпринимателя и не занимать руководящую должность в каких-либо юридических лицах, а маскировать свою систематическую деятельность по потребительскому кредитованию, всецело направленную на получение прибыли под одноразовые гражданско-правовые займы физических лиц, зачастую оформляемые долговой распиской как беспроцентные. Формулировка о «беспроцентном» характере займа в таких случаях вносится кредиторами для обхода презумпции, выраженной в п. 1 ст. 809 ГК РФ, согласно которой все займы, включая оформленные простой долговой распиской физических лиц, априори считаются процентными, если стороны не договорились об ином.

На подобные частноправовые отношения, «замаскированные» под беспроцентные через применение института простой долговой расписки, не

---

[198] Геворков, Г. Э. Уголовно-правовые проблемы при квалификации незаконного предпринимательства / Г. Э. Геворков // Защити меня. 2023. № 2. С. 58.

распространяются предельные пороги, обязательные для кредитных договоров. В то же время, суды теоретически и могут уменьшать процентную ставку и штрафные санкции до законодательно установленных пределов в случае выражения правовой позиции о необоснованном обогащении кредитора и кабальных условиях займа, но это право, а не обязанность суда, учитывающего при принятии решении всю совокупность обстоятельств и связанного объемом доказательств, предоставленных сторонами состязательного гражданского процесса.

Кроме того, вопрос об уменьшении кабальных условий займа даже гипотетически может возникнуть только в случае судебного рассмотрения гражданско-правового спора о возврате долга, но, как показывает практика, в большинстве случаев заемщики добровольно выплачивают займы, полученные от других физических лиц на кабальных условиях, а до судов подобные дела доходят в большинстве случаев по инициативе займодателя, добивающегося возврата долга (хотя и при невозврате долга займодателю, по логике, выгоднее бывает обращаться к незаконным методам возврата денежных средств, включая «черных» коллекторов, а не в суд, с учетом вероятности снижения судебным решением кабальных условий до уровня, законодательно определенного для профессиональных кредитных договоров; не следует забывать и о том, что в большинстве случае займы в отношениях физических лиц выдаются под залог имущества, чья оценочная стоимость, как правило, значительно превышает сумму выданного займа, чем обусловлена уверенность займодателя в обеспеченности суммы займа доверенностью либо договором залога, а заемщик в такой ситуации оказывается «слабой стороной» частноправовых отношений, который изначально рискует материально гораздо сильнее займодателя, при фактическом отсутствии у него на сегодня уголовно-правовых и даже административно-правовых мер защиты).

---

[199] Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 35-55.

Полагаем, что в Особенную часть УК РФ, помимо ст. 171^5, защищающей рынок потребительского кредитования от формально-юридических нарушений субъектного состава кредитно-денежных отношений, должна быть введена уголовная ответственность за ростовщичество, охватывающая свои действием по кругу лиц как законных и незаконных кредиторов, включая физических лиц, при условии, что доказывание систематичности предоставления потребительских займов и профессионального критерия не будет обязательным, а для наступления уголовной ответственности будет достаточно самого факта предоставления кредита (займа) с общим субъектом преступления – физическим лицом, достигшим общего возраста привлечения к уголовной ответственности (16 лет).

В качестве полезного опыта может быть воспринят и позаимствован опыт Италии (состав преступления «ростовщичество» предусмотрен ст. 664 УК Италии), сформировавшийся в условиях актуальности проблемы организованной преступности (по некоторым экспертным оценкам, порядка 40 % рынка незаконного потребительского кредитования в Италии контролирует мафия[200]) и противодействия ее влиянию и экономической основе совершения преступлений как главной цели государственной уголовно-правовой политики.

Можно предложить ввести в главу 22 УК РФ новеллу под наименованием «Ростовщичество», сформулировав диспозицию следующим образом: «установление ростовщических процентов в кредитных договорах и гражданско-правовых договорах займа».

Таким образом, будет обеспечена надлежащая уголовно-правовая охрана рынка кредитования от проявлений ростовщичества, создающих благоприятные причины и условия для совершения целого ряда других преступлений и укрепления организованной преступности, «теневой» экономики и коррупционных отношений в обществе,

---

[200] Ростовщичество и черные коллекторы в Италии // Информационный портал Zaim.com : [сайт]. URL: https://zaim.com/articles/regulirovanie-rynka/rostovshchichestvo-i-chernye-kollektory-v-italii/ (дата обращения: 09.09.2024).

При этом в примечании к предлагаемой статье необходимо раскрыть новое для отечественного уголовного права понятие «ростовщические проценты», под которыми целесообразно понимать «превышение максимально допустимых процентных ставок по кредитам (займам), определяемых в соответствии с приказами Центрального Банка России, издаваемыми один раз в три месяца». Внесение такой формулировки потребует также и внесения изменений в федеральное законодательство о Центральном Банке России, устанавливающего полномочие этого органа по регулярному, один раз в три месяца, установлению обоснованных с учетом учетной ставки и уровня инфляции максимально допустимых процентных ставок по кредитам.

Вторым возможным вариантом может быть обоснованный И.А. Клепицким подход, в соответствии с которым размер ростовщического процента может быть зафиксирован в уголовно-правовой норме по аналогии со ст. 347 УК Канады, рассматривающей любые условия, превышающие 60 % годовых, в качестве уголовно наказуемых ростовщических независимо от цели кредитования и субъектного состава, а привлечению к уголовной ответственности подлежит лицо, которое внесло ростовщические условия в любой договор, либо получило на таких условиях платеж или часть платежа[201].

Второй частью предлагаемой статьи УК о ростовщичестве целесообразно установить в качестве квалифицирующего признака «совершение деяния, предусмотренного вышеизложенной частью первой, в крупном размере, либо по предварительному сговору группой лиц».

При этом в примечании, помимо установления понятия «ростовщические проценты», необходимо также раскрыть сумму крупного размера – свыше 3 млн. 500 тыс. руб. (по аналогии с суммой крупного размера по действующей редакции ст. 171^5 УК РФ), включая сумму предоставленных кредитов (займов) и сумму установленных процентов за весь период пользования денежными средствами. В том же примечании целесообразно внести пояснение о том, что уголовной

[201] Клепицкий, И. А. Ростовщичество: уголовно-правовой аспект. С. 142.

ответственности за совершение ростовщичества по предварительному сговору группой лиц, помимо займодателя (кредитора), подлежат пособники, подстрекатели, а также должностные лица, способствовавшие установлению ростовщических процентов по кредиту (займу) с использованием своего служебного положения.

Такая редакция статьи «Ростовщичество» позволит распространить уголовную ответственность за предоставление как потребительских, так и коммерческих кредитов (займов) с кабальными условиями физическим и юридическим лицам, на посредников, которые в ряде случаев выступают соучастниками ростовщических схем.

При этом санкция за ростовщичество, по аналогии с незаконным осуществлением деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), должна быть предусмотрена как за преступление средней тяжести, но с более высокой мерой максимальной ответственности, учитывая более высокую общественную опасность деяния, в контексте чего в качестве верхнего предела наказания может быть предложено лишение свободы сроком до пяти лет (в действующей редакции ст. 171^5 УК РФ – сроком до трех лет).

Несколько иной подход к уголовно-правовой квалификации ростовщичества предлагает И.А. Клепицкий, который предлагает рассматривать в качестве признаков деяния не только условия о ростовщическом проценте, но и определенные субъективные характеристики, решающим образом предопределившие преступные действия заемщика, а именно: стесненное положение; неопытность; пороки сознания; слабоволие[202]. Такие предложения заслуживают всяческого внимания, поскольку отражают реальные условия совершения ростовщических действий, формирующие их причинную связь и общественную опасность, особенно в случае массового характера совершения в определенные периоды социально-экономического развития.

[202] Там же.

В любом случае, ростовщичество представляет собой общественно опасное посягательство, затрагивающее публичные интересы государства и общества, в связи с чем необходимость уголовно-противодействия данному негативному явлению не вызывает сомнений.

В то же время, на наш взгляд, уголовно-правовая охрана нормального (легального) предпринимательской деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) должна быть сохранена, поскольку на российском рынке действует значительное количество субъектов кредитования, в особенности – микрофинансовых организаций (МФО), не все из которых имеют законные основания для предоставления потребительских кредитов (займов) либо такие основание были утрачены постоянно либо временно в силу принятых судебных или административных актов. Как представляется, гражданско-правовые и административно-правовые меры ответственности без их дополнения уголовной наказуемостью деяния, предусматривающей эффективные и достаточно жесткие вид и меру наказания вкупе с реальным практическим применением ст. 171^5 УК РФ, вряд ли способны устранить нелегальные МФО, в особенности, действующие онлайн через информационно-коммуникационные возможности сети Интернет[203].

Если подробнее рассматривать такой сегмент потребительского кредитования, как деятельность МФО, следует отметить, что по итогам первого квартала 2024 г. в России легально действовало 1009 МФО, что вдвое меньше по сравнению с показателями 2018 г.[204], что, с одной стороны, свидетельствует об эффективности законодательного регулирования, принятого в последние несколько лет, а с другой стороны – оставляет определенную вероятность продолжения деятельность некоторыми утратившими свой статус

[203] Русскевич, Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография. 2-е изд., перераб. и доп / Е. А. Русскевич. М. : ИНФРА-М, 2022. 352 с.

[204] Заруцкая, Н. ЦБ хочет реформировать рынок микрофинансирования / Н. Заруцкая // Ведомости : [сайт].

URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/08/20/1056723-tsb-hochet-reformirovat-rinok-mikrofinansirovaniya (дата обращения: 09.09.2024).

профессионального кредитора (исключенными из Реестра) МФО, незаконно продолжающими предоставлять потребительские кредиты (займы), и тем самым создавая общественную опасность как для частных интересов заемщиков и законных кредиторов, так и для публичных интересов государства и общества, а также способствуя причинам и условиям совершения широкого спектра других преступлений против экономики, собственности и личности.

Достаточно комфортной средой для незаконного потребительского кредитования нелегальными МФО традиционно остается сеть Интернет, что также требует особого внимание при разработке путей совершенствования государственной политике по охране отношений в исследуемой сфере. В целом, потребительское кредитование в России остается одним из наиболее востребованных видов финансовых услуг, значительный сегмент которого находится в нелегальной плоскости[205].

Кроме того, отдельной проблемой представляется органическая и устойчивая связь нелегальных МФО с т.н. «черными» (незаконными) коллекторами, что имеет в качестве своей причинности незаконное предпринимательство в том случае, если оно своевременно и эффективно не пресекается мерами уголовной и/или административной ответственности.

Таким образом, как представляется, ст. 171^5 должна оставаться в УК РФ как вид незаконного предпринимательства со специальным субъектом преступления, но изложить формулировку статьи для повышения ее эффективности, практической применимости и выхода из положения «мертвой» юридической нормы, по которой на данный момент полностью отсутствует судебная практика, необходимо таким образом: «Осуществление предусмотренной федеральным законодательством о потребительском кредите (займе) деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, не содержащее признаков состава

[205] Геворков, Г. Э. О современном состоянии потребительского кредитования в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 204.

преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса, совершенное индивидуальным предпринимателем или лицом, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющими права на осуществление указанной деятельности, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, или совершенное лицами, подвергнутыми административному наказанию за административное правонарушение в сфере предоставления потребительских кредитов (займов)».

Помимо этого, видится необходимым расширить содержание Примечания к ст. 171^5 добавлением к сумме фактически выданных кредитов (займов) такого элемента, как планируемая незаконная прибыль, превышающая законодательно установленные пределы процентов по кредитному договору, что в совокупности с введением предлагаемой выше уголовной ответственности за ростовщические (кабальные) проценты позволит эффективно противодействовать феномену ростовщичества и устранить причины и условия целого ряда других потенциальных преступлений, порождаемых современными формами ростовщичества. В свою очередь, именно ростовщичество и представляет собой главную угрозу общественным отношениям на рынке потребительского кредитования.

В случае, если деяние будет содержать признаки и ростовщичества (применение ростовщических процентов), и незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (осуществление ненадлежащим субъектом профессионального кредитования), уголовная ответственность должна наступать по двум статьям уголовного закона, а суд определять наказание по совокупности в соответствии с общими правилами.

В то же время, концептуально следует полностью согласиться с последовательной и обоснованной позицией Президента Российской Федерации В.В. Путина, направленной на декриминализацию некоторых преступлений в

сфере предпринимательства и государственную поддержку свободы частноправовой инициативы предпринимательского сектора. Так, 16 марта 2023 г. Президент поручил «при участии ведущих деловых объединений предпринимателей… обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на декриминализацию деяний, совершаемых в связи с осуществлением предпринимательской деятельности»[206]. До этого аналогичная позиция высказывалась главой государства в 2022 г. в рамках Петербургского международного экономического форума, когда были озвучены предложения относительно продолжении политики по декриминализации некоторых экономических преступлений[207]. Позиция Президента РФ поддерживается и предпринимателями, периодически отзывающимися на предлагаемые инициативы своими проектами и предложениями, включая достаточно смелые, в которых предлагается одновременная декриминализация десяти составов преступлений[208].

Подобные тенденции, которые выражаются в постепенном внесении изменений и дополнений в главу 22 УК РФ, по справедливой оценке В.К. Шайдуллиной и М.Г. Кырлана, являются положительными, позитивно влияя на условия осуществления предпринимательской деятельности и инвестиционный климат в России[209]. В свою очередь, И.В. Белоусов и Р.Ю. Шевченко предлагают декриминализировать стержневой состав преступления, являющийся базовым для целого комплекса видовых, включая предусмотренный ст. 171^5, – незаконное

---

[206] Путин поручил декриминализовать нарушения в сфере предпринимательства // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/641337de9a7947196cbb576d (дата обращения: 09.09.2024).

[207] Шайдуллина, В. К. Декриминализация преступлений в сфере предпринимательства / В. К. Шайдуллина, М. Г. Кырлан //Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 246.

[208] Бизнес предложил декриминализировать десять экономических статей в УК.

[209] Шайдуллина, В. К. Там же.

предпринимательство (ст. 171)[210], что, на наш взгляд, делать пока преждевременно, имея ввиду необходимость полной перестройки всей главы 22 УК РФ в случае полного исключения ст. 171.

Вместе с тем, следует полностью поддержать постепенное реформирование института уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, которое успешно происходит в последние годы.

Так, 17 апреля 2024 г. были внесены изменения в признаки состава преступления незаконного предпринимательства, которые заключаются в новелле о том, что деяние должно причинить крупный ущерб гражданам, организациям или государству, в то время, как альтернатива в виде извлечения крупного или особо крупного дохода была исключена из состава данного преступления[211]. Таким образом, в новой формулировке необходимо доказывать причинение ущерба, а сам факт получения дохода независимо от его размера был декриминализирован, что стало значительным смягчением уголовного законодательства в пользу субъектов предпринимательской деятельности.

В то же время, тенденция декриминализация должна затрагивать те составы преступлений, которые не нуждаются в уголовно-правовой охране и не представляют общественной опасности[212]. Ст. 171^5 УК РФ при условии ее совершенствования и создания условий для практической применимости может стать эффективным защитным механизмом, предохраняющим рынок потребительского кредитования от нелегальных участников, маскирующих себя

---

[210] Белоусов, И. В. К вопросу о декриминализации незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) / И. В. Белоусов, Р. Ю. Шевченко // Международный вестник медицины и права. 2018. № 2. С. 6.

[211] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.09.2024).

[212] Капинус, Н. И. Меры пресечения в российском уголовном процессе / Н. И. Капинус // Следователь. 1998. № 8. С. 27.

под легальных кредиторов, и причиняющих при этом ущерб публичным интересам государства и общества[213].

В целом, если проанализировать научную литературу, в пользу декриминализации отдельных составов преступлений в сфере предпринимательской деятельности как способа совершенствования существующей уголовно-правовой модели охраны экономических отношений высказываются несколько основных аргументов, применимых и к рынку потребительского кредитования как особо охраняемому виду предпринимательства:

1. Негативное влияние уголовно-правового запрета на легальный сектор потребительского кредитования.

2. Законный характер такой же точно по внешним признакам предпринимательской деятельности по предоставлению потребительских кредитов в случае ее осуществления надлежащим субъектом.

3. Сложность в установлении точной суммы причиненного ущерба другим лицам, государству и обществу (хотя в этом случае теоретически можно предложить просчитывать ущерб публичным интересам по сумме неуплаченных налогов, исходя из доказанной суммы оборота за весь период незаконной предпринимательской деятельности. – Авт.).

4. Отсылки к зарубежному законодательству (этот вопрос подробно анализируется в параграфе 2.1 настоящего исследование с обобщающим выводом о существовании разнообразных моделей в уголовном праве различных зарубежных стран и невозможности приведения зарубежного опыта к какому-либо одному знаменателю в вопросах, связанных с криминализацией / декриминализацией незаконного предпринимательства и его специальных видов).

5. Моральное устаревание уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, которое, по мнению В.В. Хилюты, детерминирует

---

[213] Мацкевич, И. М. Изменение качественных характеристик преступности условиях глобализации / И. М. Мацкевич // Lex Russica. 2010. № 6. URL: http://portalmsal.ru/10-

необходимость модернизации составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, направленных, в первую очередь, на усиление уголовной ответственности за «криминальный бизнес и легализацию преступных доходов»[214].

Необходимо отметить, что именно на реализацию этого совершенно правильного предложения, по сути, и направлены предлагаемые в настоящем исследовании инициативы по криминализации ростовщичества, которое во многих случаях представляет собой форму «теневого», криминального бизнеса, осуществляемого организованными преступными группами и способствующего легализации преступных доходов, включая доходы коррупционного происхождения.

В целом, в результате проведенного исследования можно выделить следующие основные направления совершенствования законодательства и практики его применения в противодействии незаконному предпринимательству на рынке потребительского кредитования: а) уголовно-правовая охрана отношений в сфере потребительского кредитования в сегодняшней редакции положений УК РФ представляет собой разновидность уголовно-правовой охраны нормального порядка осуществления предпринимательской деятельности, а не уголовно-правовой охраны общественных отношений от негативного социального явления ростовщичества, ограничиваемого на сегодня исключительно гражданско-правовыми способами; б) в Особенную часть УК РФ, помимо ст. 171^5, защищающей рынок потребительского кредитования от формально-юридических нарушений субъектного состава кредитно-денежных отношений, должна быть введена уголовная ответственность за ростовщичество, охватывающая свои действием по кругу лиц как законных и незаконных кредиторов, включая физических лиц, при условии, что доказывание систематичности предоставления

7256/article_662.html (дата обращения: 11.09.2024)..

[214] Хилюта, В. В. Семь аргументов в пользу декриминализации незаконного предпринимательства / В. В. Хилюта // Электронный журнал «Уголовный процесс». 2011. № 1. URL: https://e.ugpr.ru/255504 (дата обращения: 09.09.2024).

потребительских займов и профессионального критерия не будет обязательным, а для наступления уголовной ответственности будет достаточно самого факта предоставления кредита (займа) с общим субъектом преступления – физическим лицом, достигшим общего возраста привлечения к уголовной ответственности (16 лет); в) в главу 22 УК РФ необходимо ввести новеллу под наименованием «Ростовщичество», сформулировав диспозицию следующим образом: «установление ростовщических процентов в кредитных договорах и гражданско-правовых договорах займа»; г) уголовно-правовая охрана нормального (легального) предпринимательской деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) должна быть сохранена, поскольку на российском рынке действует значительное количество субъектов кредитования, в особенности – микрофинансовых организаций (МФО), не все из которых имеют законные основания для предоставления потребительских кредитов (займов) либо такие основание были утрачены постоянно либо временно в силу принятых судебных или административных актов; д) обязательные основания привлечения к уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ (административная преюдиция и крупный размер) должны быть сформулированы как альтернативные, при этом в крупный размер деяний необходимо, помимо суммы предоставленных кредитов (займов), включить суммы, фактически полученные от заемщиков в виде дохода от незаконной предпринимательской деятельности на рынке потребительского кредитования, что позволит разблокировать практическое применение указанной статьи, судебная практика по которой в действующей редакции в течение 2021-2024 гг. не сформирована.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования уголовно-правовой охраны отношений в сфере потребительского кредитования можно сформулировать следующие выводы:

1. Незаконное предпринимательство, специальным видом которого является незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), как институт уголовного права России обладает следующими признаками: а) осуществление вида деятельности, по материально-правовым признакам являющейся законной, т.к. в иных случаях, когда незаконной является сама деятельность по ее сути, она не может считаться предпринимательской; б) основанием для привлечения к уголовной ответственности является нарушение обязательных формальных требований к осуществлению предпринимательской деятельности, соблюдение которых позволяет обеспечить эффективный государственный контроль и баланс частноправовых и публичных интересов, в том числе – реализацию функций государства через уплату налогов и других платежей зарегистрированными, лицензированными, аккредитованными субъектами предпринимательской деятельности; в) незаконное предпринимательство как уголовное преступление имеет материальный состав, что позволяет отграничить его от конкурирующей статьи КоАП РФ, которой предусмотрен формальный состав. При этом обязательным признаком незаконного предпринимательства как уголовного преступления является наступление общественно опасных последствий в форме ущерба гражданам, организациям, государству в крупном размере (на сумму свыше 3,5 млн. руб.); г) обязательным признаком, позволяющим считать незаконную деятельность предпринимательской, является ее систематичность и постоянная, устойчивая нацеленность на получение прибыли как желаемый результат систематически повторяемых однообразных действий. Этот признак отличает предпринимательскую деятельность (как законную, так и незаконную) от разовых

гражданско-правовых сделок, находящихся в пространстве частноправового регулирования и не посягающих на публичные уголовно охраняемые интересы; д) структурное выделение отдельных видов незаконного предпринимательства в специальные составы, предусмотренные УК РФ, одним из которых является предусмотренное ст. 171^5 незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

2. Статья 171 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное предпринимательство, представляет собой родовой состав отношению к видовым составам преступлений, отражающим разновидности незаконного предпринимательства. Следовательно, для правильной уголовно-правовой квалификации незаконного потребительского кредитования статью 171^5 необходимо рассматривать в неразрывной диалектической взаимосвязи с общей диспозицией незаконного предпринимательства, описанной в статье 171, что означает обязательность наличия признаков предпринимательской деятельности (систематичность, целенаправленность, самостоятельность, направленность на получение прибыли) для квалификации деяния по ст. 171^5 УК РФ.

3. На современном этапе развития и модернизации российского уголовного законодательства основополагающей категорией для определения количественного критерия привлечения к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство является крупный (3,5 млн. руб.) либо особо крупный (13,5 млн. руб.) ущерб гражданам, организациям, государству, в отличие от предыдущего применявшегося в УК РФ подхода, основанного на установлении крупного либо особо крупного размера незаконного дохода, причем в структуру ущерба законным интересам граждан, организаций, государства должна включаться также и упущенная выгода (недополученные доходы), например, недополученные государственным бюджетом налоги, лицензионные и другие платежи, предусмотренные действующим законодательством.

4. При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности, смежной с административно-правовой, за незаконную деятельность по

предоставлению потребительских кредитов (займов) установлен специальный количественный критерий – общая сумма выданных потребительских кредитов (займов), но при этом предусмотрена преюдициальность привлечения к административно-правовой ответственности за идентичный формальный состав правонарушения, что априори объективирует наличие такого признака, как систематичность (повторность), имманентно присущий любой предпринимательской деятельности, осуществляемой как законно (с соблюдением всех установленных действующим законодательством требований и процедур), так и незаконно (с нарушением установленного формально-юридического порядка осуществления соответствующего вида экономической деятельности, телеологически направленного на систематическое получение прибыли ее субъектом).

5. Ростовщичество как объективно существующее в современных условиях негативное социальное явление непосредственно провоцирует осуществление незаконной предпринимательской деятельности, криминализированное как в общем виде, так и в нескольких специальных составах, положениями действующего УК РФ, в частности, предусмотренной ст. 171^5 «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)», поскольку именно стремление к получению сверхприбыли, не ограниченной нормами законодательства, является основной предпосылкой предоставления кредитов (займов) лицами, у которых отсутствуют формальные юридические основания для занятия указанным видом легального предпринимательства.

6. В результате проведенного сравнительно-правового анализа незаконного предпринимательства на рынке потребительского кредитования по уголовному праву зарубежных стран установлено, что: а) зарубежные государства можно разделить на четыре группы в зависимости от расположения и конструирования уголовно-правовых норм о незаконном предпринимательстве на рынке потребительского кредитования: государства, в которых незаконное

предпринимательство на рынке потребительского кредитования и ростовщичество не являются объектами уголовно-правовой охраны (Испания); государства, в которых установлена уголовно-правовая ответственность за нарушение формальных требований законодательства к осуществлению предпринимательской деятельности на рынке потребительского кредитования, но не установлена уголовно-правовая ответственность за ростовщичество как кредитование на кабальных условиях независимо от факта соблюдения формально-юридических норм (Китай, Нидерланды; к данной группе государств относится и Российская Федерация); государство, в которых установлена уголовно-правовая ответственность за ростовщичество с абсолютным субъектным составом, включающим займодателей, незаконных коллекторов и посредников (Италия); государства, в которых параллельно установлены уголовно-правовая ответственность за ростовщичество и незаконное предпринимательство на рынке потребительского кредитования (Латвия); б) большинство государств, в уголовном законодательстве которых предусмотрена уголовная ответственность за незаконное предпринимательство как нарушение формальных государственных процедур, общественная опасность признается только в случае отсутствия лицензии по определенным законодательством видам предпринимательской деятельности, но не при отсутствии государственной регистрации; в) среди зарубежных государств, в уголовном законодательстве которых предусмотрена ответственность за ростовщичество, наиболее оптимальной и применимой для потенциального заимствования представляется нормативная модель, закрепленная в УК Италии, основными характерными чертами которой являются: объединение уголовно-правовой ответственности за ростовщичество в одну норму Особенной части УК; совокупный состав субъектов уголовно-правовой ответственности, включающий всех возможных соучастников преступления – займодателя, незаконного коллектора, посредника; диалектическая связь уголовно-правовой санкции с нормами финансового права, которая проявляется в привязке уголовно наказуемых ростовщических процентов к периодически

устанавливаемым Банком Италии предельным размерам кредитных и финансовых ставок.

7. Родовым объектом незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) выступают общественные отношения в сфере экономики, детерминированные материальными интересами и благами; видовым объектом – легальный порядок предпринимательской деятельности как основного вида экономической деятельности; непосредственным объектом – законодательно установленный порядок деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов); предметом преступления – кредит (заем) в денежной форме, предоставленный в потребительских, а не коммерческих, целях.

8. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171^5 УК РФ, выражается в осуществлении профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, не имеющей признаков многопрофильной банковской деятельности, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, не имеющими права на ее осуществление.

9. Объективная сторона незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) характеризуются следующими признаками: систематический характер как вида незаконной предпринимательской деятельности; самостоятельность; внешнее выражение в форме действия; личные (потребительские) нужды заемщика, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности; обязательное наличие дополнительного признака объективной стороны – крупного размера предоставленных потребительских кредитов (займов); отсутствие признаков незаконной банковской деятельности – преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

10. Специальными субъектами незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) на практике могут быть: зарегистрированные индивидуальные предприниматели, не обладающие правом

предоставлять потребительские кредиты (займы); руководители организаций, не имеющих право на предоставление потребительских кредитов (займов) в силу их не соответствующей действующему законодательству организационно-правовой формы либо другого вида деятельности, т.е. отсутствия в субъектном составе профессиональной деятельности на рынке потребительского кредитования; руководители организаций, имеющих формальные признаки профессионального участника рынка потребительского кредитования, но юридически утративших это право, как правило, по причине прекращения действия лицензии либо вступления в силу решения суда, предусматривающего наступление административно-правовой ответственности юридического лица в виде приостановления деятельности на срок до шестидесяти суток – на период отсутствия лицензии или на срок действия административного наказания.

11. Субъективная сторона незаконного потребительского кредитования также имеет определенные специфические особенности, главной из которых представляется возможность совершения как по прямому умыслу, так и по неосторожности. В большинстве случаев незаконная деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов) осуществляется с формой вины в виде прямого умысла, причем факультативным признаком субъективной стороны всегда выступает корыстный мотив, направленный на получение прибыли от оборота денежных средств под определенную незаконным кредитором процентную ставку и неустойки. Вместе с тем, совершение преступления возможно и по неосторожности в виде преступной небрежности.

12. Действующая уголовно-правовая модель охраны отношений в сфере потребительского кредитования, ограниченная критерием ненадлежащего субъекта, не затрагивает негативного социального явления, представляющего основную общественную опасность и выступающего первопричиной других незаконных действий – ростовщичества, под которым понимается предоставление потребительских кредитов (займов) под кабальные условия, включая

нарушающую установленные в действующем законодательстве предельные значения процентной ставки.

13. Предельные значения процентных ставок кредитования установлены в действующем гражданском и предпринимательском законодательстве для кредитных и некредитных организаций, имеющих право на осуществление деятельности по потребительскому кредитованию, но не для физических лиц, не обладающих никаким профессиональным статусом, предпринимательским либо служебным, т.е. физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем либо руководителем организации, не входит в круг специальных субъектов уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ.

14. Административная преюдиция является дополнительным признаком специального субъекта преступления по ст. 171^5 УК РФ, обязательным для возникновения оснований привлечения к уголовной ответственности.

15. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере предоставления потребительских займов в сегодняшней редакции положений УК РФ представляет собой разновидность уголовно-правовой охраны нормального порядка осуществления предпринимательской деятельности, а не уголовно-правовой охраны общественных отношений от негативного социального явления ростовщичества, ограничиваемого на сегодня исключительно гражданско-правовыми способами.

16. В Особенную часть УК РФ, помимо ст. 171^5, защищающей рынок потребительского кредитования от формально-юридических нарушений субъектного состава кредитно-денежных отношений, должна быть введена уголовная ответственность за ростовщичество, охватывающая свои действием по кругу лиц как законных и незаконных кредиторов, включая физических лиц, при условии, что доказывание систематичности предоставления потребительских займов и профессионального критерия не будет обязательным, а для наступления уголовной ответственности будет достаточно самого факта предоставления кредита (займа) с общим субъектом преступления – физическим лицом,

достигшим общего возраста привлечения к уголовной ответственности (16 лет). Диспозицию ростовщичества целесообразно сформулировать следующим образом: «установление ростовщических процентов в кредитных договорах и гражданско-правовых договорах займа».

17. В условиях общей тенденции декриминализации преступлений в сфере предпринимательской деятельности, являющейся своевременной и необходимой для развития экономики и улучшения инвестиционного климата, уголовно-правовая охрана нормального (легального) предпринимательской деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) должна быть сохранена, поскольку на российском рынке действует значительное количество субъектов кредитования, в особенности – микрофинансовых организаций (МФО), значительное количество которых не имеет законных оснований для предоставления потребительских кредитов (займов) либо такие основание были утрачены постоянно или временно в силу принятых судебных или административных актов.

18. Обязательные основания привлечения к уголовной ответственности по ст. 171^5 УК РФ (административная преюдиция и крупный размер) должны быть сформулированы как альтернативные, при этом в крупный размер деяний необходимо, помимо суммы предоставленных кредитов (займов), включить включить проценты, предусмотренные условиями кредитования. Такое изменение законодательных формулировок позволит разблокировать практическое применение указанной статьи, судебная практика по которой в действующей редакции в течение 2021-2024 гг. не сформирована.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

2. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. – М. : Юриздат, 1941. – 176 с.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными на общероссийском голосовании 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

5. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций : Инструкция Центрального банка России от 14 января 2004 г. № 109-И // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

6. Об индивидуальной трудовой деятельности : Закон СССР от 19.11.1986 № 6050-XI // Электронных фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9024308 (дата обращения: 30.05.2024).

7. О кооперации в СССР : Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/ (дата обращения: 30.05.2024).

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.09.2024).

9. О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.07.2011 № 170-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

10. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

11. О кредитной кооперации : Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

12. О ломбардах : Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

13. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

14. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

15. О потребительском кредите (займе) : Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

16. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

17. О сельскохозяйственной кооперации : Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2024).

18. Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики // Инфосила. Общественный новостной портал : [сайт]. – URL: https://infosila.ee/main/1398-zakonodatelstvo-estonii-na-russkom-yazyke.html (дата обращения: 01.09.2024).

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона "О реструктуризации кредитных организаций" и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций" в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 3058.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона "Об акционерных обществах", регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004 – № 9. – Ст. 830.

21. Уголовный закон Латвии от 17.06.1998 // Юридическое бюро Александра Хрулева : [сайт]. – URL: http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

22. Уголовный кодекс Бельгии. – М., 2004. – 561 с.

23. Уголовный кодекс Вьетнама от 21 декабря 1999 г. // Всемирная организация интеллектуальной собственности : [сайт]. – URL:

https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5025 (дата обращения: 01.09.2024).

24. Уголовный кодекс Голландии. Перевод с английского / Науч. ред. : Волженкин Б. В. ; Пер. : Миронова И. В. – 2-е изд. – С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.

25. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. Законодательный вестник Грузии : [сайт]. – URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143 /ru/pdf (дата обращения: 01.09.2024).

26. Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 г. – Тбилиси, 1973. – 325 с.

27. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. : Беляев С. С. (Пер.) ; Пер. : Рычев А. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 171 с.

28. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под. ред. А. И. Коробеева; пер. с кит. Д. В. Вичикова. – СПб., 2001. – 303 с.

29. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 // Армянская правовая информационная система (АРЛИС) : [сайт]. – URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=63312 (дата обращения: 01.09.2024).

30. Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021 // Армянская правовая информационная система (АРЛИС) : [сайт]. – URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=63312 (дата обращения: 01.09.2024).

31. Уголовный кодекс Республики Болгария. – СПб., 2001. – 296 с.

32. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2022 // Министерство юстиции Республики Молдова : [сайт]. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=125325&lang=ru (дата обращения: 01.09.2024).

33. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан : [сайт]. – URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 01.09.2024).

34. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

35. Уголовный кодекс Франции. – СПб., 2002. – 648 с.

36. Уголовный кодекс Швейцарии. Перевод с немецкого / Науч. ред. : Серебрянникова А. В. (Пер., предисл.). – С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 350 с.

Книги и монографии

37. Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство и смежные составы : учебное пособие / Л. С. Аистова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 124 с.

38. Бартенев, С. А. История экономических учений / С. А. Бартенев. – М. : Юрист, 2002. – 456 с.

39. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Свердловск, 1989. – 204 с.

40. Васильев, С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права / С. А. Васильев. – М. : Центркаталог, 2023. – 268 с.

41. Ветхий Завет. Синодальный перевод. – М. : Новое небо, 2018. – 450 с.

42. Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 299 с.

43. Головко, Л. В. Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе / Л. В. Головко // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 48-58.

44. Грачева, Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве : учебное пособие / Ю. В. Грачева. – М. : Проспект, 2021. – 158 с.

45. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – М.-Л. : Акад. наук СССР, 1948. – 315 с.

46. Жевлаков, Э. Н. Назначение наказания : учебное пособие / ред. А. И. Рарог ; Э. Н. Жевлаков . – Москва : Проспект, 2014 . – 84 с.

47. Звечаровский, И. Э. Ответственность в уголовном праве / И. Э. Звечаровский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. – 100 с.

48. Зинин, А. М. Научные и правовые основы судебной экспертизы / А. М. Зинин, М. П. Майлис. – М. : Изд-во Моск. акад. МВД России, 2001. – 205 с.

49. Иванова, Я. Е. Незаконное предпринимательство: социальная обусловленность уголовно-правового запрета / Я. Е. Иванова. – М. : РАП, 2011. – 224 с.

50. Иоанн Златоуст. Беседы на послание к Ефесянам. II.4. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. – СПб., 1905. – Т. XI в 2 кн. – Кн.1. – 218 с.

51. История ВКП(б). Краткий курс : репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. – М. : Писатель, 1997. – 353 с.

52. Каиржанов, Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон: проблемы объекта преступления / Е.К. Каиржанов. – Алма-Ата, 1973. – 160 с.

53. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М., 1980. – 710 с.

54. Клепицкий, И. А. Новое экономическое уголовное право. / И. А. Клепицкий. – М.: Проспект, 2021. – 983 с.

55. Козлов, А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.

56. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. – Ростов н/Д., 1996. – 734 с.

57. Коржанский, Н. Й. Объект посягательства и квалификация преступлений / Н. Й. Коржанский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1976. – 121 с.

58. Кошман, Л. В. Город в пореформенной России: социокультурные и правовые аспекты / Л. В. Кошман. – М. : Издательство Московского университета, 2018. – 192 с.

59. Кривоченко, Л. Н. Классификация преступлений / Л. Н. Кривоченко. – Харьков : ХарЮИ, 1983. – 129 с.

60. Лейкина, Н. С., Субъект преступления / Н. С. Лейкина, Н. П. Грабовская // Курс советского уголовного права. Часть Общая. – М., 1968. – С. 35-105.

61. Лопашенко, Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 184 с.

62. Малиновский, А. А. Сравнительное уголовное право : учебник / А. А. Малиновский. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 592 с.

63. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961. – Т. 18. – 808 с.

64. Матейкович, М. С. Законные интересы в конституционном праве / М. С. Матейкович, В. А. Горбунов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 256 с.

65. Медынский, В. Г. Инновационное предпринимательство : учебное пособие для вузов / В. Г. Медынский, Л. Г. Скамай. – М. : ЮНИТИ–ДАНА, - 2002. – 589 с.

66. Муратова, Н. К. Экономика : учебно-методическое пособие для иностранных студентов I курса / Н. К. Муратова. – М. : Фак. журн. МГУ, 2021. – 84 с.

67. Нагайчук, А. Ф. Социальные интересы: технологии осуществления в политике / А. Ф. Нагайчук. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 288 с.

68. Налоговые и иные экономические преступления : сб. науч. ст. – Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова, 2002. – 153 с.

69. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в двух томах / А. В. Наумов. – М. : Юрид. лит., 2004. – Т. 1. Общая часть. – 495 с.

70. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Юрид. лит-ра, 1960. – 228 с.

71. Панов, Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н. И. Панов. – Харьков, 1982. – 161 с.

72. Пикуров, Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности : монография / Н. И. Пикуров. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 207 с.

73. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Юрид. лит-ра, 1961. – 666 с.

74. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. – 440 с.

75. Преступления в сфере экономической деятельности: проблемы квалификации / Е. Н. Карабанова, Д. А. Мелешко, А. Д. Нечаев [и др.] ; Университет прокуратуры Российской Федерации. – М. : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. – 268 с.

76. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 247 с.

77. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – М. : Норма, 2005. – 656 с.

78. Русскевич, Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография. – 2-е изд., перераб. и доп / Е. А. Русскевич. – М. : ИНФРА-М, 2022. – 352 с.

79. Соктоев, З. Б. Причинность и объективная сторона преступления : монография / З. Б. Соктоев. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 272 с.

80. Социальные выступления в истории России / сост. В. А. Скребнев. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 36 с.

81. Стецюра, Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского / Т. Д. Стецюра. – М. : РОССПЭН, 2010. – 303 с.

82. Тарануха, Ю. В. Предприятие и предпринимательство в трансформируемой экономике / Ю. В. Тарануха. – М. : Дело и сервис, 2003. – 368 с.

83. Теория и практика возбуждения уголовного дела : учебное пособие / отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 288 с.

84. Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. – Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1977. – 216 с.

85. Тихомиров, Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров. – М., 1995. – 496 с.

86. Топильская, А. В. Субъект преступления / А. В. Топильская // Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. – СПб., 2009. – 754 с.

87. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М., 1967. – 364 с.

88. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Юрид. лит., 1957. – 185 с.

89. Туманов В. А. Вступительная статья / В. А. Туманов // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В. А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 5-18.

90. Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – М., 1996. – 443 с.

91. Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство / Т. Д. Устинова. – М., 2001. – 120 с.

92. Устинова, Т. Д. Налоговые и внешнеэкономические преступления : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр») по очной, очно-заочной и заочной формам обучения / Т. Д. Устинова, А. С. Рубцова,

Д. А. Мелешко. – М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. – 112 с.

93. Цвейгерт, К. О возможности сравнения сходных правовых институтов в различных социальных системах / К. Цвайгерт, Г. Путтфаркен // Очерки сравнительного права. – М., 1981. – С. 153-176.

94. Чжан, Минкай. Основы Особенной части УК КНР / Чжан Минкай. – Пекин, 2004. – 300 с.

95. Яковлев, В. Ф. Гражданский кодекс Российской Федерации: развитие общих положений гражданского права / В. Ф. Яковлев // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. – М. : Статут, 2008. – С. 35-55.

Диссертации и авторефераты диссертаций

96. Авдеева, О. А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Авдеева Ольга Анатольевна ; Байкальский государственный университет экономики и права. – Иркутск, 2009. – 245 с.

97. Богданов, М. Н. Расследование мошенничества в сфере потребительского кредитования : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.09 / Богданов Максим Николаевич ; Псковский юридический институт ФСИН России. – Иркутск, 2010. – 220 с.

98. Манухин, А. И. Совершенствование системы кредитования субъектов малого и среднего бизнеса : дис. на соиск. учен. степ. канд. эконом. наук : 5.2.4 / Манухин Андрей Игоревич ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М., 2023. – 212 с.

99. Мкртчян, С. М. Мошенничество в сфере кредитования: вопросы обоснованности состава преступления и уголовно-правового поощрения за позитивное посткриминальное поведение : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид.

наук : 12.00.08 / Мкртчян Сона Мартиросовна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2017. – 337 с.

100. Сапожков, А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: уголовно-правовые аспекты : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сапожков Александр Анатольевич ; Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры РФ. – СПб., 2000. – 206 с.

101. Соктоев, З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Соктоев Зорикто Борисович; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2014. – 40 с.

102. Сотсков, Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сотсков Федор Николаевич; Российский университет дружбы народов. – М., 2009. – 27 с.

103. Тарасова, Ю. В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тарасова Юлия Владимировна ; Всероссийский НИИ МВД России. – М., 2001. – 22 с.

Статьи

104. Алексеев, А. Порочная прибыль: как экономика Макао стала самой быстрорастущей в мире / А. Алексеев // Коммерсантъ Деньги. – 2024. – № 11. – С. 58-63.

105. Арсентьев, М. В. Правовой статус субъектов предпринимательской деятельности / М. В. Арсентьев, А. А. Тарбеева // Молодая наука Сибири: электрон. науч. журн. – 2021. – № 1. – URL: https://mnv.irgups.ru/toma/111-21 (дата обращения: 30.05.2024).

106. Баранова, В. В. Анализ кредитования физических лиц / В. В. Баранова // Скиф. – 2023. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kreditovaniya-fizicheskih-lits (дата обращения: 21.07.2024).

107. Белоусов, И. В. К вопросу о декриминализации незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) / И. В. Белоусов, Р. Ю. Шевченко // Международный вестник медицины и права. – 2018. – № 2. – С. 5-6.

108. Богданов, А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России. Человек: преступление и наказание / А. В. Богданов. – 2018. – Т. 26. – № 4. – С. 482-486.

109. Богданов, С. В. Законодательные инициативы Н.С. Хрущева по борьбе с экономической преступностью и коррупцией в СССР / С. В. Богданов, В. Н. Орлов // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 157-161.

110. Бочкарникова, А. В. История развития уголовного законодательства об ответственности за незаконное предпринимательство / А. В. Бочкарникова // Меридиан. – 2020. – № 5. –

111. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42373043_29310891.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

112. Брайнин, Я. М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин // Юридический сборник Киевского государственного университета. – 1950. – № 4. – С. 120-127.

113. Васильев, С. А. Местные налоги: к вопросу об ограничении конституционных основ народовластия / С. А. Васильев // Налоги. – 2017. – № 1. – С. 8-12.

114. Васильев, С. А. Противодействие коррупции с позиции теории соотношения субъектов права / С. А. Васильев // Реализация в Южном федеральном округе государственной политики в сфере противодействия коррупции // Сборник научных трудов по материалам II научно-практической конференции / под редакцией Д. Б. Загорского, М. А. Никулиной,

А. А. Никитиной, Р. В. Бушманова. – Ростов-на-Дону : Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2022. – С. 72-77.

115. Васильев, Я. А. Сельское ростовщичество в Новгородской губернии в начале XX века / Я. А. Васильев // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 2-5.

116. Вильская, Н. В., Малахова В.Ю. Формы осуществления незаконного предпринимательства и проблемы квалификации / Н. В. Вильская, В. Ю. Малахова // Образование и право. – 2020. – № 12. – С. 299-303.

117. Воскобитова, Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине / Л. А. Воскобитова // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 56-64.

118. Галимова, Л. Ф. Необходимость потребительского кредитования и перспективы его развития в современном мире / Л. Ф. Галимова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimostpotrebitelskogo-kreditovaniya-i-perspektivy-ego-razvitiya-v-sovremennom-mire (дата обращения: 21.07.2024).

119. Галяшина, Е. И. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде / Е. И. Галяшина, К. М. Богатырев // Lex Russica. – 2022. – Т. 75. – № 10. – С. 138-151.

120. Геворков, Г. Э. Уголовно-правовая характеристика незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) / Г. Э. Геворков // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 182-185.

121. Геворков, Г. Э. О современном состоянии потребительского кредитования в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 204-207.

122. Геворков, Г. Э. Ростовщичество в Российской Федерации: проблемы правового регулирования / Г. Э. Геворков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 3. – С. 103-105.

123. Геворков, Г. Э. О предпринимательстве посредством потребительского кредитования в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Закон и право. – 2022. – № 9. – С. 101-104.

124. Геворков, Г. Э. Об особенностях регулирования составов преступлений в сфере экономической безопасности в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С. 96-98.

125. Геворков, Г. Э. О допустимости уголовной ответственности при кредитовании в Российской Федерации / Г. Э, Геворков // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 3. – С. 157-159.

126. Геворков, Г. Э. Преступления против собственности в Российской Федерации. Теоретико-правовой аспект / Г. Э. Геворков // Закон и право. – 2017. № 3. – С. 69-70.

127. Геворков, Г. Э. О некоторых проблемах квалификации вымогательства по уголовному законодательству Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 2. – С. 31-33.

128. Геворков, Г. Э. О правилах квалификации преступлений в Российской Федерации / Г. Э. Геворков // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 1. – С. 65-67.

129. Геворков, Г. Э. Уголовная политика в Российской Федерации / Г. Э. Геворков, Т. А. Погосов // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 1. – С. 63-64.

130. Геворков, Г. Э. Состояние преступности в кредитно-банковской сфере за период 2006-2015 гг. / Г. Э. Геворков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 2. – С. 34-39.

131. Геворков, Г. Э. Феномен ростовщичества - история возникновения, понятие и сущность в современной России / Г. Э. Геворков // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2023. – № 2. – С. 34-37.

132. Геворков, Г. Э. Уголовно-правовые проблемы при квалификации незаконного предпринимательства / Г. Э. Геворков // Защити меня. – 2023. – № 2. – С. 56-59.

133. Гладких В. И. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами / В. И. Гладких // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 3. – С. 235-238.

134. Дубянский А. Н. К вопросу об осуждении ростовщичества и процента в христианстве / А. Н. Дубянский // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 374-375.

135. Егоров Я. Ю. Ущерб и доход как общественно опасные последствия незаконного предпринимательства / Я. Ю. Егоров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 4. – С. 84-88.

136. Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями / И. В. Ершова // Lex Russica. – 2016. – № 9. – С. 46-61.

137. Жалинский А. Э. Уголовная ответственность в сфере лицензирования / А. Э. Жалинский // Закон. 2000. – № 1. – С. 114-120.

138. Забарчук, Е. Деятельное раскаяние - покаяние в содеянном? / Е. Забарчук, З. Соктоев // Законность. – 2007. – № 4. – С. 47-48.

139. Загородников Н. И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников // Труды Военно-юридической академии. – 1949. – Вып. 10. – С. 3-17.

140. Зателепин О. К. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. К. Зателепин // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 29-31.

141. Камышанский, В. П. Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей / В. П. Камышанский // Власть Закона. – 2018. – № 2. – С. 11-21.

142. Капинус, Н. И. Меры пресечения в российском уголовном процессе / Н. И. Капинус // Следователь. – 1998. – № 8. – С. 21-39.

143. Карабанова, Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е. Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 69-77.

144. Клепицкий, И. А. Начало бизнеса: риск наказания / И. А. Клепицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 130-161.

145. Клепицкий, И.А. Собственность и имущество в уголовном праве / И. А. Клепицкий // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 74-83.

146. Клепицкий, И. А. Ростовщичество: уголовно-правовой аспект / И. А. Клепицкий // Закон. – 2019. – № 4. – С. 130-144.

147. Клисторин, В. И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики / В. И. Клисторин // ЭКО. – 2021. – № 4. – С. 29-44.

148. Комаров, А. С. О реформировании национального гражданского права в переходный период / А. С. Комаров // Международное частное право: преемственность и развитие : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летнему юбилею профессора Л. А. Лунца / отв. ред. Н. Г. Доронина. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2023. – С. 33-42.

149. Корешкова, Т. А. Земские склады сетей и рыболовных принадлежностей в Новгородской губернии (1902—1914 гг.) / Т. А. Корешкова // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования : материалы XI научной конференции историков-архивистов, 26-27 мая 2011 г. – Великий Новгород, 2012. – С. 44-49.

150. Коркин, Д. В. Об обусловленности уголовно-правового запрета на незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) / Д. В. Коркин, А. А. Харламова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 161-165.

151. Кручинина, Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики / Н. В. Кручинина // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 5. – С. 76-89.

152. Кудрявцев, В. Н. К вопросу о понятии объекта и предмета преступления / В. Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1951. – № 2. – С. 51-60.

153. Кузнецов, А. П. Методологические основы уголовно-правовой науки : лекция / А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2009. – 40 с.

154. Кузьмина, М. Р. Виды рисков потребительского кредитования / М. Р. Кузьмина. – Мировая наука. – 2021. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-riskov-potrebitelskogo-kreditovaniya (дата обращения: 21.07.2024).

155. Кутлымуратов, Т., Рузметов, Б. Теоретические аспекты классификации преступлений в сфере экономической деятельности и вопросы совершенствования уголовно-правовой политики в борьбе с экономическими преступлениями / Т. Кутлымуратов, Б. Рузметов // Общество и инновации. 2021. – 2, 3/S. – С. 264-270.

156. Лазебник, Ю. В. Объект и предмет как признаки объективной стороны состава преступления в уголовном праве / Ю. В. Лазебник // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – 2020. – Вып. 13. – С. 583-587.

157. Лихолетов, А. А. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): проблемы законотворчества

и правоприменения / А. А. Лихолетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1. – С. 40-45.

158. Майданевич, Ю. П. Эволюция и сущностные характеристики понятия «предпринимательство» / Ю. П. Майданевич, К. А. Чупрынина, Н. Н. Григорь // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 54-63.

159. Мацкевич, И. М. Изменение качественных характеристик преступности условиях глобализации / И. М. Мацкевич // Lex Russica. – 2010. – № 6. – URL: http://portalmsal.ru/10-7256/article_662.html (дата обращения: 11.09.2024).

160. Мелешко, Д. А. Исчисление сроков давности по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности / Д. А. Мелешко // Законность. – 2018. – № 12. – С. 35-37.

161. Назаренко, Г. В. Субъект преступления как понятие, концепт и действующее лицо / Г. В. Назаренко // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – 2016. – № 12. – С. 63-67.

162. Олейник, О. М. Содержание и сфера реализации понятия «вид деятельности» / О. М. Олейник // Предпринимательское право: вызовы времени. Научные труды кафедры предпринимательского права. – Вып. 1 / под общ. ред. О. М. Олейник, Ю. Б. Фогельсона. – М. : ГУ-ВШЭ, 2009. – С. 39-48.

163. Павлушина, А. А. Защита публичного интереса как универсальная процессуальная форма / А. А. Павлушина // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 76-84.

164. Першин, А. Н. Анализ как метод познания документированной информации / А. Н. Першин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 54-58.

165. Подройкина, Е. А. Актуальные вопросы квалификации незаконного предпринимательства / Е. А. Подройкина, Е. А. Кравцова // Бизнес, образование, право. – 2020. – № 4. – С. 249-252.

166. Попов, А. В. К вопросу о конкуренции части 1 статьи 14.1 КоАП РФ и статьи 171 УК РФ / А. В. Попов // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 401-407.

167. Приколотина, Ю. Л. Общественная опасность как критерий разграничения административных правонарушений и преступлений: к постановке проблемы / Ю. Л. Приколотина, К. В. Девятовская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 14. – С. 152-158.

168. Савенко, Н. Е. Экономическая деятельность: понятие, сущность и признаки в контексте права и экономики / Н. Е. Савенко // Власть Закона. – 2022. – № 4. – С. 124-139.

169. Скрипченко, Н. Ю. Правовой механизм противодействия нелегальной деятельности в сфере оказания услуг потребительского кредитования: современное состояние и перспективы совершенствования / Н. Ю. Скрипченко // Lex Russica. – 2022. – Т. 75. – № 4. – С. 107-116.

170. Соктоев, З. Б. Теории «адекватной» причинности и «необходимого причинения в уголовном праве» / З. Б. Соктоев // Всероссийский криминологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 60-65.

171. Тихомиров, С. А. Феномены «роста» и лихвы в литературе, культуре и коммуникации / С. А. Тихомиров // Ценности и смыслы. – 2013. – № 2. – С. 98-109.

172. Умнова, Ю. В. Общественная опасность в процессе уголовного правотворчества и правоприменения / Ю. В. Умнова // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 2. – С. 208-214.

173. Урда, М. Н. О взаимосвязи частноправовых и публично-правовых начал в незаконном предпринимательстве / М. Н. Урда // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 132-135.

174. Хилюта, В. В. Семь аргументов в пользу декриминализации незаконного предпринимательства / В. В. Хилюта // Электронный журнал

«Уголовный процесс». – 2011. – № 1. – URL: https://e.ugpr.ru/255504 (дата обращения: 09.09.2024).

175. Цепелев, В. Ф. Проблемные вопросы стадий преступления и их значение для деятельности органов внутренних дел / В. Ф. Цепелев // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2. – С. 41-43.

176. Церкасевич, Л. В. Европейский Союз: 40 градусов по Бахусу / Л. В. Церкасевич // Современная Европа. – 2011. – № 2. – С. 109-125.

177. Чеботарев, А. В. Сравнительно-правовая и историческая характеристика уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное предпринимательство / А. В. Чеботарев // Юристъ-Правоведъ. – 2008. – № 1. – С. 19-23.

178. Чемеринский, К. В. Общественная опасность как категория уголовного права / К. В. Чемеринский // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2014. - № 1. – С. 1-7.

179. Черкасов, С. А. Правовые основы микрофинансовой деятельности / С. А. Черкасов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6. – С. 52-55.

180. Чжичан, С. О незаконном предпринимательстве по уголовному кодексу КНР / С. Чжичан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 89-90.

181. Шайдуллина, В. К. Декриминализация преступлений в сфере предпринимательства / В. К. Шайдуллина, М. Г. Кырлан //Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6. – С. 244-250.

182. Шарнина, Л.А. Частные и публичные интересы в конституционном праве / Л. А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 4-6.

183. Яни, П. С. Вопросы квалификации ограничения конкуренции (ст. 178 УК) по признаку извлечения дохода / П. С. Яни // Законность. – 2021. – № 10. – С. 28-32.

184. Яни, П. С. Вопросы квалификации незаконного участия в предпринимательской деятельности / П. С. Яни // Законность. – 2021. – № 9. – С. 42-45.

185. Яни, П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 11. – С. 42-46.

186. Яни, П. С. Предпринимательские преступления против собственности / П. С. Яни // Законность. – 2017. – № 1. – С. 46-51.

187. Яцеленко, Б. В. Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности / Яцеленко Б. В., М. Г. Жилкин // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. – Ярославль : Изд-во Яросла в. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 2002. – С. 21-32.

Материалы судебной практики

188. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2024 № 1120-О/2024 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенкова Максима Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. – URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision759813.pdf (дата обращения 10.08.2024).

189. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 08.07.2024 по делу № А40-137219/2021. // Консультант Плюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=523043 (дата обращения: 21.07.2024).

190. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 7 июля 2015 г. № 32) //

Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

191. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

192. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан по делу № 1-913/2023 от 23.11.2023 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: https://www.sudact.ru (дата обращения: 30.05.2024).

193. Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) № 12-132/2024 от 15.02.2024 по делу № 12-132/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 07.09.2024).

Электронные ресурсы

193. Бизнес предложил декриминализировать десять экономических статей в УК // РБК : [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409371d9a7947657509820d (дата обращения: 09.09.2024).

194. Заруцкая, Н. ЦБ хочет реформировать рынок микрофинансирования / Н. Заруцкая // Ведомости : [сайт]. – URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/08/20/1056723-tsb-hochet-reformirovat-rinok-mikrofinansirovaniya (дата обращения: 09.09.2024).

195. Количество зарегистрированных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Федеральная налоговая служба России : [сайт]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 31.08.2024).

196. О необходимости решения вопроса о введении административной и уголовной ответственности за ростовщичество и четком распределении мер ответственности и наказаний за него по степени причиненного вреда // Российская общественная инициатива : [сайт]. – URL: https://www.roi.ru/102188/ (дата обращения: 01.09.2024).

197. Путин поручил декриминализовать нарушения в сфере предпринимательства // РБК : [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/641337de9a7947196cbb576d (дата обращения: 09.09.2024).

198. Ростовщичество и черные коллекторы в Италии // Информационный портал Займ.ком : [сайт]. – URL: https://zaim.com/articles/regulirovanie-rynka/rostovshchichestvo-i-chernye-kollektory-v-italii/ (дата обращения: 09.09.2024).

Публикации на иностранных языках

199. Balabiyev, K. R.; Narbekova, T. M.; Ahatov, U. A. Criminal Liability for Illegal Entrepreneurship, Illegal Banking Activity, Microfinancial or Collection Activities: Comparative Legal Analysis of Criminal Legislation of Foreighn Countries / K.R. Balabiyev, T. M. Narbekova, U. A. Ahatov // Journal of Actual Problems of Jurisprudence / Habaršy. Zaņ Seriâsy. – 2023. – Vol 106. – Issue 2. – P. 96-103.

200. De Nigris, M. Usura nel contenzioso bancario: aspetti di diritto comparator // Diritto penale globalizzazione: [sito web]. – URL: https://www.dirittopenaleglobalizzazione.it/ (дата обращения: 15.10.2024).

201. Fisher, T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen / T. Fisher. – München, 2013. – S. 2157-2161.

202. Jeandider, W. Droit pénal des affaires / W. Jeandider. – Paris, 2000. – 618 p.

203. Say, J. B. Cours d’économie politique et autres essais / J. B. Say. – Paris : GF-Flammarion (Selection of main writings), 1996. – 450 p.

204. Vérin, H. Entrepreneurs, entreprise: histoire d’une idée / H. Vérin. – Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1982. – 271 p.

205. Watson, A. Legal Transplants. An Approach to Comparative Law / A. Watson. – University of Georgia Press, 1974. – 111 p.